

Antoni Bortnowski

**Историческое время в эмиграционной прозе Михаила Осоргина**





**Историческое время в эмиграционной  
прозе Михаила Осоргина**



Antoni Bortnowski

**Историческое время в эмиграционной  
прозе Михаила Осоргина**

Wydział Neofilologii UAM w Poznaniu  
Poznań 2016  
Projekt okładki:

Antoni Bortnowski

Recenzja:  
dr hab. Wawrzyniec Popiel-Machnicki

Copyright by:  
Antoni Bortnowski

Wydanie I, Poznań 2016

**ISBN 978-83-947198-9-0**

\*DOI: 10.14746/9788394719890\*

Wydanie:  
Wydział Neofilologii UAM w Poznaniu  
al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań  
e-mail: [dziekneo@amu.edu.pl](mailto:dziekneo@amu.edu.pl)  
[www.wn.amu.edu.pl](http://www.wn.amu.edu.pl)

# СОДЕРЖАНИЕ

Введение .....	7
1. Творческая биография Михаила Осоргина .....	21
2. Концепция времени и истории в творчестве Михаила Осоргина .....	47
3. Человек и история в творчестве Михаила Осоргина.....	95
4. Судьба России на фоне истории в концепции времени Михаила Осоргина .....	142
Заключение .....	183
Resume.....	190
Summary .....	193
Библиография .....	195





## Введение

Русскую культуру XX столетия невозможно рассматривать без учета исторических событий, ставших одним из факторов, определяющих ее развитие. Феномен русского зарубежья – это одно из главных последствий вмешательства политики и идеологии в мир искусства.

На протяжении XX века внутренняя ситуация в России и СССР вызвала массовую эмиграцию в масштабах не встречаемых ранее в истории. Россияне покидали родину тремя волнами. Первая из них, самая масштабная, стала непосредственным результатом большевистского переворота и гражданской войны 1918–1922 годов. Вторая волна возникла в конце второй мировой войны, когда у части россиян появилась возможность покинуть родину вместе с отступающими гитлеровскими войсками. По сравнению с первой волной эмиграции, в ней было значительно меньше выдающихся писателей и поэтов<sup>1</sup>. Наконец третью волну русской эмиграции в XX столетии составили преимущественно диссиденты, покинувшие СССР в 70-е, начале 80-х гг., в результате очередного усиления политических репрессий. Люди искусства выезжали по собствен-

---

<sup>1</sup> L. Suchanek, *Emigracja rosyjska XX wieku*, [в:] *Rosjoznawstwo*, под ред. L. Suchanka, Kraków 2004, с. 393.

ному желанию или, как показывает пример Александра Солженицына, высылались за границу решением властей<sup>2</sup>.

Первая волна эмиграции была самой массовой, охватившей согласно данным различных источников от 1 до 3 миллионов человек. Ее особенностью является также факт, что Россию покинули тогда люди преимущественно высших слоев общества, в том числе большая часть интеллектуальной элиты страны. Писатели в этом контексте не стали исключением, что связано с внутрисполитической ситуацией в России, сложившейся после октябрьского переворота.

Советская власть, стремясь к построению нового общества, видела в искусстве инструмент, агитации и пропаганды<sup>3</sup>. Согласно своему сугубо утилитарному подходу к литературе, большевики считали произведения не связанные с политикой в лучшем случае ненужными, а творчество, расходящееся в идеологическом плане с официальной линией партии, становилось объектом острой критики и грозило его автору серьезными последствиями. Кроме того, люди культуры часто подвергались репрессиям только по причине своего происхождения и автоматически причислялись к так называемым «буржуям», сторонникам старого строя<sup>4</sup>. Еще одной причиной эмиграции стал факт, что многие россияне не могли или не хотели приспособиться к жизни в новой, чужой для них действительности.

Все эти факторы привели к образованию за границей своего рода «России в миниатюре», сохранившей во многом черты дореволюционного общества<sup>5</sup>. Как справедливо замечает И. Мянговска, «первая волна» стала наиболее

---

<sup>2</sup> О. Михайлов, *От Мережковского до Бродского – литература русского зарубежья*, Москва 2001, с. 4.

<sup>3</sup> A. Drawicz, *Po przewrocie bolszewickim*, [в:] *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, под ред. A. Drawicza, Warszawa 2002, с. 174.

<sup>4</sup> Там же, с. 175.

<sup>5</sup> Т. Скрябина, *Литература русского зарубежья*, <http://www.krugosvet.ru/articles/102/1010235/1010235a1.htm>, (23.03. 2012).

деятельным периодом литературы русского зарубежья<sup>6</sup>. В результате своей массовости, она сформировала за пределами России литературные центры, и, несмотря на факт, что эмигранты были разбросаны почти по всему миру, большинство из них сосредоточилось в нескольких городах, образовав очаги русской культуры за рубежом. Итак, главным центром русской эмиграции до середины 20-х гг. был Берлин, а потом, в связи с недружелюбной политикой немецких властей к эмигрантам, культурная жизнь изгнанников из России до 1940 г. развивалась главным образом в Париже. Довольно крупные центры возникли также в Праге, Белграде, Риге, Варшаве, а также в китайском Харбине<sup>7</sup>.

Жизнь русских писателей за рубежом была тяжелой. Главным образом это было связано с необходимостью содержаться в положении, когда большинство читателей, а вместе с ними также источники дохода, остались на родине. Этот своего рода замкнутый круг, в котором писатели неоднократно становились друг для друга читателями и критиками, заставил многих заниматься, параллельно с литературой деятельностью, «подрабатыванием» совсем неинтеллектуальным трудом. Например, многие представители российской интеллигенции в Париже стали местными таксистами. При этом следует упомянуть, что помогал им в этом выученный на родине французский язык.

Дополнительно, тяжелое положение эмигрантов долгое время усугубляли пробольшевистские симпатии среди интеллектуальных элит Запада<sup>8</sup>. В результате беженцы существовали в изоляции, что с другой стороны имело также положительный эффект. Сплоченность эмиграции в большой степени позволила ей сохранить культурные и

---

<sup>6</sup> J. Mianowska, *Antologia rosyjskiej prozy emigracyjnej (pierwsza i trzecia fala emigracji)*, Bydgoszcz 1997, с. 9.

<sup>7</sup> А. Drawicz, *Historia literatury rosyjskiej XX wieku...*, указ. соч., с. 311.

<sup>8</sup> Там же, с. 312.

духовные традиции потерянной родины. Согласно мнению историков, русское зарубежье имело ясно выраженные цели: сохранить память о дореволюционной России, ее традиции и систему ценностей, поддерживать силы противостоящие большевизму, а также открыть глаза миру на ужасные последствия русской революции, ставшие предостережением для всего человечества<sup>9</sup>.

Инструментом, с помощью которого эмигрантские круги пытались осуществить эти весьма непростые задачи, стало, главным образом, печатное слово. На Западе действовало огромное количество русских издательств, выходили литературные журналы, в которых печатались кроме творчества эмигрантов, также произведения русских классиков.

Особенно развита и богато представлена была проза. Это было связано с фактом, что, в отличие от выдающихся поэтов, которые в основном остались в России (кроме Марины Цветаевой, Владислава Ходасевича, Константина Бальмонта), большинство лучших писателей покинуло родину<sup>10</sup>. Рассматривая прозу первой волны эмиграции, можно выделить несколько довольно характерных ее особенностей. Прежде всего, в глаза бросаются отличия между «старшим» и «младшим» поколениями писателей. Творчество первых было уже известно в дореволюционной России, а за границу они выехали сформировавшимися литераторами, чей стиль и идеологическая позиция были довольно устойчивы и не изменились в условиях жизни за пределами родины. По этой причине творчество «старшего» поколения писателей стало в основном прямым продолжением русской дореволюционной литературы<sup>11</sup>. На эту особенность указывают также польские эмигрантологи, отмечая, что писатели старшего поколе-

---

<sup>9</sup> L. Suchanek, *Emigracja rosyjska XX wieku...*, указ. соч., с. 388.

<sup>10</sup> A. Drawicz, *Historia literatury rosyjskiej XX wieku...*, указ. соч., с. 311.

<sup>11</sup> Т. Скрябина, *Литература русского зарубежья...*, указ. соч.

ния продолжали русскую национальную традицию, базируя на воспоминаниях об утерянной родине<sup>12</sup>. В свою очередь «младшее» поколение начало полномасштабную литературную деятельность уже за пределами родины, что повлияло на их прозападную ориентацию и стремление освободиться от прошлого, преодолеть изоляцию русской эмиграции. Среди наиболее известных писателей «младшего» поколения, достигших этой цели, следует выделить Гайто Газданова и Владимира Набокова<sup>13</sup>.

Согласно вышесказанному, «старшее» поколение стремилось сохранить дореволюционные ценности за рубежом, что имело огромное влияние на их творчество, и, прежде всего, на тематику произведений. Главным мотивом многих романов стала «ностальгия» по утраченной родине, воспоминания жизни, навсегда ушедшей в прошлое. Данная закономерность выражалась обилием автобиографических и религиозных элементов, отображающих настроение грусти, соединенное с верой в духовные ценности и «вечную Россию»<sup>14</sup>.

Особое место в творчестве «старшего» поколения первой волны эмиграции заняла тема революции и гражданской войны как причины катастрофы, случившейся с Россией (*Окаянные дни* Ивана Бунина, *Взвихренная Русь* Алексея Ремизова, *Золотой узор* и *Голубая звезда* Бориса Зайцева, *Сивцев Вражек* Михаила Осоргина, *Солнце Мёртвых* Ивана Шмелева, *Зверь из бездны* Евгения Чирикова и многие другие). Практически все писатели давали оценку этим трагическим событиям, а их реминисценции часто появлялись между строк произведений, тема которых не касалась непосредственно периода революции<sup>15</sup>. Таким образом русское зарубежье дало собственное, глубокое и гораздо менее однозначное, по сравнению с боль-

---

<sup>12</sup> J. Mianowska, *Antologia...*, указ. соч., с. 11.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Т. Скрябина, *Литература русского зарубежья...*, указ. соч.

<sup>15</sup> Там же.

шевистской точкой зрения, осмысление конца царской России. На протяжении семидесяти лет оно тщательно скрывалось официальными властями СССР.

Советская пропаганда сумела доподлинно вычеркнуть из истории литературы огромное число не только выдающихся произведений, но и фамилий. Это касается особенно писателей, которые враждебно отнеслись к большевикам в годы гражданской войны. В отличие от второй и третьей волн эмиграции, их произведения почти не проникали на родину, очень редко издавались в самиздате и даже сейчас они часто известны лишь узкой группе литературоведов. Фамилии Алданова, Газданова, Зайцева, Осоргина, Шмелева, Чирикова и многих других постепенно возвращаются из небытия, заново открываются и переосмысливаются. Благодаря этому процессу, русская литература XX века приобретает новое значение, переопределяясь из ограниченной идеологией советской в полноценную и многогранную русскую литературу. Данное явление стало возможным благодаря существованию русского зарубежья, которое стало звеном, сохранившим на чужбине культуру и систему ценностей дореволюционной России, соединившим ее традиции с современностью. Люди, которые не будучи в состоянии смириться с новой системой и из-за этого вынужденные навсегда оставить свою родину, спасли ее культуру и традиции, а также, десятилетия спустя, дали возможность читателю, жившему за железным занавесом узнать другую, несомненно более объективную точку зрения на события русской революции и гражданской войны. Эмигранты своими глазами наблюдали исторические потрясения, постигшие Россию, и, попав в другие страны, описывали свои впечатления без вмешательства цензуры. Различные точки зрения сосуществовали в русской диаспоре по всему миру. Революция воспринималась писателями по-разному, но, в условиях творческой свободы, каждый мог без ограничений высказывать свое мнение и свободно выражать эмоции. Именно

этот факт обусловил огромное разнообразие литературы русского зарубежья.

Произведения эмигрантских писателей долгие годы ждали своего времени, момента, когда они смогут вернуться на родину. Весь этот период советские власти осознавали потенциальную опасность литературы, которая была в состоянии разрушить миф о всеобщей поддержке народом большевиков после событий 1917-го года. Весь период существования СССР в Государственной Библиотеке им. В.И. Ленина в Москве существовало тайное отделение, занимающееся собиранием и анализом всех вышедших на западе публикаций, касающихся более или менее непосредственно России или СССР. Естественно, туда попали почти все произведения русской эмиграции, благодаря чему советское руководство несколько вопреки самому себе создало в центре Москвы самый большой в мире фонд русского зарубежья, являющийся сегодня одним из отделений Российской Государственной Библиотеки. Тщательное изучение «контрреволюционной» литературы должно было помочь в борьбе с недобитыми «буржуями», однако, в итоге, иронией судьбы, советские власти, из-за своей чрезмерной бдительности, облегчили произведениям изгнанных писателей возвращение на родину.

Этот сложный процесс длится до сих пор, так как российским и восточноевропейским литературоведам пришлось переосмыслить всю историю русской литературы XX столетия. Как заметила польский исследователь русского зарубежья, Иоанна Мянowska, после отхода от идеологического канона возникла задача «ввести в официальный обиход колоссальный «возвращенный» или «запоздалый» материал»<sup>16</sup>.

Благодаря заново открываемой литературе русской эмиграции, перед читателем предстает разнообразный и

---

<sup>16</sup> J. Mianowska, *Литература русского зарубежья в польских учебных пособиях* [в:] «Acta Polono-Ruthenica» XI, Olsztyn 2006, с. 161.

многогранный мир, полный различных форм, богатый сюжетами. Постепенно становится ясным, что самобытный мир русской культуры начала XX века не погиб, не сгорел в огне гражданской войны и не был задавлен репрессивной системой советского государства. Безусловно, нельзя сказать, что он остался без изменений – ведь «дети» погибшей России остались без родины, все эмигранты в меньшей или большей степени испытали на себе зверства революции, стали чужими, даже врагами на любимой родной земле и вынуждены были строить новую жизнь на чужбине. Все это отразилось на их психике, а в случае писателей стало заметным в их творчестве. Итак, не все выдерживали жизнь в новой обстановке, некоторые от тоски по родине решались даже вернуться. Однако чаще всего дороги назад уже не было.

Процесс воссоединения двух ветвей русской литературы охватил также наследие Михаила Андреевича Осоргина. Имя писателя впервые стало известно русскому читателю благодаря изданию в 1989 г. сборника статей *Записки старого книгоеда*. Осоргин, хорошо известный своей публицистикой в дореволюционной России и знакомый европейскому читателю уже в 20-е годы, 70 лет оставался практически незамечаемым на своей родине. Большую часть своей сознательной жизни писатель прожил в эмиграции. За пределами России он провел кроме десяти лет в период своего первого изгнания, также последние двадцать лет жизни. Несмотря на это, родная страна всегда была в центре внимания Михаила Осоргина. Даже общемировые проблемы и универсальные законы времени он рассматривал с точки зрения исторического пути России и судьбы русской культуры. Изучение богатого творчества Михаила Осоргина – это давно назревшая задача современного литературоведения. Несмотря на наличие уже достаточно большого количества научных работ, посвященных его наследию, многие аспекты литературной деятельности писателя все еще слабо изучены.



Вместе с тем, полная и целостная оценка значения литературы русского зарубежья возможна только на основе подробного исследования каждой из писательских индивидуальностей. Вытекает это, прежде всего из разнообразия творческих путей писателей-эмигрантов, ставшего результатом их внутренней свободы. Как справедливо отметила И. Мянowska, именно отсутствие цензора стало «главным стимулом развития литературы русского зарубежья»<sup>17</sup>. Сегодня уже исследована и осмыслена существенная часть наследия русского зарубежья, однако целостная оценка творчества одного из ярких представителей «первой волны» – Михаила Андреевича Осоргина – все еще находится в стадии формирования.

Интерес к творчеству автора *Сивцева Вражка* в настоящее время неслучаен, так как в своих произведениях он затрагивал универсальные проблемы, особенно актуальные в эпоху нравственного кризиса начала XXI века. Утверждая циклический характер времени, Михаил Осоргин не ошибался в своих убеждениях относительно повторяемости и неизменяемости проблем, с которыми приходится бороться человечеству. На рубеже веков современная цивилизация в очередной раз сталкивается с нехваткой идейных ориентиров. В обществе, лишенном идеологии и одновременно отходящем от религиозных ценностей, вновь, так же, как в начале XX столетия, распространяется эгоизм с ярко выраженной примесью нигилизма и гедонизма. О деструктивности такого пути развития предупреждал Михаил Осоргин. Вместе с тем, мир захлестывает волна терроризма, который в своем радикализме и бессмысленности ни в чем не отличается от насилия, описанного Осоргиным в *Свидетеле истории*. Государства и мировые лидеры так же, как и десятилетия и столетия назад, самоуверенно считают, что точные стратегии и экономические прогнозы могут решить проблемы человечества. Несогласие автора *Сивцева Вражка* с «му-

---

<sup>17</sup> J. Mianowska, *Antologia...*, указ. соч., с. 11.

равным» устройством общества, необыкновенно эффективным, но лишаящим человека его врожденной свободы и индивидуальности, кажется особенно актуальным в контексте бурного развития современных азиатских стран.

Взгляды Михаила Осоргина на природу времени и, в особенности, на свойства исторического процесса являются одним из основополагающих аспектов творчества писателя. При всей своей радикальности и бескомпромиссности, убеждения автора *Сивцева Вражка* заслуживают углубленного анализа. Прежде всего, произведения Михаила Осоргина позволяют под несколько другим ракурсом взглянуть на временной поток и заметить в нем явления и закономерности, часто пропускаемые не только историками, но и другими писателями. В данной работе проводится попытка выделения основных особенностей восприятия Михаилом Осоргиным течения времени и определения эволюции мировоззрения писателя на протяжении всей его богатой творческой жизни. Предметом анализа стали, кроме крупных произведений эмиграционного периода деятельности Михаила Осоргина (*Сивцев Вражек*, *Свидетель истории*, *Книга о концах*, *Вольный каменщик*, *Времена*), также его рассказы, эссе и публицистические труды.

В первой главе представляется краткая биография Михаила Андреевича Осоргина с целью показать влияние жизненного пути писателя на восприятие им действительности. Уральская природа, среди которой Михаил Осоргин провел детство, развила в будущем писателе глубокое уважение к окружающей среде и вызвало первые мысли о вечном перевоплощении всего живого. Родная река Кама, ставшая символом величия непокоримой природы, впоследствии явилась в творчестве Михаила Осоргина символом неостановимого потока времени. Уже в школе будущий писатель понял, что знания, преподносимые ему на уроках, несравнимы с мудростью природы, совершенная гармония которой не может быть выражена сухими формулами.

Студенческие годы в Москве дали молодому Осоргину, жаждущему активно участвовать в процессе совершенствования общества, возможность осознать и понять не только репрессивный характер государственной власти, но и бессмысленность насильственной борьбы за будущее счастье.

Мировые войны, революции и, прежде всего, гражданская война сформировали у Михаила Осоргина убеждение, что цивилизация и технический прогресс ведут человечество по пути к самоуничтожению и разрушают его гармоничную связь с окружающей природной средой.

Взгляды писателя на свойства времени и место человека в истории появляются во всех его произведениях. В первой главе данной работы дана краткая характеристика трудов, в которых ярче всего выражена специфика мировоззрения Михаила Осоргина.

Темой второй главы данного исследования стали специфические черты концепции времени и истории, представленные в творчестве писателя. Следует здесь отметить, что Михаил Осоргин, будучи противником каких-либо теорий, никогда не стремился создать целостной философской системы в классическом понимании этого слова. Вместе с тем в его взглядах можно выделить определенные закономерности, ставшие предметом данного анализа. Во второй главе работы затрагиваются такие вопросы как цикличность природного и исторического времени в творчестве Михаила Осоргина, тесная взаимосвязь «большого» и «космического» с «малым» и «индивидуальным», а также рассматривается вопрос противоречий между технической «лжецивилизацией» и гармонией природного ритма. Главным мотивом в произведениях Михаила Осоргина становится природа и ее космические законы, в связи с чем во второй главе работы затрагивается вопрос приверженности писателя идеям пантеизма.

При всем своем своеобразии, произведения Михаила Андреевича Осоргина остаются тесно связанным с тради-

ционными проблемами русской литературы, появляющимися в творчестве его современников. Прежде всего, понимание Осоргиным истории продолжает традиции Льва Николаевича Толстого, хотя в его произведениях гармонично сочетаются также идеи, выраженные в творчестве Ивана Тургенева, Федора Достоевского, Михаила Булгакова и Марка Алданова.

Характерной чертой восприятия Михаилом Осоргиным исторического процесса стала однозначно отрицательная оценка роли государства и официальной религии в процессе развития человечества. В миропонимании писателя они всегда ограничивали свободу личности, являющуюся для писателя одним из главных принципов.

Во второй главе уделено также внимание образам природы, служащим Михаилу Осоргину не только для описания течения времени, но и для отображения закономерностей многих других аспектов действительности. Река становится у Осоргина метафорой как человеческой судьбы, так и истории государства; земля воплощает вечные законы бытия и становится главным источником жизни; гроза ломает деревья так же, как войны разрушают человеческую жизнь, а величие солнца доказывает ничтожность человеческой цивилизации на фоне вечных космических процессов.

Неизменной особенностью всех произведений Михаила Осоргина является значение человека и его жизни, являющихся для писателя главной ценностью. Место и роль личности рассматривается в третьей главе данной работы. Человеческая жизнь, наравне с ритмом природы и историческим процессом, становится третьим измерением времени, представленным на страницах произведений Михаила Осоргина. Интерес писателя к «маленькому» человеку обусловлен культом «малого» в его мировосприятии. Жизнь складывается из мельчайших подробностей, а большая история проявляется именно в судьбах простых людей. Практически все мировоззрение Михаила Андре-

евича Осоргина нашло отражение в этой классической теме русской литературы.

Автор *Сивцева Вражка* уделяет много внимания вопросу вторжения исторической стихии в жизнь человека. Дом и История становятся образами, определяющими взаимоотношения естественного хода семейной жизни и жестокой разрушительной силы цивилизации. В третьей главе рассматриваются взгляды Михаила Осоргина относительно места человека в историческом потоке времени и его способности активно бороться за свои идеалы.

Последняя часть данной работы посвящена месту России в мировоззрении писателя. Михаил Осоргин, описывая космические закономерности, рассматривал их в контексте судьбы своей родины. В четвертой главе производится попытка осмысления взглядов писателя на исторический путь России, а также восприятия Михаилом Осоргиным революции и гражданской войны. Кроме того, рассматривается также вопрос отношения автора *Сивцева Вражка* к будущему России в контексте дальнейшего развития всего человечества. Следует отметить, что для Михаила Осоргина, ярко выраженного «антигосударственника», безразличной была не только судьба политического строя его родины, но также проблема дальнейшего развития страны, как таковой. Писатель воспринимал Россию в качестве самобытной части природного мира и в таком контексте рассматривал ее будущее.

Социальный строй и народное сознание были для «Осоргина-индивидуалиста» понятиями надуманными и искусственными. Согласно убеждениям писателя, их создала политическая власть, стремящаяся подчинить себе свободного русского человека. Характерная позиция Михаила Осоргина по отношению к указанной проблеме стала предметом рассмотрения в последней главе данной работы.

На основании анализа природы времени в творчестве Михаила Андреевича Осоргина можно сделать выводы,

что писатель, продолжая традиции русской классической литературы, представил своеобразную пантеистическую картину действительности, утверждающую разнообразие и одновременно единство вселенной, в которой прошлое и будущее сливаются с настоящим. Михаил Осоргин представляется также убежденным гуманистом, для которого человеческая жизнь стоит превыше всего, а свобода личности становится главным принципом. Взгляды писателя на природу времени во многом определяют его восприятие других аспектов действительности, что стало предметом анализа в данной работе.

## **Глава I. Творческая биография Михаила Осоргина**

Михаил Андреевич Осоргин – это один из наиболее известных представителей литературы русского зарубежья, чье имя, на долгие годы забытое на родине писателя, последние два десятилетия все чаще звучит среди литературоведов. Творчество Осоргина постепенно возвращается также русским читателям, что актуализирует проблему всестороннего изучения произведений писателя. Вместе с тем за пределами России художественное наследие Михаила Осоргина до сих пор остается мало известным. Судьба писателя стала одной из наиболее трагичных на фоне русской эмиграции. Осоргин, всю жизнь ощущая себя патриотом, в молодости сидел в тюрьме за критику самодержавия, затем, попав в изгнание и тоскуя по родине, не нашел понимания и на чужбине. «Вечный оппозиционер» до конца жизни мечтал вновь увидеть Россию, но его судьба сложилась иначе.

Михаил Осоргин всегда утешал себя мыслью, что, по крайней мере, его творчеству когда-нибудь будет дано вернуться из изгнания. В начале XXI века можно сказать, что надежды писателя оправдались. Его книги уже 20 лет печатаются и переиздаются в России. В 2010 г. в серии

«Красная книга русской прозы» вышел авторский сборник *Свидетель истории*<sup>1</sup>.

Михаил Осоргин превыше всего ценил свободу и независимость, которых чаще всего не хватало в тяжелые времена его жизни. «Вспоминая свои тюрьмы, ссылки, высылки, допросы, суды, всю историю насилий и издевательств, каким можно подвергнуть человека мысли незаavisимой... я не думаю, чтобы погрешил слабостью или сдачей, или проявил себя малодушием, или попытался скрыть свои взгляды и смягчить участь сделкой с совестью. Этого не было», – заявлял Осоргин во *Временах*<sup>2</sup>. Все творчество писателя пронизывали страстная любовь к природе, пристальное внимание ко всему природному миру и привязанность к обыкновенным, ускользающим от внимания вещам.

Читателям Михаил Осоргин известен как прозаик, эссеист и публицист, который оставил после себя большое количество произведений и трудов, имеющих существенное значение для современности. Долгое время одним из немногих произведений, известных более широкому кругу читателей и заметным в трудах, посвященных литературе русского зарубежья, был роман *Сивцев Вражек*. В последние годы, однако, появляется все больше работ, посвященных как общему обзору литературного наследия Осоргина, так и исследования, касающиеся политических и общественных убеждений писателя<sup>3</sup>.

Среди трудов постсоветского периода, посвященных творчеству автора *Сивцева Вражка*, следует отметить прежде всего диссертацию Татьяны Марченко, включающей в себя широкий обзор эмиграционного творчества

---

<sup>1</sup> Кроме *Свидетеля истории* в сборник вошли также рассказы *Из маленького домика*, роман *Сивцев Вражек* и автобиографическое повествование *Времена*.

<sup>2</sup> М. Осоргин, *Времена* [в:] его же, *Свидетель истории: романы, повести, рассказы*, Москва 2010, с. 689.

<sup>3</sup> См.: Н. Нестерова, *Общественно-политические взгляды и деятельность М. А. Осоргина*, Брянск 2009



Михаила Осоргина<sup>4</sup>. Наследие писателя стало также темой биографических статей Олега Ласунского<sup>5</sup>, рассматривающего жизнь и творчество писателя в контексте исторического времени, а также исследований Людмилы Поликовской, занимающейся изучением публицистики Осоргина<sup>6</sup>. Ольга Авдеева в своих работах сосредоточилась на осмыслении жизненного пути писателя<sup>7</sup>, а Нина Барковская рассматривает художественное своеобразие исторических миниатюр Осоргина<sup>8</sup>. В свою очередь, проблемой «маленького человека» в творчестве писателя занялась Галина Лобанова<sup>9</sup>. Это далеко не все крупные исследования, темой которых стало наследие выдающегося представителя русской литературы первой волны эмиграции. Произведения писателя привлекали и в дальнейшем привлекают внимание широкого круга литературоведов.

Галина Лобанова разделяет историю изучения творчества Михаила Осоргина на три периода: французский (1922–1942), американский (1952–1973) и российский (с

---

<sup>4</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина: 1922–1942*, Москва 1994.

<sup>5</sup> О. Ласунский, *Михаил Осоргин: структура, качество и эволюция таланта* [в:] *Михаил Осоргин: жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений*, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, О. Ласунского, Пермь 1994; О. Ласунский, *В споре с эпохой* [в:] М. Осоргин, *Воспоминания. Повесть о сестре*, Воронеж 1992.

<sup>6</sup> Л. Поликовская, *Публицистика Михаила Осоргина (август 1916 – сентябрь 1918 гг.): темы, идеи, жанры* [в:] *Михаил Осоргин: жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений*, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, О. Ласунского, Пермь 1994.

<sup>7</sup> О. Авдеева, *Лучшие на свете книги написаны большими сердцами...* [в:] М. Осоргин, *Собрание сочинений в 2-х томах*, т. 1, Москва 1999; О. Авдеева, *Ласточки непременно прилетят...* [в:] М. Осоргин, *Сивцев Вражек*, Москва 1990.

<sup>8</sup> Н. Барковская, *Возвращение к истокам (Осмысление исторической судьбы России в «Старинных рассказах» М. Осоргина)* [в:] *Михаил Осоргин: Жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений*, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, Олега Ласунского, Пермь 1994.

<sup>9</sup> Г. Лобанова, *«Маленький человек» в вихре истории: опыт анализа романов М. Осоргина 1920–1930 гг.*, Уфа 2008.

1988 г)<sup>10</sup>. Первый крупный научный труд, посвященный творчеству писателя – это англоязычная диссертация Д. Фини, защищенная им в 1973 г. (D. Fiene, *M.A. Osorgin – The Last Mogican of the Russian Intelligentsia*, 1976). Она стала завершением и итогом американского этапа изучения творчества Осоргина, начавшегося в 1952 г. изданием в Соединенных Штатах *Писем о незначительном* с предисловием Марка Алданова. В работе Фини были освещены эволюция мировоззрения выдающегося представителя русской интеллигенции, проблематика и художественные особенности его произведений<sup>11</sup>. Фини стал одним из немногих исследователей, получивших полный доступ к информации на тему творчества и деятельности автора *Сивцева Вражка*. На современном этапе самой большой трудностью в изучении творчества Осоргина является факт недоступности его архива, переданного в 1966 г. вдовой писателя, Татьяной Бакуниной-Осоргиной в Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Для широкого пользования он закрыт вплоть до 2020 г., причем доступ к документам всецело зависел от разрешения Татьяны Бакуниной. До сих пор таким разрешением пользовался узкий круг исследователей, в том числе Д. Фини, Олег Ласунский и Ольга Авдеева<sup>12</sup>.

Творчество Михаила Андреевича Осоргина до конца 1980-х годов XX в. было почти неизвестно читателям в Советском Союзе, хотя, как признавался сам писатель, он «хотел бы печататься только в России»<sup>13</sup>. Михаил Осоргин стал одним из пассажиров так называемого «философского парохода», на котором осенью 1922 года большевики выслали из СССР группу писателей, философов, ученых, являющихся ненужными и опасными в глазах

---

<sup>10</sup> Там же, с. 5.

<sup>11</sup> И. Боравская, *Воплощение натурфилософской концепции в художественной прозе М. Осоргина 1920-х годов*, Москва 2007, с. 7-8.

<sup>12</sup> Там же, с. 8.

<sup>13</sup> Цит. по: И. Боравская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 5.

советской власти. Его книги стали широко доступны читателю в России только в 1989 г., когда были изданы *Заметки старого книгоеда*, подготовленные к печати Олегом Ласунским, а затем книга *Времена*, в состав которой вошли романы *Сивцев Вражек* и *Свидетель истории*, а также автобиографическое повествование *Времена*. В 1999 г. впервые появилось собрание сочинений Осоргина – двухтомное издание со вступительной статьей Ольгой Авдеевой, дополненное в 2003 г. – одним, а в 2005 г. – двумя томами. Несмотря на упомянутые издания, многое все еще остается в малодоступных зарубежных изданиях, большая часть которых – это газеты и журналы. Прежде всего, проблема доступности трудов Осоргина касается его публицистики, являющейся важной с точки зрения анализа мировоззрения писателя в частности и истории русской мысли в целом. В настоящее время для издания и изучения наследия Осоргина в России уже немало сделано Олегом Ласунским, Ольгой Авдеевой, Андреем Серковым, Татьяной Марченко, Людмилой Поликовской, Галиной Лобановой, Ириной Боравской и другими. Вместе с тем не хватает работ, дающих полное представление о творчестве писателя, охватывающих все его богатое наследие. Исследования, касающиеся конкретных аспектов литературной деятельности Осоргина, в основном относятся лишь к части его творческого пути. В литературоведении недостает монографических работ, охватывающих весь период творческой деятельности писателя, убеждения которого изменялись на протяжении всей жизни, отражаясь также в его произведениях.

Михаил Андреевич Осоргин (настоящая фамилия Ильин) родился в 1878 г. в Перми, принадлежал к старинной дворянской семье и, следуя традиции родителей, представляющих либеральную интеллигенцию 60-х гг. XIX в., придерживался ярко демократических взглядов.

Отец писателя, Андрей Федорович Ильин был юристом, обедневшим помещиком, принимавшим деятельное

участие в подготовке и проведении реформы, отменившей крепостное право. Именно он привил молодому Михаилу любовь к природе. Осоргин вспоминая детство, писал, что летом, отдыхая на даче, ходил с отцом на длинные прогулки по лесу, где они совместно искали родники и просто «любовались всем, что породила земля»<sup>14</sup>. Отец умер внезапно, когда будущему писателю было всего лишь 12 лет.

Мать Осоргина, Елена Александровна, получила хорошее образование, закончив институт в Варшаве, в котором была единственной русской по национальности студенткой. Она владела французским, немецким и английским языками, а ее переводы иногда печатались в губернской газете. Польский язык был Елене Александровне знаком с детства, говорила она на нем, как полька и даже напевала старинные песни<sup>15</sup>. Как утверждал писатель, мать обучила его большему, чем он узнал к концу первого класса. В пять лет он научился читать, а к семи годам ознакомился уже с книгой *Робинзон в русском лесу*, укрепившей в нем любовь к миру природы. Свои способности Осоргин объяснял тем, что присутствовал при занятиях матери со старшими детьми<sup>16</sup>. Елена Ильина умерла зимой 1905 года, после ареста сына за политическую деятельность в партии эсеров. Давняя болезнь в совокупности с известием о возможной казни сына ускорили ее кончину. Письмо о смерти матери писатель получил в Таганской тюрьме. Как впоследствии вспоминал Осоргин, всю жизнь Елена Ильина жила радостями и горестями мужа и детей<sup>17</sup>.

---

<sup>14</sup> Цит. по: Н. Нестерова, *Общественно-политические взгляды...*, указ. соч., с. 37.

<sup>15</sup> М. Осоргин, *Земля*, [http://az.lib.ru/o/osorgin\\_m\\_a/text\\_0150.shtml](http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0150.shtml) (15.03.2012).

<sup>16</sup> Цит. по: Н. Нестерова, *Общественно-политические взгляды...*, указ. соч., с. 39.

<sup>17</sup> М. Осоргин, *Портрет матери*, [http://az.lib.ru/o/osorgin\\_m\\_a/text\\_0150.shtml](http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0150.shtml) (15.03.2012).

Печататься Михаил Осоргин начал уже в гимназические годы. В 1895 г. в газете «Пермские губернские ведомости» был опубликован написанный юным писателем некролог *На могиле воспитателя. Несколько слов по поводу смерти Ю.Х. Линке*, а в 1896 г. в пятом петербургском «Журнале для всех» рассказ *Отец* за подписью М. Пермяк<sup>18</sup>.

Михаил Осоргин закончил юридический факультет Московского университета. С молодости был активным противником самодержавия и в связи с этим в 1904 г. вступил в партию эсеров. Революцию 1905–1907 гг. Осоргин называл «героической», считал ее чисто интеллигентской и в своих мемуарах романтизировал ее «малых участников», бесстрашных дружинников из числа студентов, шедших в одиночку на толпу черносотенцев<sup>19</sup>. При всей симпатии к революции, писатель не сражался в 1905 г. на улицах Москвы, так как уже в молодости он усомнился в целесообразности насильственной борьбы за свободу.

Убеждения Осоргина не позволили ему принимать непосредственного участия в террористических акциях, что в декабре 1905 г. не помешало властям арестовать молодого оппозиционера и заключить на шесть месяцев в Таганскую тюрьму. Впоследствии оказалось, что его спутали с принимавшим активное участие в беспорядках одноклассником. Этот момент повлиял на ужесточение позиции писателя относительно государственной власти – в результате он стал непримиримым противником всех форм насилия и подавления свободы.

Публицистика всю жизнь сопутствовала Осоргину, проникая также в его художественные тексты. Писатель подрабатывал репортером уже в период учебы (иначе у

---

<sup>18</sup> Л. Поликовская, *Осоргин Михаил Андреевич* [в:] *Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь*, под ред. А. Николаева, том 4, Москва 1999, с. 456.

<sup>19</sup> О. Ласунский, *В споре с эпохой...*, указ. соч., с. 9.

него не было бы возможности закончить университет), однако не оставил журналистики и позднее. На особое место публицистике в наследии Осоргина обратила внимание Людмила Поликовская, выразившая мнение, что романы и повести зрелого Осоргина выросли из его публицистики, а его мемуарная проза зачастую воспроизводит темы, идеи, а иногда даже конкретные факты из его публицистических статей<sup>20</sup>.

В 1906 г. Михаил Осоргин был отпущен под залог, после чего, чтобы избежать очередного ареста, покинул Россию и на долгие годы обосновался в Италии. Там продолжил журналистскую деятельность, став заграничным корреспондентом газеты «Русские ведомости». В то время Осоргин дважды выезжал на Балканы и путешествовал по Болгарии, Черногории и Сербии. За пределами России он пришел к убеждению о бессмысленности политической борьбы. В 1911 г. писатель официально объявил о своем отходе от партии эсеров, а в 1914 г. стал масоном. В Италии прошла первая вынужденная эмиграция Осоргина, в которой писателю было дано ощутить чувство, ставшее хорошо знакомым его коллегам десятилетие спустя. Творческим итогом тех лет стала книга *Очерки современной Италии* (1913).

После начала Первой мировой войны Михаил Осоргин, не желая оставаться в стороне от исторических перемен на своей родине, полулегально вернулся в Россию, был корреспондентом на фронте, много печатался. В 1916 г., в условиях ухудшающейся внутренней обстановки царская полиция уже не работала столь эффективно, что позволяло Осоргину довольно свободно вести свою деятельность. Февральскую революцию писатель приветствовал, усматривая в ней шанс на построение более свободного общества. Совершенно иначе Осоргин отнесся к октябрьскому перевороту, после которого принял решение

---

<sup>20</sup> Л. Поликовская, *Публицистика Михаила Осоргина (август 1916 – сентябрь 1918 гг.): темы, идеи, жанры...*, указ. соч., с. 77-78.

активно бороться против большевистской власти в печати. Такой вид противостояния закончился естественным образом вместе с закрытием последней свободной газеты. В 1918 г., вместе Борисом Зайцевым и Владиславом Ходасевичем Михаил Осоргин создал Книжную лавку писателей (1918–1922), являвшуюся одной из немногих инициатив, нацеленных на сохранение в Москве культурной жизни в тяжелых условиях гражданской войны. Михаил Осоргин в качестве товарища председателя принимал участие в организации Московского отделения Союза писателей, и исполнял обязанности председателя Всероссийского союза журналистов. В 1919 г. Осоргин был вновь арестован, на этот раз большевиками. Ему угрожал расстрел, и только благодаря усилиям членов Союза журналистов писатель вышел на свободу. Заключение утвердило писателя в убеждении, что насильственная природа власти не меняется. Вместе с тем инцидент не повлиял на его активность и желание нести помощь в тяжелый период исторических потрясений.

В 1921 г. Михаил Осоргин участвовал в Комиссии по оказанию помощи голодающим («Помгол») и был редактором издаваемого ею бюллетеня «Помощь». Активная деятельность общественной организации не нравилась советской власти, боровшейся с любыми независимыми инициативами, даже если они были свободны от политической подоплеки. В результате писатель, так же как и другие члены комиссии, был в очередной раз арестован. От смертной казни их спасло личное вмешательство выступающего в Советской России от имени Лиги Наций Фритьофа Нансена. Михаил Осоргин был выслан в Казань, где провел зиму 1921–1922 гг. Учитывая тяжелое состояние здоровья писателя, весной советская власть разрешила ему вернуться в Москву, но уже осенью 1922 г. было принято решение выслать Осоргина из страны под угрозой смертной казни. Официально высылали на три

года, но с устным разъяснением: «То есть на всегда»<sup>21</sup>. Писателю, в последствии столько упоминавшему о цикличности времени, сама родина, в очередной раз отправляя его в изгнание, подталкивала аргументы в пользу данной теории.

Исследователи творчества Михаила Андреевича Осоргина не случайно обращают внимание на факт, что до конца жизни писатель подчеркивал свой отказ от добровольной эмиграции России. Долгие годы Осоргин не терял надежды вернуться на родину и до 1937 г. сохранял советский паспорт.

Писатель тяжело переносил жизнь за границей, все ему там казалось чужим. Свои чувства Осоргин выражал в свойственном ему «природном» стиле: «К сожалению, не всякое растение легко выдерживает пересадку и прививается в чуждом климате и на чужой земле. Я почувствовал себя дома на берегах Камы и Волги, в Москве, в поездках по нашей огромной стране, на местах работы, в ссылках, даже в тюрьмах; вне России никогда не ощущал себя «дома», как бы ни свыкался со страной, с народом, с языком. Это не патриотическая чувствительность, а природная неспособность к акклиматизации»<sup>22</sup>. В эмиграции Осоргину было тяжело: писатель стал еще более радикальным противником каких-либо политических доктрин, превыше всего ценил свободу, в то время, как эмиграция, в большинстве своем, была вовлечена в политические споры. Писатель в этом вопросе никогда не оглядывался на мнение других, отстаивая всегда свою точку зрения. Георгий Адамович главными чертами характера Осоргина называл «задор, хроническое несогласие с общим мнением, каково бы оно ни было, постоянное стремление плыть против течения»<sup>23</sup>. Автор *Сивцева Вражка* отрицал

---

<sup>21</sup> О. Авдеева, А. Серков, *Воспитание души* [в:] М. Осоргин, *Вольный каменщик: Повесть. Рассказы*, Москва 1992, с. 5

<sup>22</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 731.

<sup>23</sup> Г. Адамович, *Мих. Осоргин. Свидетель истории* [в:] «Современные записки» 1932, кн. 50, с. 459.



любую форму коллективизма, рассматривая ее, как непосредственную угрозу человеческой духовности и свободы. В повседневной жизни он всегда был верен этому принципу, выражая на каждом шагу свой яркий индивидуализм. В результате, писатель подвергался всеобщей критике, получив даже несправедливое и необоснованное прозвище «большевизана»<sup>24</sup>. О степени недоверия и неприязни к Осоргину в некоторых эмигрантских кругах свидетельствуют высказывания Ходасевича, утверждавшего, что писатель на самом деле не высланный, а скорее «подосланный»<sup>25</sup>. Предвзятое отношение к Осоргину в среде русского зарубежья не повлияло на трудолюбие писателя. Верный своим убеждениям, писатель сразу после прибытия за границу включился в культурную жизнь эмиграции – во Франции Михаил Осоргин продолжил активную журналистскую и литературную деятельность, печатался в периодических изданиях многих европейских столиц (Берлина, Парижа, Праги, Варшавы, Стокгольма, Риги). В большой степени это было обосновано сложным материальным положением. Как вспоминал Василий Яновский, «так же, как Алданов, Осоргин любил подчеркнуть, что никогда не получал субсидий и подачек от общественных организаций. Ему приходилось писать два подвала в неделю для «Последних новостей»<sup>26</sup>. В тяжелых условиях эмиграции, Осоргин одним из немногих сумел содержать себя за счет литературной деятельности.

В июне 1940 г. история вновь вмешалась в жизнь писателя. Осоргину с женой пришлось покинуть квартиру в Париже, к которому приближались немцы и обосноваться в городке Шабри на юге Франции. Нацисты тем временем уничтожили богатую домашнюю библиотеку писателя – плод многолетней библиофильской деятельности Осор-

<sup>24</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*:..., указ. соч., с. 98.

<sup>25</sup> О. Ласунский, *В споре с эпохой*..., указ. соч., с. 16.

<sup>26</sup> В. Яновский, *Поля Елисейские*, [http://az.lib.ru/o/osorgin\\_m\\_a/text\\_0020.shtml](http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0020.shtml) (25.03.2012).

гина. Писатель в очередной раз смог на личном опыте ощутить с какой беспощадностью жестокая сила истории уничтожает на своем пути культуру. Подобного рода переживания в уже пожилом возрасте повлияли на усиление оттенка безнадежности в творчестве писателя последних лет его жизни.

Корреспонденции Осоргина времен Второй мировой войны публиковались в «Новом русском слове» (1940 – 42) под общим названием *Письма из Франции* и *Письма о незначительном*. Мировоззрение писателя сороковых годов характеризует нарастающий пессимизм, что прежде всего заметно в книге *В тихом местечке Франции*, которая вышла в Париже в 1946 г., уже после смерти автора. В текстах 40-х гг. появляются мотивы его предыдущих книг: главные для писателя жизненные ценности оказались, как показала война, слишком хрупкими. Охваченный сомнениями и разочарованием, Осоргин выражал боль и гнев, наблюдая безысходное положение мира, в которое привела его история к середине XX в. Писатель скончался в 1942 г., в разгар войны, в момент критической неопределенности дальнейшей судьбы своей родины и всего человечества. Осоргина похоронили в городке Шабри, месте сего последнего изгнанничества.

Для Михаила Осоргина русская литература являлась единым целым, в связи с чем его одинаково интересовали произведения, выходившие в СССР, и творчество писателей-эмигрантов. «Всякое новое слово из России, всякий намек на пробуждение в ней независимой писательской мысли, всякое чисто литературное достижение, независимо от его политической окраски, мы не только приветствуем, но и считаем вкладом в литературную сокровищницу России, оставшуюся для нас общей»<sup>27</sup>. Эта особенность его позиции раздражала многих представителей эмигрантской среды. «Какое вы имеете право писать

---

<sup>27</sup> М. Осоргин, *Российские писатели о себе* [в:] «Современные записки» 1924, кн. 21, с. 375.

о талантливости Маяковского?» – спрашивал Осоргина Иван Бунин и, получив ответ, что тот считает его большим талантом, продолжал: «Все равно нельзя говорить, потому что он [Маяковский] мерзавец»<sup>28</sup>. Выражать свое мнение о советских писателях не советовал Осоргину также Максим Горький, считая, что это может им повредить. В какой-то степени так оно и было. Рапповский критик Борис Волин, узнав, что Бориса Пильняка хвалил Осоргин – «небезызвестный враг Советского Союза, пролетарской революции и коммунизма», призывал сделать из этого соответствующие оргвыводы<sup>29</sup>.

Михаил Осоргин поддерживал также представителей «молодого поколения» русского зарубежья. В парижской газете «Последние новости» он отметил талант начинающих писателей В. Сирина (Набокова) и Г. Газданова, чьи имена сегодня неразрывно связаны с историей русской (и мировой) литературы XX века. Что самое интересное, Осоргин лично рекомендовал их также Максиму Горькому, которому он в 1929 г. писал из Парижа: «У нас тут (точнее – в Берлине) объявился неплохим писателем Сирин; проглядите в последних книгах «Современных записок» его *Защиту Лужина*. Он же написал роман *Король, дама, валет*. И еще я жду немало от Г. Газданова (...); автор еще очень молод, студент»<sup>30</sup>. Позиция Осоргина показывает, что для писателя идеологический конфликт «русских литератур» не имел значения, он прежде всего ценил отдельного человека и его талант.

В дореволюционной России Михаил Осоргин был известен, прежде всего, своей журналистской деятельностью. На этот факт обращает внимание также И. Мянговска, отмечая, что до эмиграции многие знали Осоргина как иностранного корреспондента крупных российских

<sup>28</sup> Цит по: О. Авдеева, *Ласточки непременно прилетят...*, указ. соч., с. 16.

<sup>29</sup> Там же, с. 16-17.

<sup>30</sup> с. Никоненко, *О России – с любовью* [в:] «Юность» 1990, № 6, Москва, с. 77.

газет<sup>31</sup>. Михаил Осоргин заявил о себе как прозаик именно в эмиграции. Стоит отметить, что почти все произведения послеоктябрьского периода касаются темы родины писателя. Историю России Осоргин осмысливает в романах *Сивцев Вражек* (1928), *Свидетель истории* (1932), *Книга о концах* (1935); неразрывно связаны с родной страной размышления о жизни и судьбе, представленные в произведениях *Вещи человека* (1929), *Чудо на озере* (1931). Органично вписывается в идейную картину творчества Осоргина его автобиографическое повествование *Времена* (1955), в котором формирование личности писателя представлено на фоне сложной судьбы России.

В эмиграции Осоргин занялся прозой, но одновременно не оставлял и журналистскую деятельность. Начиная с первых лет изгнания его тексты регулярно появлялись в «Днях», «Последних новостях», «Современных записках» и других изданиях, а вот началом писательского пути Осоргина стал 1925 год, когда вышли первые главы одного из самых известных его произведений – *Сивцева Вражка* (полный текст романа был опубликован отдельным изданием в Париже в 1928 году).

В первом своем романе Осоргин начертил картину столкновения истории и естественного хода человеческой жизни. Показал, как война и революция уничтожают культуру и многовековые фундаменты общества. Как заметила Ирина Боравская, «М. Осоргин создал выразительную картину трагического разлома России, когда все противоречия гротескно усилились и переплелись с ново-явленными уродливыми следствиями произошедшей катастрофы»<sup>32</sup>. Стержневой идеей романа стало сопоставление хаоса жестокой цивилизации с гармонией и постоянством мира природы.

---

<sup>31</sup> J. Mianowska, *Antologia rosyjskiej prozy emigracyjnej (pierwsza i trzecia fala migracji)*, Bydgoszcz 1997, с. 17.

<sup>32</sup> И. Боравская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 96.

В 20-е и 30-е гг. тема революции и гражданской войны, как причин катастрофы, случившейся с Россией, занимала особое место в творчестве «старшего» поколения первой волны эмиграции. В тот период были написаны *Окаянные дни* Ивана Бунина, *Взвихренная Русь* Алексея Ремизова, *Золотой узор* и *Голубая звезда* Бориса Зайцева, *Ключ*, *Бегство* и *Пещера* Марка Алданова, *Солнце Мёртвых* Ивана Шмелёва, *Зверь из бездны* Евгения Чирикова, а также многие другие произведения затрагивающие тему крушения России. Практически все писатели давали оценку этим трагическим событиям, стремясь найти «точку опоры» в период разрушения многовекового миропорядка. Борис Зайцев видел ее в христианстве, Марк Алданов верил в духовное возвышение человека, Иван Шмелев искал утешения в прошлом России. Своеобразие позиция Михаила Осоргина выразилась в вере в гармонию природы. Последнюю надежду писатель возлагал на естественный ход жизни на земле.

*Сивцев Вражек* имел огромный успех: в Париже он выходил дважды тысячными тиражами (1928, 1929). Английский перевод романа в Соединенных Штатах Америки получил специальную премию Книжного клуба как «лучший роман месяца» (1930)<sup>33</sup>. Произведение вызвало также множество отзывов в эмигрантской критике и практически никто к нему не остался безразличным. «*Сивцев Вражек* М. Осоргина – книга, которую нельзя не заметить, от которой нельзя отделаться несколькими одобрительными или безразличными словами. Роман этот «задевает сознание», и на него хочется ответить. Это первое, непосредственное впечатление от чтения» – писал о романе Георгий Адамович<sup>34</sup>. В статье, посвященной *Сивцеву Вражку*, критик обращает внимание на особенности идео-

---

<sup>33</sup> Г. Лобанова, «*Маленький человек*» в вихре истории..., указ. соч., с. 31-32.

<sup>34</sup> Цит. по: И. Боравская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 65.

логии Осоргина, обуславливающей в большой степени способ восприятия им событий. Георгий Адамович называет автора «лирическим анархистом», который «не прячется за своих героев, (...) прямо от своего лица комментирует историю, и делает это порой в форме афористически-ясной и отточенной»<sup>35</sup>. Критик замечает, что, согласно своим убеждениям, Михаил Осоргин считает, что нет в «мире виноватых и все за всё отвечают»<sup>36</sup>. Стихийность и непредсказуемость исторического процесса не снимает с людей ответственности за их поступки.

Роман Михаила Осоргина вызвал интерес также Бориса Зайцева. В статье, появившейся в литературном журнале «Современные записки» (1928), писатель замечает, что *Сивцев Вражек* задуман как эпопея революционной полосы<sup>37</sup>. Одновременно Борис Зайцев обращает внимание на своеобразный прием Михаила Осоргина, противопоставляющий человека вселенной, вечности и миру животных<sup>38</sup>. Вместе с тем, крепкой стороной романа писатель считает «повествование о нехитрых людях, коим выпало жить во время переворота»<sup>39</sup>. Особенно высоко в художественном плане Борис Зайцев оценивает второстепенные образы *Сивцева Вражка*. Его мнение достоверно показывает, что уже в первом своем романе Осоргин умеет понять и воспроизвести в художественной форме переживания «маленьких» участников истории. Они создали многочисленную палитру героев романа, обуславливая его «мозаичность». Как заметил в 1935 г. Михаил Цетлин, удачное построение цельного произведения из

---

<sup>35</sup> Г. Адамович, «Сивцев Вражек» М. А. Осоргина, [в:] «Звено» 1928, №5, Париж, с. 343.

<sup>36</sup> Там же, с. 343-344.

<sup>37</sup> Б. Зайцев, М. Осоргин «Сивцев Вражек», [в:] «Современные записки» 1928, № 38, с. 532.

<sup>38</sup> Там же, с. 532.

<sup>39</sup> Там же.

«отдельных, внешне почти не связанных главок» ставит *Сивцев Вражек* в позиции лучшего романа Осоргина<sup>40</sup>.

Известный критик русского зарубежья, Глеб Струве, в своей работе *Русская литература в изгнании* также замечает особенности конструкции *Сивцева Вражка*. По мнению литератора, успех романа на Западе обусловили кинематографичность построения, а также простота и выразительность языка, которые вместе с «добродушно-иронической усмешкой» придали *Сивцеву Вражку* своеобразный характер<sup>41</sup>.

Первый роман Осоргина высоко оценивают также современные критики, чего примером может служить мнение Олега Ласунского, смело называющего произведение высшим достижением Осоргина-прозаика<sup>42</sup>.

За *Сивцевым Вражком* последовал сборник новелл, очерков и зарисовок *Там, где был счастлив* (1928) и *Вещи человека* (1929), в которых особо ярко выражена лирическая тональность, присутствующая во всем творчестве Осоргина.

На протяжении всей своей жизни писатель выражал глубокую привязанность к миру обыкновенных, простых вещей, которые, по его убеждению, воплощали «вещество» истории. Данный интерес Осоргина выражался в библиофильстве. Богатейшую коллекцию русских изданий писатель представил в очерках *Записки старого книгодея* (1928–1934). Данный цикл стал первой книгой, «вернувшейся» в 1989 г. на родину писателя, к тогда еще советскому читателю. По словам Олега Ласунского, «в зарубежной русской библиофилиане ничего более яркого, нежели осоргинские эссе, похоже, не существует»<sup>43</sup>.

---

<sup>40</sup> М. Цетлин, *Мих. Осоргин. Книга о концах* [в:] «Современные записки» 1932, кн. 58, с. 474.

<sup>41</sup> Г. Струве, *Русская литература в изгнании*, Нью-Йорк 1956, с. 273.

<sup>42</sup> О. Ласунский, *В споре с эпохой...*, указ. соч., с. 18.

<sup>43</sup> О. Ласунский, *В споре с эпохой...*, указ. соч., с. 18.

Бытовая жизнь, в свою очередь, стала основой серии *Старинных рассказов*, в которых Михаил Осоргин показал, что даже цари были, прежде всего, людьми. В эмигрантской среде цикл вызвал множество нападок, особенно из монархического лагеря, упрекающего Осоргина в непочтении к императорской династии и особенно к церкви<sup>44</sup>. Исследователи справедливо подчеркивают ценность одного из наиболее своеобразных новеллистических циклов писателя. Это, прежде всего, «книжные редкости и разыскания о них, из которых Осоргин извлекает занимательные фабулы для своих рассказов»<sup>45</sup>. В данной серии писатель в очередной раз проявил свой интерес к чаще всего ускользающей от нашего внимания истории повседневной жизни простых людей.

В *Повести о сестре* (1930) Михаил Осоргин окончательно отказался от политики и, возвращаясь в произведении к эпохе начала XX столетия, создал портрет женщины рубежа веков. Социально-историческая обстановка выступала лишь необходимым фоном повествования. Как замечает Татьяна Марченко, писатель в *Повести о сестре* «сумел отказаться от неизменного в его романной прозе сатирического задора и обвинительных нот в адрес социального устройства России»<sup>46</sup>. Создавая образ Кати, Осоргин следовал, прежде всего, биографическим фактам, благодаря чему ему удалось создать достоверный портрет женщины переходной эпохи. Как отмечала уже эмиграционная критика, привлекательность героини заключалась в том, что она была не вымышленной, а реальной «прелестной и даровитой, но несчастливой» женщиной<sup>47</sup>. В *Повести о сестре* Осоргин четко проявилась характерная

---

<sup>44</sup> Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь, под ред. В. Шелохаева, Москва 1997, с. 244.

<sup>45</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*:..., указ. соч., с. 142.

<sup>46</sup> Там же, с. 61.

<sup>47</sup> Ю. Сазонова, *Михаил Осоргин. Повесть о сестре* [в:] «Современные записки» 1931, том 45, с. 513.



черта идейного содержания большинства его произведений – писатель доказал, что драматизм касается в такой же степени текущей жизни, как и исторических катастроф.

Трагическое в судьбе Михаила Андреевича Осоргина заключалось, прежде всего, в упомянутом отлучении писателя от родной земли. Чувство тоски по России ярко выражается в сборнике *Чудо на озере* (1931). Серию не случайно открывает эссе *Земля*, в котором писатель восхищается родной природой – ее красоту невозможно передать словами. «Описать все это – все равно не опишешь; многие пробовали, – да приставал к перу волосок и зря мазал по бумаге»<sup>48</sup>. Вторая главная мысль цикла – это неразрывная связь человека и окружающего его предметного мира, лучшего, чем ненадежная человеческая память, хранителя воспоминаний.

Тема истории, всегда интересующая Осоргина, была автобиографически освещена в романах 1930-х годов (диалогия *Свидетель истории* и *Книга о концах*). Первое произведение было посвящено деятельности боевиков-максималистов в период революции 1905-го года. *Книга о концах* стала его продолжением, с общими персонажами и фабулой. Диалогия охватывает период с 1905 по 1919 год, показывая в частности эволюцию сознания главной героини, постепенно понимающей, что она была вовлечена в тщетную борьбу, порождающую лишь смерть и насилие. Указывая несостоятельность «черно-белой» картины мира, Осоргин затрагивает проблему противоречий между романтическими порывами молодых революционеров начала века и требованиями реальной жизни. Как заметила Галина Лобанова, общий замысел произведений – это «показать трагедию оторванной от реальности утопии революционного переустройства жизни и противопоставить ей реальный жизненный поток»<sup>49</sup>. Писатель не видит смысла

---

<sup>48</sup> М. Осоргин, *Земля...*, указ. соч.

<sup>49</sup> Г. Лобанова, *Эволюция нравственного сознания «маленького человека» в романах М. Осоргина 1920–1930 годов*, Москва 2002, с. 17.

в насилии во имя отвлеченных ценностей и отрицает целесообразность деятельности террористов в России начала XX века. Татьяна Марченко обращает внимание на другой важный аспект романов, отмечая, что значение *Свидетеля истории* и *Книги о концах* состоит, главным образом, в том, что это «художественно-документальное свидетельство очевидца, носителя того мировоззрения, которое господствовало в интеллигентской прогрессивной среде и стало источником нарастания революционного процесса в стране»<sup>50</sup>. Эта тема, казалось бы, неактуальная для русской эмиграции, позволила Осоргину подытожить личный опыт и беспристрастно, в условиях полной идейной свободы творчества, проанализировать исторические закономерности, приведшие к событиям 1917 года. Таким образом он в какой-то степени продолжил затронутую Федоровым Достоевским тему пагубных последствий террора как средства политической борьбы. С перспективы результатов процесса, начинавшегося при авторе *Бесов* и приведшего к крушению России, Михаил Осоргин окончательно подтверждает его теорию о неизбежном распространении безнравственности в революционной среде. Некоторые критики, однако, усомнились в востребованности анализа исторических истоков происходящего. Михаил Цетлин в рецензии *Книги о концах* с пониманием отнесся к точке зрения, согласно которой тема романа может показаться «ненужной и устарелой»<sup>51</sup>.

Критика обратила внимание на дилогию еще в процессе публикации. Оценки были неоднозначными и во многих случаях романы встретились с непониманием. Некоторые критики увидели в *Свидетеле истории* поверхностность фельетониста<sup>52</sup>. Василий Яновский назвал романы неудачными и малоубедительными в части каса-

---

<sup>50</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*..., указ. соч., с. 42.

<sup>51</sup> М. Цетлин, *Мих. Осоргин. Книга о концах*..., указ. соч., с. 475.

<sup>52</sup> Г. Лобанова, *«Маленький человек» в вихре истории*..., указ. соч., с. 86.

ющейся духовного развития героев<sup>53</sup>. Совершенно иначе к произведениям отнесся Георгий Адамович. Он оценил смелость Осоргина, решившего в 30-е годы затронуть непопулярную и неоднозначную в эмиграционной литературе тему революционной борьбы и террора. При этом писатель не скрывал своего сочувствия и симпатий к героям-боевикам и их жертвенности<sup>54</sup>. Отстаивая свою точку зрения, автор, по словам Георгия Адамовича, «одержал победу, достиг, чего хотел. В этом смысле *Свидетель истории* (...) едва ли не удачайшее произведение Осоргина»<sup>55</sup>. Михаил Цетлин, в свою очередь, отметил большое мастерство автора в создании образов главных героев – Наташи Калымовой и отца Якова<sup>56</sup>.

В повести *Вольный каменщик* (1937) Осоргин использовал опыт участия в эмигрантских масонских организациях. Как замечают литературоведы, замысел произведения «был продиктован неприятием бездуховного, плоского, пошлого существования»<sup>57</sup>. Сюжетная основа *Вольного каменщика* переплетается с характерными для Осоргина лирическими отступлениями. Произведение построено на скрещении двух планов – реалистического и мифологического. Второй создается системой образов-символов, с центральным мотивом строительства Храма, воплощающего процесс духовного развития личности. В творчестве Осоргина это единственное произведение, фоном которого стала эмигрантская жизнь. Главный герой, «маленький», заурядный чиновник среднего возраста, «выкинутый» историей в чужой для него мир Парижа, показывает, что каждый, на любом этапе жизни, может начать свой путь к Истине. Масонские идеалы, по убеж-

---

<sup>53</sup> В. Яновский, *М. Осоргин. «Свидетель истории»* [в:] «Числа» 1933, № 7-8, с. 264-265.

<sup>54</sup> Г. Адамович, *Мих. Осоргин. Свидетель истории...*, указ. соч., с. 460.

<sup>55</sup> Там же.

<sup>56</sup> М. Цетлин, *Мих. Осоргин. Книга о концах...*, указ. соч., с. 475.

<sup>57</sup> О. Авдеева, А. Серков, *Воспитание души...*, указ. соч., с. 12.

дению Осоргина, не единственные устойчивые ориентиры в постоянно меняющемся мире – похожую роль играют частые у писателя элементы пантеизма. Во многом именно поэтому *Вольный каменщик* получил определение философско-психологической повести<sup>58</sup>. В этом контексте Галина Лобанова сопоставляет произведение с творчеством Льва Толстого (*Два гусара, Три смерти, Казаки*), *Белыми ночами* и *Записками из подполья* Федора Достоевского, а также *Степью* и *Огнями* Антона Чехова<sup>59</sup>. Диссонансом в пантеистической гармонии *Вольного каменщика* звучит мотив изгнанничества. Писатель, понимая, что мир природы одинаков вне зависимости от страны, не был в состоянии преодолеть тоски по родным краям. В повести появляются также первые симптомы пессимизма, овладевшего Осоргиным в последние годы жизни. «Время – остановись! Мы хотим (...) отдыха, потому что силы наши подорваны, мускулы мысли ослабли, устала наша душа. Должны быть какие-нибудь пределы бесчеловечности – мы их не видим! В порыве протеста (потому что ведь душат людей, зарубают их топором, жгут книги, последнее утешение и прибежище!) мы на полях припрятанной Библии детскими каракулями рисуем целующихся голубков (...). Мы давно сдались, не помышляем ни о какой борьбе, – только дайте передохнуть одну минуточку, господин палач!»<sup>60</sup>. С наступлением старости, Осоргину все труднее приходилось мириться с жестокостью мира и со своей собственной участью.

Закончив работу над *Вольным каменщиком*, писатель вернулся к более привычной для него автобиографичности. В результате была создана книга воспоминаний *Времена*. Это, без сомнения, одно из лучших произведений

---

<sup>58</sup> Г. Лобанова, «*Маленький человек*» в вихре истории..., указ. соч., с. 154.

<sup>59</sup> Там же.

<sup>60</sup> М. Осоргин, *Вольный каменщик: Повесть. Рассказы*, Москва 1992, с. 168.

Михаила Осоргина, в полной мере раскрывающее масштаб таланта писателя. Об этом свидетельствуют отзывы критиков и исследователей его творчества. Ольга Авдеева назвала *Времена* лучшей книгой Осоргина и одной из вершин русской мемуарной прозы<sup>61</sup>. «Ее с полным правом следует отнести к самым замечательным образцам отечественной мемуаристики» – писал о произведении Олег Ласунский<sup>62</sup>. Марк Алданов называл произведение «превосходным» и хотел «цитировать из него целые страницы»<sup>63</sup>. Действительно, *Времена* стали вершиной творчества Осоргина, произведением ни в чем не уступающим таким признанным во всем мире шедеврам русской литературы XX столетия, как *Жизнь Арсеньева* Ивана Бунина. Михаилу Осоргину удалось написать своеобразные лирические воспоминания, в которых документально-эпическое начало – это лишь исходный пункт для выражения авторского сознания. *Времена* задумывались как последняя книга о которой Осоргин размышлял еще в 1930 г.: «Пишется долго, больше ночами, когда оживают тени прошлого, которые боятся денного шума. Пишется со всей силой правды последней, нужной для душевного покоя – при прощании с жизнью»<sup>64</sup>. Книга воспоминаний стала своего рода итогом творческого пути Осоргина, в котором писатель собрал и четко выразил все свои основные убеждения. Одной из главных особенностей автобиографического повествования стала способность Осоргина полностью «погрузиться» в прошлое и передать эволюцию своего мироощущения на протяжении всей жизни. Читая главы *Детство* и *Юность*, порой сложно поверить, что они были написаны пожилым уже человеком.

---

<sup>61</sup> О. Авдеева, *Ласточки непременно прилетят...*, указ. соч., с. 35.

<sup>62</sup> О. Ласунский, *В споре с эпохой...*, указ. соч., с. 23.

<sup>63</sup> М. Алданов, *Предисловие* [в:] М. Осоргин, *Письма о незначительном*, Нью-Йорк 1952, с. XVIII.

<sup>64</sup> Цит. по: Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 87.

Кроме выражения личных переживаний, Михаил Осоргин создал своеобразный портрет эпохи. Прошлое в нем не изложено в форме потока сухих фактов с комментарием, а словно «оживает» в воспоминаниях писателя.

Творчество Осоргина на протяжении всего его литературного пути характерно с точки зрения присутствия в нем нескольких стержневых идей. Прежде всего, во всех произведениях писателя прослеживается страстная любовь к природе, восторг ее вечной гармонией и непрекращающимся процессом перевоплощения. Ярче всего данная идея заметна в очерках, выходявших в «Последних новостях» и составивших затем цикл *Происшествия зеленого мира* (София, 1938). В произведениях следует отметить глубокий драматизм протеста против технологической цивилизации, вытекающий во многом из неспособности писателя смириться с необратимостью своего изгнания. Михаил Осоргин все больше превращался не только в бескомпромиссного любителя природы, но даже в какой-то степени в огородного «отшельника». Писатель настолько активно боролся против вмешательства человека в жизнь природы, что Олег Ласунский назвал его даже предшественником сегодняшних экологов<sup>65</sup>.

Как уже упоминалось, в годы Второй мировой войны Михаил Осоргин жил в неоккупированной части Франции, работая над книгой *В тихом местечке Франции* (1946). Даже в столь трудные времена он не забывал о публицистике, регулярно посылая очерки-корреспонденции в американскую газету «Новое русское слово». Уже после смерти писателя они были собраны и опубликованы в Нью-Йорке в 1952 году под заглавием *Письма о незначительном*. Благодаря дневниковой форме Осоргин в своем последнем цикле сумел изложить не только детали внешнего мира, но и запечатлеть оттенки своих внутренних переживаний. Будучи эмигрантом, писатель выразил глубокое сочувствие и понимание французам, оказав-

---

<sup>65</sup> О. Ласунский, *В споре с эпохой...*, указ. соч., с. 8.

шимся беженцами в своей собственной стране. *Письма о незначительном* наполнены отчаянием, вызванным наблюдением за тем, как война в очередной раз уродует человеческую душу и унижает достоинство личности. Писатель призывает мир опомниться, не питая одновременно больших надежд, что сущность жестокой истории может измениться. Как справедливо отметила Ирина Боровская, XX век автор *Писем о незначительном* воспринял действительность как время «заката» культурных ценностей, которыми жили несколько предшествующих поколений<sup>66</sup>. Осоргин в публицистике последних лет выражал свою бескомпромиссную антивоенную позицию, не оглядываясь на возможные последствия. Уже после войны Марк Алданов вспоминал: «Помню, когда его корреспонденции стали появляться в «Новом русском слове», мы их читали с ужасом: «Ведь его же отправят в Дахау!» – говорили все»<sup>67</sup>.

Как уже упоминалось, *Письма о незначительном* содержат подробное, детальное описание военного быта с лирическим восприятием событий. В условиях трагедии войны русские и французы слились в одну «семью несчастных», теряя свою национальную специфику. Понятия «иностранец», «соотечественник» лишаются своего прежнего значения. Важную роль в *Письмах о незначительном* играет точная датировка, позволяющая отразить динамику событий и создать фон для выражения мировоззрения автора «До последнего времени незанятая часть Франции пользовалась – пусть в слабой степени – привилегией общения с внешним миром...»<sup>68</sup>; «Как всегда, я пишу вам в полном неведении того, что сулит завтрашний день...»<sup>69</sup>. Хроника исторических потрясений становится, однако, «незначительной» по сравнению с «вечными»

<sup>66</sup> И. Боровская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 103.

<sup>67</sup> М. Алданов, *Предисловие...*, указ. соч., с. XXII.

<sup>68</sup> М. Осоргин, *Письма о незначительном*, Нью-Йорк 1952, с. 216.

<sup>69</sup> Там же, с. 303.

общественно-политическими и этическими вопросами, на которых сосредотачивается внимание повествователя писем. Главным из них, что не удивительно, неизменно остается для Михаила Осоргина судьба Россия и ее место в контексте всего человечества.

Писатель и публицист всю жизнь стремился оставить наиболее полное свидетельство своего времени, отобразить в творчестве переживания, мысли, и, прежде всего, «настроение» эпохи. Вместе с тем, Осоргин осознавал непреодолимые ограничения на пути писателя. «Все проходит – остаются книги. В книгах строчка за строкой низано то, что было, и то, чего быть не могло. За тысячу человек думает один, и с его пера стекает на бумагу недальняя мудрость и ненарочная выдумка. Будто бы вот в эти годы, вот этой мыслью жили в России все люди или уж, в крайнем случае, – все лучшие»<sup>70</sup>. Понимая, что образ действительности не может обнять и передать всего разнообразия и сложности реальности, Михаил Осоргин, создавая в своих произведениях картину эпохи, стремился хоть в какой-то степени «преодолеть непреодолимое» и запечатлеть на страницах своих книг неуловимую «материю» истории.

---

<sup>70</sup> М. Осоргин, *Свидетель истории* [в:] его же, *Свидетель истории. Книга о концах. Рассказы*, Москва 2003, с. 9.



## Глава II. Концепция времени и истории в творчестве Михаила Андреевича Осоргина

Концепция времени Михаила Андреевича Осоргина во многом определяет своеобразие творчества писателя. Все основные проблемы, затронутые в его произведениях, в большей или меньшей степени взаимосвязаны с отношением к историческому процессу, цикличности жизни природы. Художественное время в творчестве Осоргина во многом продолжает традиции русской классической литературы. Как замечает Антон Аникин, «одно из важных свойств русской классики: переживание времени как подлинности»<sup>71</sup>. Начиная с *Евгения Онегина* в русской литературе создаются многочисленные «энциклопедии русской жизни» имеющие в основе стремление представить картину подлинного времени – отобразить всю специфику данной эпохи. Нельзя проникнуть в мир русской классики без знания того, к какому времени относится произведение.

Творчество Осоргина в этом плане не является исключением. Его художественный мир тесно связан не только с реальными событиями в жизни России, но и с биографией писателя. Произведения Осоргина, описывающие давнюю историю (*Старинные рассказы*) или относительно «свежие» события (*Свидетель истории, Книга о*

---

<sup>71</sup> А. Аникин, *Жизнь во времени. (Историческое время в русской классике)*, <http://www.portal-slovo.ru/philology/37130.php>, (10.03.2012).

концах), анализируют их с сугубо «актуальной» Осоргину точки зрения. При анализе творчества писателя особенно важно учитывать существование разных пластов времени эпического произведения, в том числе времени событий и времени повествования<sup>72</sup>.

Разбор произведений Осоргина представляется особенно интересным с точки зрения философии времени. В творчестве писателя выражена четкая позиция по отношению к разным аспектам времени, в том числе к природному, историческому и индивидуальному. Автор *Сивцева Вражка* создал своеобразную историософию, вырастающую из главных концепций русской мысли и одновременно дополняющую ее характерным для Осоргина новаторским оттенком.

В философском осмыслении, принятом также в данной работе, время понимается как «всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире»<sup>73</sup>. Определяет оно, затем, существование не только материи, но и всего из нее вытекающего, в том числе человеческого сознания. Время становится неотъемлемым элементом реальной действительности и художественного мира произведения.

В зависимости от культурного контекста эпохи складывались разные точки зрения относительно сущности времени. Традиционно, как замечает Марина Озерная, «в культурном сознании человечества сложилось о нем два представления: циклическое и линейное»<sup>74</sup>.

Понятие о циклическом времени восходит к античности. В древности оно воспринималось как последователь-

---

<sup>72</sup> См.: К. Bartoszyński, *Problem konstrukcji czasu w utworach epickich* [в:] *Problemy teorii literatury*, под ред. Н. Markiewicza, Wrocław 1987, с. 231-232.

<sup>73</sup> *Философский энциклопедический словарь*, под ред. С. Аверинцева, Э. Араб-Оглы, Л. Ильичева и др., Москва 1989, с. 101.

<sup>74</sup> М. Озерная, *Категория художественного времени в литературе*, <http://ozzsite.ucoz.ru/publ/15-1-0-14>, (10.03.2012).

ность однотипных событий, источником которых были сезонные циклы. Как замечает польский ученый Роберт Борковски, характерными признаками циклического времени считались завершенность, повторяемость событий, идея возвращения и неразличение начала и конца<sup>75</sup>. На таких же принципах опирались языческие культы сил природы. С приходом христианства время стало представляться человеческому сознанию в виде прямой линии, вектор движения которой направлен (через отношение к настоящему) от прошлого к будущему. Следует отметить, что концепция цикличности времени осталась актуальной в эпоху господства христианской веры и на протяжении всей современной истории развивались и в философии, и в литературе.

Рассматривая концепцию времени в эпическом произведении, следует учитывать его тесное взаимодействие с пространством. Как указывает *Современный Энциклопедический словарь*, «пространство и время имеют объективный характер, неразрывно связаны друг с другом, бесконечны. Универсальные свойства времени – длительность, неповторяемость, необратимость; всеобщие свойства пространства – протяженность, единство прерывности и непрерывности»<sup>76</sup>. Художественное время и пространство в литературоведении объединяются в понятие «хронотоп», введенное в 1975 г. Михаилом Бахтиным. Литературовед охарактеризовал его как «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом.[...] Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем»<sup>77</sup>. В произведениях Осоргина четко видно тесную взаимос-

---

<sup>75</sup> R. Borkowski, *Sens historii (modele czasu historycznego)* [в:] *Konflikty współczesnego świata*, под ред. R. Borkowskiego, Kraków 2001, с. 12.

<sup>76</sup> *Современный Энциклопедический словарь*, <http://lib.rin.ru/doc/i/20316p526.html>, (10.03.2012).

<sup>77</sup> М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики*, Москва 1975, с. 121.

вязь времени и пространства. Прежде всего, это касается его убеждения о «двойственности» временного потока. Природная среда воплощает космическое время, город – технический прогресс и исторические события. Человек, в свою очередь, находится в постоянном движении между этими пластами времени, его жизнь постоянно с ними переплетается.

В этом контексте появляется еще одна взаимосвязь, присущая творчеству Осоргина. Концепция «большого» времени тесно взаимодействует у писателя с идеей «индивидуального» времени. Как замечает Наталья Лейтес, согласно первой из них, «человек становится в контекст «большого времени» истории человечества, взятой во всей ее протяженности и мыслимой как целостности»<sup>78</sup>. Тем самым, сознание и память человека расширяются, охватывая не только собственный опыт, но и опыт своей нации, а даже всего человечества. В творчестве Осоргина это чувство расширяется неоднократно до масштабов всего живого мира. Галина Лобанова замечает, что с точки зрения писателя «на равных входят в общую картину мироздания самые маленькие существа, [...] точит пол мышиная семья, и в этом их вклад в ход истории»<sup>79</sup>.

В противоположность «большому», «индивидуальное» время касается героя, отчуждающегося от окружения, персонажа, который сосредотачивается на своем индивидуальном, внутреннем пространстве<sup>80</sup>. В произведениях Осоргина нет четкой границы между «большим» и «индивидуальным» временем. Жизнь индивида, его внутренний мир отражают события общечеловеческого мас-

---

<sup>78</sup> Н. Лейтес, *Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе 19-20 вв.*, Пермь 1989, с. 46.

<sup>79</sup> Г. Лобанова, *Эволюция нравственного сознания «маленького человека» в романах М. Осоргина 1920–1930 годов*, Москва 2002, с. 9.

<sup>80</sup> Е. Погодина, *Специфика речевого функционирования категорий «пространство» и «время» в автобиографической прозе (на материале произведений М. Осоргина и И. Бунина)*, Санкт-Петербург 2002, с. 22.

штаба и одновременно формируют исторический процесс. Люди в своей совокупности являются одинаково важными субъектами времени. Ход истории, по словам Осоргина, вовсе не формируется «грандиозными» событиями. «Исторические моменты эффектны, [...] но жизнь строится из повседневных кусочков, которые лепятся друг к другу и один на другой, без лишнего шума и ненужной суеты. Без малого не на чем вырасти великому [...]»<sup>81</sup>. Жизнь и переживания отдельного человека, с точки зрения автора *Сивцева Вражка*, имеют фундаментальное значение для понимания всего происходящего.

В этом контексте понятной становится популярность в творчестве Михаила Осоргина жанра автобиографии, позволяющего показать историю сквозь призму собственных переживаний. Особенно заметно переплетение исторического и индивидуального во *Временах*: «Я вернулся в Россию в день летнего солнцестояния, 22 июня 1916 года. Сегодня тот же день солнцестояния двадцатью пятью годами позже. В прошлом году, в те же дни, это местечко было занято с бою немцами; мы были здесь и прятались в лесочке на самой линии артиллерийского боя. Нынешним утром я вспомнил об этом, перечитывая раньше написанные страницы, – но утром мы еще не знали, что в день летнего солнцестояния Россия вступила в новую войну»<sup>82</sup>. Данный фрагмент является примером объединения «большого» времени и времени «индивидуального». Такой прием показывает тесную зависимость частных событий жизни одного человека от истории и одновременно их неразрывность. Осоргин в своем творчестве посвящал частному столько же внимания, сколько общечеловеческому. Как отметил Олег Ласунский, «взгляд писателя не только проникает вглубь отдельных событий и биографий, но и охватывает всю панораму исторически важных явле-

---

<sup>81</sup> М. Осоргин, *Письма о незначительном...*, указ. соч., с. 1-2.

<sup>82</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 686.

ний»<sup>83</sup>. В процессе воспроизведения хода времени автор *Сивцева Вражка* всегда стремился двигаться одновременно «вширь» и «вглубь».

О многоплановости восприятия Осоргиным времени свидетельствует заглавие автобиографии писателя. Как отмечает Елена Погодина, «использование множественного числа лексемы «время» неслучайно. С одной стороны, это указание на присутствие нескольких этапов развития – возрастных ступеней [...], с другой стороны, времена – этапы истории России, через описание которых высвечивается судьба одного человека»<sup>84</sup>. К справедливой, без сомнения, оценке исследователя, следует добавить еще одно «измерение». Все события у Осоргина, и исторические, и частные, проходят в рамках космического, всеобъемлющего временного потока. Как замечает писатель в *Вольном каменщике*, «горечь чашки кофею равна горечи мировой; кусок сахара сладостью равен счастьем поколений»<sup>85</sup>. Согласно характерной для писателя «космической» перспективе анализа хода времени, практически исчезает необходимость градации значения происходящего – остается лишь оценочность.

В едином временном пространстве не имеет также значения разделение происходящего на прошлое, настоящее и будущее – в интуитивном восприятии циклического мира хронология перестает иметь значение. Как замечает Галина Чудинова, Осоргин намеренно отступает от хроникальной последовательности событий<sup>86</sup>. Эта «мозаич-

---

<sup>83</sup> О. Ласунский, *Михаил Осоргин: структура, качество и эволюция таланта...*, указ. соч., с. 11.

<sup>84</sup> Е. Погодина, *Специфика речевого функционирования ...*, указ. соч., с. 64-65.

<sup>85</sup> М. Осоргин, *Вольный каменщик...*, указ. соч., с. 124.

<sup>86</sup> Г. Чудинова, *Художественное изображение русского национального характера в автобиографической книге М. Осоргина «Времена»* [в:] *Михаил Осоргин и вечные ценности русской культуры: Материалы научно-практической конференции*, под ред. В. Кайдалова, Пермь 2003, с. 32.

ность» особенно заметна в *Сивцевом Вражке*. Писатель отказывается в романе от определения четкой линии развития действия, создавая красочную панораму, в которой перемешиваются разные пласты времени и события, казалось бы, несопоставимые ни по хронологии, ни по масштабу. Композицию произведения метко охарактеризовала Юлия Ковалева: «Главы романа складываются в гигантскую мозаику – панораму – картину вселенной, в которой сопряжены вечность и мгновение, судьбы народов и судьбы отдельной человеческой личности, сияние солнца и свет лампы в доме профессора на Сивцевом Вражке, история создания цивилизации и заботы ласточки, строящей гнездо над окном»<sup>87</sup>. В миропонимании Осоргина нет событий более или менее важных – все они, и те прошедшие, и те, которые еще наступят, являются частью всеобъемлющего потока времени. Из этой концепции вытекают особенности стиля Осоргина. Как заметила Елена Болдырева, в автобиографической прозе писателя, «повествователь одновременно выпускает множество линий-воспоминаний из прошлого в будущее и из настоящего в прошлое, они переплетаются в сложный узор без начала и конца, без разделения на главное и второстепенное»<sup>88</sup>. Эту точку зрения подтверждает текст *Времен*: «Не будет последовательности в моей жизненной повести. Нет, я не буду рассказывать о революции. Вообще не буду рассказывать – мне хочется рождать образы прошлого, дав им полную свободу. Мы живем в последовательности дней, месяцев и годов; но, оглядываясь на прошлое, мы видим

---

<sup>87</sup> О. Ковалева, *Космос и хаос в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»* [в:] *Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах: материалы Международной научной конференции*, Волгоград 2006, с. 394.

<sup>88</sup> Е. Болдырева, *Автобиографическая орнаментальность: текст как ризома (на материале автобиографического повествования М. Осоргина «Времена»)* [в:] *Историософия в русской литературе XX и XXI веков: традиции и новый взгляд: Материалы XI Шешиуковских чтений*, под ред. Л. Трубиной, Москва 2007, с. 18.

путаницу событий, толпу людей, нагромождение сроков и дат»<sup>89</sup>. Воспоминания, с точки зрения Осоргина, показывают, насколько условным является деление человеком времени на маленькие отрезки – в конечном итоге события в памяти сливаются в общее ощущение, без четкой хронологии и упорядоченности.

Отказ от традиционного представления хода времени выражается также в «кинематографичности» осоргинских произведений. На эту особенность стиля писателя обратила внимание в своей работе Наталья Гашева. Литературовед отмечает, что Осоргин использует «типично кинематографические приемы «игры» со временем: сжатие, растяжение, фрагментирование длительности, нарушение хронологии»<sup>90</sup>. Таким образом Осоргин показывает условность «технического» времени и его точного деления. В своих произведениях писатель динамично меняет ритм повествования и вплетает в него кроме реальных событий, также длительность их восприятия. По словам Натальи Гашевой, Осоргин употребляет также обратную съемку и стоп-кадр<sup>91</sup>. Примером инверсии времени может стать текст *Вольного каменщика*: «(...) на взрослом человеке начал истлевать пиджачок, за ним обувь и рубашка. Человек снизился, сморщился, замкнул глаза, превратился в комочек и запутался в материнской пуповине»<sup>92</sup>. Главный герой, изменяя кардинальным образом мировоззрение, словно возвращается к истокам своего существования. Время будто останавливается, чтоб затем резко «разогнаться» в сцене самоубийства офицера Стольников в *Сивцевом Вражке*: «Уродливый комок его тела качнулся снова, замер лишь на секунду и стал перевешиваться. За-

---

<sup>89</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 659.

<sup>90</sup> Н. Гашева, *Кинематографичность прозы М. Осоргина: аспект структурного синтеза на межвидовом уровне* [в:] *Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика*, № 2, 2005, с. 39.

<sup>91</sup> Н. Гашева, *Кинематографичность прозы М. Осоргина...*, указ. соч., с. 40.

<sup>92</sup> М. Осоргин, *Вольный каменщик...*, указ. соч., с. 19.



тем коробка с надписью «Ира» внезапно приблизилась, метнулась вверх и снова выросла – уже огромной...»<sup>93</sup>. В данном фрагменте стоит обратить внимание, что Осоргин «играет» не только временем, но и пространством, меняя местами статичные и динамичные элементы действительности.

Сопоставление Михаилом Осоргиным разных «слоев» времени, далеких и по хронологии и по динамике, не вызывает чувства хаотичности – оно скорее показывает гармонию временного потока, формирующую в человеческом сознании чувство целостности бытия. Об этом в своей статье пишет также Марина Хатямова: «Монтирование в один фрагмент текста разных временных пластов не вызывает разрыва, столкновения прошлого и настоящего; время дискретно, но и слитно, ибо это время человеческого сознания»<sup>94</sup>. Михаил Осоргин считал, что ход времени можно понять лишь интуитивно, что и объясняет отсутствие в его произведениях «классического» процесса перехода от прошлого через настоящее к будущему.

Мировоззрение Михаила Андреевича Осоргина является одним из наиболее своеобразных в русской эмиграционной литературе. Все его творчество пронизано любовью к природе, привязанностью к земле и всему на ней живущему. «Природа – мера всех вещей» – так определила кредо художественного мира Осоргина Лидия Новикова<sup>95</sup>. Позиция писателя относительно времени не является в этом контексте исключением. Жизнь всегда протекала согласно законам природы, и именно они скрывали вечную правду бытия. Глубокий смысл вселенной находи-

---

<sup>93</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек*, Москва 1999, с. 125.

<sup>94</sup> М. Хатямова, *Концепция времени в автобиографическом повествовании М. А. Осоргина «Времена» («Детство»)*, [http://vestnik.tspu.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=2527&Itemid=276](http://vestnik.tspu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2527&Itemid=276), (20.03.2012).

<sup>95</sup> Л. Новикова, *Художественный мир М. А. Осоргина* [в:] *Михаил Осоргин и вечные ценности русской культуры: Материалы научно-практической конференции*, под ред. В. Кайдалова, Пермь 2003, с. 28.

тся, согласно концепции писателя, вне зоны досягаемости человеческого ума. Его можно лишь почувствовать, ощутить интуитивно. Осоргин не признавал достижений цивилизации и технического прогресса. Как замечает Ирина Боравская, они являлись для него элементами противоестественной «лжецивилизации»<sup>96</sup>. Осоргин понимал, что разрешения сложных вопросов бытия нельзя найти в многочисленных научных трудах, в связи с чем он обращался именно к природе, «спешил вернуться к своим кустам и цветам, потому что если нет ответа, то возможен уход в другие миры, живущие по иным непреложным законам»<sup>97</sup>. Любые события, исторические процессы Михаил Осоргин рассматривал в качестве преходящих составных элементов непрерывающейся природной жизни. Как заметила Наталья Лапаева, «писатель противопоставляет выдуманный искусственно-умозрительный мир социума естественному, оригинальному миру природы»<sup>98</sup>. Действительно, в миропонимании автора *Сивцева Вражка* истинно вечные законы касаются лишь природного мира, а многочисленные созданные человеком концепции лишь подражают им, в большинстве случаев искажая их суть. Екатерина Ефремова справедливо констатирует, что любовь и восхищение природой можно почувствовать в каждом произведении писателя<sup>99</sup>.

Понимание Осоргиным природы в большой степени можно считать свидетельством пантеистических убеждений писателя. Такая точка зрения широко представлена

---

<sup>96</sup> И. Боравская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 60.

<sup>97</sup> М. Осоргин, *Каменный шаг* [в:] «Последние новости» 1937, № 5980.

<sup>98</sup> Н. Лапаева, *Художественный мир М. Осоргина*, Тюмень 1998, с. 19.

<sup>99</sup> Е. Ефремова, *Размышления по поводу автобиографических произведений М. А. Осоргина* [в:] *Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции...Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции*, Пермь 2009, с. 69.

среди исследователей творчества Осоргина, часто определяющих философию природы автора *Сивцева Вражка* как пантеизм. Поклонение природе в произведениях писателя отмечала уже современная писателю критика. Как замечают авторы работы *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции*, наибольшие нарекания в эмигрантских кругах вызывали пантеистические воззрения автора<sup>100</sup>. Такую точку зрения подтверждают критические высказывания В. Яновского. В журнале *Русские записки* критик отмечает, что Осоргин не верит в добрую природу человеческого существа, «воспевает луг, жизнь букашек, огурцов», а в его мировоззрении присутствует даже своего рода мизантропия<sup>101</sup>. Пантеистические убеждения Осоргина более взвешенно оценивают современные литературоведы. Олег Ласунский, замечает, что Осоргину был свойствен «стихийный пантеизм, без какой-либо мистической примеси»<sup>102</sup>. Десять лет спустя, Наталья Кузьмищева пишет в своей работе, что «философия Осоргина несет на себе пантеистический оттенок»<sup>103</sup>. Следует отметить, что отнесение убеждений Михаила Осоргина к пантеизму является в какой то степени ошибочным. Во многом это объясняется незавершенностью философско-религиозной концепции писателя, что в своей работе отмечает Людмила Бронская<sup>104</sup>. Осоргин всегда подчеркивал

---

<sup>100</sup> *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь*, Москва 1997, с. 473.

<sup>101</sup> В. Яновский, *Мих. Осоргин. «Происшествия Зеленого Мира»* [в:] «Русские записки» 1939, № XV, Париж, с. 197-198.

<sup>102</sup> О. Ласунский, *В споре с эпохой...*, указ. соч., с. 8.

<sup>103</sup> Н. Кузьмищева, Б. Зайцев и М. Осоргин: со- и противопоставление мироощущений [в:] *Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Международной научной конференции*, под ред. Л. Алексеевой, В. Скрипкиной, Москва 2003, с. 125.

<sup>104</sup> Л. Бронская, *Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой пол. XX века (И. К. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин)*, Ставрополь 2001, с. 105.

бессмысленность построения описывающих мир теорий, чем и объясняется сложность в определении четких основ его концепции времени. С другой стороны, основополагающую роль в мировоззрении писателя играла безусловно природа, являющаяся абсолютом и воплощением законов развития вселенной. Чтобы детально оценить, в какой степени Осоргин соглашался с принципами пантеизма, следует кратко охарактеризовать концепцию, отождествляющую Бога и Природу.

Основные принципы философского мировоззрения, определяемого термином «пантеизм» сформулировал Бенедикт Спиноза: «[...] все, что существует, существует в Боге и зависит от него таким образом, что без него не может ни существовать, ни быть представляемо»<sup>105</sup>. В противоположность присущему христианскому и другим монотеистическим религиям воображению о Боге-Создателе, пантеизм утверждает слияние, отождествление Бога и Природы. Иначе говоря, Всевышний является внутренней причиной всех вещей и событий. Человек, в этом случае, не представляется исключением. Согласно пантеистическому мировоззрению, он является частицей божественного вечного потока времени, выделяясь из него на миг своего сознательного существования. Согласно пантеизму, человек не может познать правду, невозможны также любые нравственные или интеллектуальные отношения между Богом и людьми. В результате, сторонники пантеизма не просят ни о чем Всевышнего, не благодарят его – они лишь могут поклоняться вечной божественной силе, без какой-либо надежды быть замеченными.

Такая концепция имеет глубокие корни в древних философских учениях Востока, особенно даосизме, а также в древнеиндийских ведах, указывающих на вездесущность Бога. Они были близки Осоргину в такой же степени, как и идея вечного перевоплощения, сформулированная буд-

---

<sup>105</sup> Б. Спиноза, *Этика*, <http://bdsweb.tripod.com/ru/eth/eth1.htm>, (05.03.2012).

дизмом. На эту особенность творчества писателя обратил внимание в своей статье Игорь Сухих<sup>106</sup>.

Особенно широко идеи пантеизма развивались в эпоху Возрождения. Джордано Бруно в *Диалогах* отрицал противоположность между пассивной материей и активным началом<sup>107</sup>. Согласно философу, божественная энергия толкает «изнутри» вечный процесс творения материи. Природную гармонию, с такой точки зрения, может поддерживать лишь «художественный интеллект, который изнутри семенной материи сплачивает кости, протягивает хрящи, выдалбливает артерии, вздувает поры, сплетает фибры, разветвляет нервы, [...] тот, кто не связан с одной какой-либо частью материи, но непрерывно совершает все во всем»<sup>108</sup>. Таким образом, в пантеистической концепции вселенной нет места для случайностей, все наделено глобическим смыслом.

Близко связаны с пантеистическим мировоззрением также убеждения Томаззо Кампанеллы. С его точки зрения любая вещь – это частный момент в вечном и универсальном потоке бытия. «[...] В целом жизнь едина, [...] смерти и рождения создают жизнь одного-единственного тела. Нам предшествует не постоянная жизнь одного организма, но поток жизни, состоящей из жизней и смертей, сменяющих друг друга в потоке, [...] [в котором] однако, ничто не умирает»<sup>109</sup>. Здесь мы также имеем дело с концепцией вечного перевоплощения, где, согласно законам цикличности, бытие не разделяется на прошлое, настоящее и будущее.

Традиции Бенедикта Спинозы продолжил в европейской литературе Иоганн Гете, заявлявший, что Природа – творец всех творцов. Понятия Бог и Природа были для

---

<sup>106</sup> И. Сухих, *Писатель с «философского парохода»* [в:] «Нева» 1993, № 2, с. 228-246.

<sup>107</sup> См.: Д. Бруно, *Пять диалогов*, [http://www.gumer.info/bogoslov\\_Buks/Philos/bruno/5d.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bruno/5d.php) (05.03.2012).

<sup>108</sup> Там же.

<sup>109</sup> А. Горфункель, *Томаззо Кампанелла*, Москва 1969, с. 114.

него тождественны, а главной целью человеческой деятельности было познание объективных законов природной жизни.

В отличие от западноевропейской мысли, для России пантеизм не был свойственным явлением. Концепция развития истории и человека опиралась в основном на постижении пути к духовному преображению мира и человеческой души. Такие тенденции были заметны в России в конце XIX века, в большой степени благодаря философии Владимира Соловьева. По его собственному признанию, он прошел непростой путь «[...] от сомнения в необходимости религиозности внешней[...] к рационализму, к неверию в чудо и в божественность Христа, стал деистом, потом пантеистом, потом атеистом и материалистом»<sup>110</sup>. В конечном итоге, пришел он, однако, к своеобразной теории о перерождении человечества. Это, согласно концепции философа, должно стать конечной стадией исторического процесса. Владимир Соловьев выделял «космический процесс в природе материальной, оканчивающийся рождением натурального человека, и следующий за ним исторический процесс, подготовляющий рождение человека духовного»<sup>111</sup>. В каждой частице природы Соловьев видел божественное начало, всеобщую гармонию. Приводя характеристику идеального бытия, философ отмечал, что в нем «все частные элементы находили себя друг в друге и в целом, каждое полагало себя в другом и другое в себе, ощущало в своей частности единство целого и в целом свою частность, – одним словом, абсолютная солидарность всего существующего. Бог – все во всех»<sup>112</sup>. Важную роль в процессе развития духовности Соловьев отводил художественному творчеству, которое

---

<sup>110</sup> Цит. по: с. Соловьев, *Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция*, Москва 1997, с. 37.

<sup>111</sup> В. Соловьев, *Чтения о Богочеловечестве*, <http://www.vehi.net/soloviev/chteniya/11-12.html>, (05.03.2012).

<sup>112</sup> В. Соловьев, *Общий смысл искусства*, [http://www.vehi.net/soloviev/smysl\\_isk.html](http://www.vehi.net/soloviev/smysl_isk.html), (05.03.2012).

должно «одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь»<sup>113</sup>.

В известной степени последователем концепции Владимира Соловьева стал Николай Бердяев. В работе *О назначении человека* мыслитель утверждал, что «в пантеизме есть доля истины [...]». Но ложь пантеизма в том, что он рационализирует тайну [...]»<sup>114</sup>. Бердяев придерживался мнения, согласно которому в объективированной природе невозможно найти внутренней жизни космоса, так как человек только через эстетическое переживание может выйти за пределы личного существования и одухотворить обезличенный мир. «Природа божественна, благостна, она приносит излечение больному и разорванному человеку цивилизации. Этот порыв имеет вечное значение, и периодически человек будет им захвачен»<sup>115</sup>. В концепции Бердяева прослеживается типичное также для Осоргина разногласие между природным ритмом и противоестественной цивилизацией. «У человека, задавленного условностью цивилизации, ее поработощающими нормами и законами, есть жажда периодически возвращаться к первозданной жизни, к космической жизни, обрести не только общение, но и слияние с космической жизнью [...]»<sup>116</sup>. Таким образом, в каждом человеке, даже, казалось бы, полностью подчиненном историческому времени, никогда совершенно не утихает стремление быть природным существом.

Православный философ Сергей Булгаков также обращал внимание на божественную силу, присутствующую в природе. «Бог есть только в мире и для мира, в безусловном смысле нельзя говорить о Его бытии. Творя Мир, Бог

---

<sup>113</sup> Там же.

<sup>114</sup> Н. Бердяев, *О назначении человека. Опыт парадоксальной этики*, Париж 1931, с. 30.

<sup>115</sup> Н. Бердяев, *О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии*, <http://www.vehi.net/berdyaev/rabstvo/023.html>, (05.03.2012).

<sup>116</sup> Там же.

тем самым и себя ввергает в творение, Он сам себя как бы делает творением»<sup>117</sup>. В результате мы имеем дело с неразрывностью Природы, Вселенной и ее Создателя, так как они не могут рассматриваться отдельно друг от друга. В этом контексте, как замечал сам Сергей Булгаков, его концепция может показаться пантеистической. Уточняя свою позицию, он констатировал: «Да, в некотором смысле это также пантеизм, однако вполне набожный или, как я предпочитаю его называть, для того чтобы избежать недоразумений, — панентеизм»<sup>118</sup>. Таким образом время и вселенная покоятся в Боге, который однако полностью в них не растворяется, что во многом отвечает традициям христианского мироощущения. Мировоззрение Осоргина, при всех общих элементах с концепцией Сергея Булгакова, отличается однако одним существенным фактором — в нем отсутствует Бог-Создатель и сам акт творения. К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшей части работы.

Подытоживая, можно сказать, что мировоззрение Осоргина во многом повторяет позицию его предшественников и в контексте взаимоотношения человека и космоса остается в кругу пантеистических убеждений.

Глубокое осмысление значения природы в жизни страны и человека всегда проводилось также в русской художественной литературе. Просторы России, ее дремучие леса, суровая природа и неповторимость русской «глубинки» не только влияли на воображение писателей, но и во многом формировали описываемые ими национальный характер и своеобразие русской духовности. Исторический процесс на «русской почве» всегда проходил в тесном взаимоотношении с природой. Учитывая мнение литературоведов о том, что среди писателей первой волны русской эмиграции Михаил Осоргин воспри-

---

<sup>117</sup> Цит. по: Н. Лосский, *История русской философии*, Москва 1991, с. 236.

<sup>118</sup> Там же, с. 264.



нимался наиболее последовательным продолжателем традиций русского реализма<sup>119</sup>, не удивляет роль, которая в его творчестве отводится природе. Также в постсоветской России Осоргина сразу определили, как преемника Ивана Гончарова, Ивана Тургенева и Льва Толстого<sup>120</sup>. Как известно, в их произведениях природная среда была одной из основных доминант художественного мира.

Теория Осоргина относительно двойственности временного потока развилась во многом на фоне ощущения самобытности русской природы, жизнь которой протекала независимо от цивилизации. Татьяна Марченко замечает в своей работе, что в творчестве Осоргина «вечность природы явно противопоставляется суетному, быстропроходящему миру человеческой истории»<sup>121</sup>. Отрицание технического прогресса, рассматриваемого в качестве ложного пути развития человечества, во многом сближает автора *Сивцева Вражка* с наследием толстовства.

Мировоззрение Михаила Осоргина несомненно продолжало толстовские традиции в русской литературе. Это убеждение, лишь частично поддерживаемое в среде первой волны эмиграции<sup>122</sup>, в большинстве случаев одобряется современными литературоведами. Как справедливо отметила Галина Лобанова, «Л.Н. Толстой был непосредственным предшественником и учителем М. Осоргина»<sup>123</sup>. Это касалось, кроме всего, концепции единения человека с природой. У обоих писателей природный мир, в отличие от цивилизации, всегда становится носителем высшей истины. Стоит вспомнить мысли Андрея Болконского

---

<sup>119</sup> М. Хатямова, *Метатекстовая структура в романе М. А. Осоргина «Вольный каменщик» (1935)*, <http://www.philology.nsc.ru/docs/journal/article.php?id=59>, (20.03.2012).

<sup>120</sup> В. Казак, *Лексикон русской литературы XX века*, Москва 1996, с. 298.

<sup>121</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*..., указ. соч., с. 117.

<sup>122</sup> Г. Адамович, «Сивцев Вражек»..., указ. соч., с. 244.

<sup>123</sup> Г. Лобанова, «Маленький человек» в *вихре истории*..., указ. соч., с. 160.

относительно величия природы: «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, [...] как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, – совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу. [...] Да! все пустое, все обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего, ничего нет, кроме его»<sup>124</sup>. Образы войны и природы встречаются также на страницах *Сивцева Вражка*: «В тот день, когда началась европейская война, ни одна травинка в поле, ни один белый цветик, росший зачем – неведомо, не взволновался величием минуты, ни один горный ручей не ускорил светлого бега, ни одно облачко не пролило лишней слезы»<sup>125</sup>. Оба писателя неоднократно обращали внимание на величие природы и нерушимость ее гармонии историческими потрясениями человеческого мира.

Толстовские герои, живущие близко с природой, постигают жизненную мудрость и ощущают вещную правду. Цивилизация, в свою очередь, отдаляет от духовной культуры и уродует душу человека. Примером такого положения вещей может послужить образ Наполеона в *Войне и мире*. Люди ему подобные удаляются от природной среды и опустошают свою душу, вместо того, чтобы, сохраняя с ней тесную связь, обрести покой и гармонию. По тем же законам развивается человеческая личность в произведениях Осоргина.

Толстовские традиции в творчестве Осоргина проявлялись не только в вопросе места природы в жизни человека, но касались также соотношения индивидуальной жизни с историческими событиями. Уже Борис Зайцев усматривал в *Сивцевом Вражке* толстовскую традицию, отмечая, что роман развивается «не фабулистически, а развертыванием картин, пряжей бок о бок идущих тем,

---

<sup>124</sup> Л. Толстой, *Война и мир* [в:] его же, *Собрание сочинений в 22 томах*, том 4, Москва 1979, с. 353.

<sup>125</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 40.

фигур, жизненных историй»<sup>126</sup>. Как справедливо заметила Сарра Фрадкина, и для Осоргина, и для Толстого было важно, что «простая», естественная жизнь людей не прерывается во время исторических катаклизмов<sup>127</sup>. Она протекает своим природным ходом, который не могут остановить никакие исторические потрясения. На страницах *Войны и мира* мы читаем, что «[...] настоящая жизнь людей с своими существенными интересами здоровья, болезни, труда, отдыха, с своими интересами мысли, науки, поэзии, музыки, любви, дружбы, ненависти, страстей шла, как и всегда, независимо и вне политической близости или вражды с Наполеоном Бонапарте»<sup>128</sup>. Подобное мировосприятие, согласно которому законы жизни существуют вне зависимости от исторического времени, можно найти на страницах *Сивцева Вражка* Осоргина: «Лопнула куколка бабочки, и выполз мотылек с примятыми крыльями. На одной и той же улице умер человек, не отложив дня смерти до развязки событий, и родился младенец, не испугавшись будущего. И в семьях их эти случаи были событием большим, чем великая война»<sup>129</sup>. Стоит отметить, что в данном фрагменте Осоргин рассматривает течение жизни не только в общечеловеческом, но даже в общеприродном масштабе.

В историческом процессе, по словам Татьяны Марченко, Михаил Осоргин, так же, как и Лев Толстой, отрицает войну и насилие. В своей работе она замечает, что «в толстовском восприятии проблем войны и мира коренится, например, последовательный пацифизм М. Осор-

---

<sup>126</sup> Б. Зайцев, *М. Осоргин «Сивцев Вражек»...*, указ. соч., с. 532.

<sup>127</sup> с. Фрадкина, *На перекрестке традиций («Сивцев Вражек» М. Осоргина в традиции русской классики)* [в:] *Михаил Осоргин: Жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений*, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, О. Ласунского, Пермь 1994, с. 17.

<sup>128</sup> Л. Толстой, *Война и мир* [в:] его же, *Собрание сочинений в 22 томах*, том 5, Москва 1980, с. 158.

<sup>129</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 40.

гина»<sup>130</sup>. Автор *Сивцева Вражка* полностью соглашался с принципом Толстого о непротiwлении злу насилieм, в связи с чем в его произведениях четко звучит отрицание как революционного террора, так и любой войны.

Похожим образом в творчестве Льва Толстого и Михаила Осоргина показана роль личностей в историческом процессе. Они, согласно мировоззрению писателей, не в состоянии управлять исторической стихией и даже индивидуальные амбиции не смогут уберечь их от конечного поражения. Так же, как Наполеон в *Войне и мире*, Петр Столыпин в *Свидетеле истории* показан как некое символическое воплощение государственного строя. В главе *Мишень* он представляется не живым и страдающим человеком, а облеченным государственной властью лицом.

Михаил Осоргин, вслед за Львом Толстым, утверждал, что исторический процесс формируется жизнью всех представителей народа. В *Войне и мире* мы читаем: «Предмет истории есть жизнь народов и человечества. Непосредственно уловить и обнять словом — описать жизнь не только человечества, но одного народа, представляется невозможным»<sup>131</sup>. Таким образом можно сказать, что автор *Сивцева Вражка* продолжает выраженную в эпoпеи мысль, согласно которой представленный в учебниках исторический процесс недопустимым образом упрощает и искажает истинную природу течения времени.

С Толстым соединяет Осоргина также стремление к максимальному объективизму. Татьяна Марченко замечает, что, руководствуясь этим принципом, автор *Сивцева Вражка* следует в своем самом известном романе «толстовской традиции изложения от третьего лица незаинтересованного рассказчика»<sup>132</sup>.

---

<sup>130</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*:..., указ. соч., с. 30.

<sup>131</sup> Л. Толстой, *Война и мир* [в:] его, *Собрание сочинений в 22 томах*, том 7, Москва 1981, с. 308.

<sup>132</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*:..., указ. соч., с. 32.

Осоргин всегда стремился показать читателю настоящие события и, воссоздав картину времени, беспристрастно начертить исторический процесс. Такой подход характеризовал отношение писателя к семейному прошлому. Как справедливо замечает Татьяна Марченко, особенно бережно к достоверным фактам писатель отнесся в *Повести о сестре*<sup>133</sup>. Семейная память отдельного человека для Михаила Осоргина была не менее важна, чем история народов – в ней в такой же степени отражались вечные законы хода времени.

Общим элементом в творчестве Льва Толстого и Михаила Осоргина является также отношение к существованию человека во времени. «[...] Стоит только понять, что то, что связывает все сознания в одно, что то, что и есть особенное «я» человека, находится вне времени, всегда было и есть, и что то, что может прерываться, есть только ряд сознаний известного времени, чтобы было ясно, что уничтожение последнего по времени сознания, при плотской смерти, так же мало может уничтожить истинное человеческое «я», как и ежедневное засыпание»<sup>134</sup>. В данном фрагменте Толстой высказывает убеждение, ставшее в большой степени основой концепции Осоргина относительно места человека на фоне времени. Автор *Сивцева Вражка* также отрицал смерть, указывая на вечную цепь перерождений, осознание которой возможно лишь путем отказа от эгоистичного восприятия мира и своей жизни.

Несмотря на заявление Олега Ласунского о том, что «в вечном споре о Толстом и Достоевском» Осоргин безоговорочно был на стороне Толстого<sup>135</sup>, некоторые исследователи отмечают общие моменты в творчестве Михаила Осоргина и Федора Достоевского. Одним из исследований, наиболее подробно анализирующим влия-

<sup>133</sup> Там же, с. 58.

<sup>134</sup> Л. Толстой, *О жизни* [в:] его же, *Собрание сочинений в 22 томах*, том 17, Москва 1984, с. 103.

<sup>135</sup> О. Ласунский, *Михаил Осоргин: структура, качество и эволюция таланта...*, указ. соч., с. 12.

ние автора *Преступления и наказания* на творчество Осоргина, является работа Елены Мужайловой. Литературовед относит в ней автора *Сивцева Вражка* к представителям неопочвенничества<sup>136</sup>. Несомненно, на такое убеждение повлияло отношение Осоргина к земле, как к главному источнику жизни и духовности.

Сарра Фрадкина отмечает, в свою очередь, что во фрагментах, описывающих жестокую революционную действительность с ее «покалеченными» героями, автор *Сивцева Вражка* приближается к стилистике, присущей произведениям Достоевского<sup>137</sup>. Литературовед обращает также внимание на сходство двух трагических скрещений судеб – Ивана Карамазова и Смердякова в романе Достоевского и Астафьева и Завалишина в *Сивцевом Вражке*. В обоих случаях «декларация вседозволенности» приводит к смерти героев<sup>138</sup>.

Последствия того, о чем предупреждал Федор Достоевский в *Братьях Карамазовых* и *Бесах*, Михаил Осоргин мог наблюдать собственными глазами в период революционного террора. Став свидетелем всеобщего насилия и неоправданной жестокости, автор *Сивцева Вражка*, вслед за Достоевским, заявляет о необходимости сохранения в любых условиях нравов, отсутствие которых ведет не только к духовному, но и к физическому уничтожению человека. На эту проблему в творчестве Осоргина обращает также внимание Наталья Лапаева. По словам литературоведа, писатель «запечатлевает то, как история, «социальное» теснят культуру, агрессивно вторгаясь в ее хрупкий мир»<sup>139</sup>. Культурная и нравственная сферы особенно часто подвергаются деструктивному воздействию истори-

---

<sup>136</sup> Е. Мужайлова, *Ф.М. Достоевский и М. А. Осоргин: типология почвенничества*, Уфа 2008, с. 20.

<sup>137</sup> См.: Фрадкина, *На перекрестке традиций...*, указ. соч., с. 18-19.

<sup>138</sup> См.: С. Фрадкина, *На перекрестке традиций...*, указ. соч., с. 17.

<sup>139</sup> Н. Лапаева, *Культура и история в художественном мире М. Осоргина* [в:] *Проблемы языка и литературы: методология, теория, история*, Пермь 1998, с. 41.

ческого процесса, так как, в отличие от природы, они не могут сами себя защитить.

В *Сивцевом Вражке* и *Братьях Карамазовых* появляется также другой общий элемент – образы старцев. Как отмечает Елена Мужайлова, Зосима у Достоевского и Григорий у Осоргина воплощают похожие духовные ценности<sup>140</sup>. Они воплощают народную православную духовность. Оба персонажа признают, что каждый должен найти свой индивидуальный путь к вере, при чем главной ценностью в этом контексте является само стремление человека к извечному идеалу.

Одной из проблем, затронутых как в творчестве Федора Достоевского, так и в произведениях Михаила Осоргина, является вопрос о цене обещанного будущего счастья. Автор *Книги о концах* сходится во мнении с выдающимся предшественником в вопросе недопустимости жертвования человеческой жизнью во имя каких-либо, даже самых благородных целей, и соглашается с ним в контексте обманчивости идеи счастья будущих поколений. «Стоит ли вообще все будущее [...] одной пролитой капли крови ребенка?»<sup>141</sup> – звучит риторический вопрос Осоргина. Ответ на него был дан Достоевским в *Братьях Карамазовых*: «Не стоит [...] слезинки хотя бы одного только замученного ребенка»<sup>142</sup>.

Достоевского и Осоргина объединяет также их отношение к земле, к естественной среде человека. Автор *Преступления и наказания*, так же как и много лет спустя делал это Осоргин, заявлял о невозможности развития человечества в оторванности от земли. «Можно жить потом на мостовой, но родиться и *всходить* нация, в огромном большинстве своем, должна на земле, на почве, на кото-

<sup>140</sup> Е. Мужайлова, *Ф.М. Достоевский и М. А. Осоргин...*, указ. соч., с. 174.

<sup>141</sup> М. Осоргин, *Письма и статьи* [в:] *Cahiers du monde russe et soviétique* 1984, vol. 25 № 2-3, с. 304.

<sup>142</sup> Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы* [в:] его же, *Полное собрание сочинений*, том 9, Ленинград 1991, с. 274.

рой хлеб и деревья растут»<sup>143</sup>. В этом контексте Михаил Осоргин в какой-то степени продолжил своим творчеством идеи почвенничества.

Природа играет важную роль также в миропонимании другого известного русского классика – Ивана Сергеевича Тургенева. У Осоргина, так же как и у автора *Отцов и детей*, герои тесно связаны с окружающей средой, природа отражает их чувства и переживания. Однако, как справедливо заметила Татьяна Марченко, только у Михаила Осоргина «изображение природы не имеет подчиненного значения; у Толстого или Тургенева пейзаж может быть психологичен или социален, но он всегда выполняет некую задачу в художественном целом, имеет функцию изобразительно-выразительного приема»<sup>144</sup>. В этом контексте достаточно вспомнить роман *Отцы и дети*, в котором прослеживается служебная роль природы, отражающей настроение героев и помогающей им понять «правду о жизни». Примером данной концепции могут стать последние строки произведения, описывающее кладбище, на котором был похоронен Евгений Базаров. «Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...»<sup>145</sup>. Иван Тургенев, так же как и Михаил Осоргин показывает, что никакие человеческие теории не могут противостоять вечным законам природы. Одно случайное событие может внезапно прервать жизнь любого человека.

Данный мотив в очередной раз указывает на связь Осоргина также с автором *Войны и мира*. Главная героиня

---

<sup>143</sup> Ф. Достоевский, *Дневник писателя* [в:] его же, *Полное собрание сочинений*, том 13, Санкт-Петербург 1994, с. 265.

<sup>144</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*..., указ. соч., с. 129.

<sup>145</sup> И. Тургенев, *Отцы и дети* [в:] его же, *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах*, т. 7, Москва 1981, с. 187.



*Повести о сестре*, тургеневский Евгений Базаров и Иван Ильич из повести Толстого – персонажи совершенно разные. Вместе с тем, воплощают они одну и ту же правду о ходе биологической жизни – она не считается с личными планами человека и в самый неожиданный момент может показать хрупкость его существования.

Сопоставляя мировоззрение Михаила Осоргина с убеждениями Ивана Тургенева, следует отметить, что у автора *Отцов и детей* отсутствует полное слияние человека с природой, которой, как упоминалось, не отводится самостоятельная роль. Она скорее свидетель, сопутствующий героям в жизненном пути, а не интегральная часть их существования.

Осоргин, так же как и Тургенев, замечает невероятное разнообразие природного мира, существующее, вместе с тем, в идеальной гармонии. В одном из писем автор *Отцов и детей* отмечает неразгаданность природного времени: «Как из этого разъединения и раздробления, в котором, кажется, все живет только для себя, – как выходит именно та общая, бесконечная гармония, в которой, напротив, все, что существует, – существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрешения – и все жизни сливаются в одну мировую жизнь, – это одна из тех «открытых» тайн, которые мы все и видим и не видим»<sup>146</sup>. Осоргин, в своей концепции природной жизни, во многом сходится с Тургеневым. Автор *Сивцева Вражка* также подчеркивает гармонию природного мира, отмечая, что, противопоставляясь вечным законам природы, человек не сможет достичь истинного счастья.

Эмиграционным писателем, чье понимание истории было схожим с Львом Толстым и Михаилом Осоргиным был Марк Алданов. Автор историософских романов рассматривал историю в качестве стихии, ломающей челове-

---

<sup>146</sup> И. Тургенев, «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». С. А—ва [в:] его же, *Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах*, т. 4, Москва 1980, с. 517.

ческие судьбы, олицетворением хаоса и случайности. Татьяна Фоминых в своей работе справедливо констатирует, что Осоргин полностью разделял мнение Алданова, что «война есть истинное царство случая»<sup>147</sup>. Моменты истории, в которых в наибольшей степени проявлялось ее губительное влияние на жизнь человека, показывали насколько хаотичный процесс развития истории противоречил извечным законам природы. Показательны в этом контексте аналогии между убеждениями Марка Алданова, выраженными в *Ульмской ночи*, согласно которым даже октябрьский переворот был результатом случайности, и мировоззрением Михаила Осоргина, целесообразно упомянувшего в *Сивцевом Вражке* Гаврила Принципа. В романе Осоргин обращает внимание, что один выстрел молодого гимназиста вызвал лавину событий, которую не могли предвидеть даже самые опытные европейские дипломаты<sup>148</sup>.

Описывая исторический процесс, Михаил Осоргин отрицал целесообразность построения систем и концепций развития человеческой цивилизации, но вместе с тем в большой степени оставался в культурологическом кругу исканий второй половины XIX – начала XX века. Касалось это разделяемой им цикличности исторического процесса и его принципов, во многом повторяющих законы природы. В 1871 г. вышла книга Николай Данилевского под заглавием *Россия и Европа*. Перечисляя в ней законы развития культур и цивилизаций, ученый приравнивает их к биологическим организмам, проходящим стадии зарождения, плодоношения и упадка<sup>149</sup>. В 20-е годы XX века большой популярностью пользовалась работа Оскара

---

<sup>147</sup> Т. Фоминых, *Историко-культурный контекст образа мировой войны в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»* [в:] *Сборник в честь 65-летия А. М. Минаковой*, Москва 1996, с. 50.

<sup>148</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 7.

<sup>149</sup> См.: Н. Данилевский, *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому*, Санкт-Петербург 1895, с. 68-69.

Шпенглера *Закат Европы*. В книге развитие культур сопоставляется с этапами человеческой жизни. «Всякая культура переживает возрасты отдельного человека. У каждой имеется свое детство, юность, возмужалость и старость»<sup>150</sup>. У Шпенглера появились употребляемые позднее Осоргиным сравнения цивилизации с растением. «Когда цель достигнута и идея, т. е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг застывает, отмирает, ее кровь свертывается, силы ее надламываются – она становится цивилизацией. И она, огромное засохшее дерево в первобытном лесу, еще многие столетия может топорщить свои гнилые сучья»<sup>151</sup>. Стоит отметить в данном фрагменте способ употребления понятия «цивилизация», которое у Михаила Осоргина, так же как и у Оскара Шпенглера, несопоставимо с процессом развития.

Цикличность исторического процесса была, затем, отражением законов природы и, как отметила Ирина Боровская, смена цивилизаций рассматривается Осоргиным как «одна из преходящих составных вечности»<sup>152</sup>. В *Сивцевом Вражке* повторяющиеся прилеты и отлеты ласточек отражали ритм природы, а «непрерывность исторического развития пресекалась гибелью культур и завершенностью процессов»<sup>153</sup>.

Осоргин стал без сомнения свидетелем конца многовекового «цикла» российской истории и стремился отобразить это в своем творчестве. Автобиографическая проза писателя не касалась лишь частных тем, она отражала

---

<sup>150</sup> О. Шпенглер, *Закат Европы. Образ и действительность*, том 1, 1993, с. 172.

<sup>151</sup> Там же, с. 172.

<sup>152</sup> И. Боровская, *Космос и хаос в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»* [в:] *Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Международной научной конференции*, под ред. Л. Алексеевой, В. Скрипкиной, Москва 2003, с. 126.

<sup>153</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 21.

характерные черты своего времени, становилась в какой-то степени документом. Не даром Олег Ласунский назвал *Времена* «портретом эпохи со всеми ее противоречиями»<sup>154</sup>. Для Михаила Осоргина на первом месте стоял всегда человек, в связи с чем ход времени в творчестве писателя выражался судьбами отдельных людей, сталкивающихся с историческими событиями. Анализируя текст *Сивцева Вражка*, Эльвира Дергачева отмечает, что «особенностью романа является то, что история передается через быт, через бытовые, житейские сцены проглядывает Время»<sup>155</sup>. Судьбы отдельных людей тесно связаны с общим ходом истории, их повседневная жизнь становится основным «компонентом» общечеловеческого потока времени. Наиболее ярко позиция Осоргина в вопросе взаимоотношения личности и исторического процесса выражена во *Временах*. Как справедливо отметила Татьяна Марченко, в произведении писателю удалось синтезировать «тип документально-исторического повествования с исповедальностью «сына века», которым становится не вымышленное лицо, а сам реальный автор. Отказавшись от прототипов выдуманных героев, [...] писатель [...] создает обобщенный портрет русского изгнанника, судьбу которого определили Россия и революция»<sup>156</sup>. Развивая мысль литературоведа, следует отметить, что Осоргин не описывал обобщенных исторических процессов, являвшихся для него вторичными по отношению к жизни отдельного человека. В своих картинах данной эпохи он всегда продвигался «снизу вверх», от судьбы личности к истории народов и государств.

Михаил Осоргин, желая объективно показать течение времени, стремился также начертить все разнообразие и

---

<sup>154</sup> О. Ласунский, *В споре с эпохой...*, указ. соч., с. 23.

<sup>155</sup> Э. Дергачева, *Дом и история в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»* [в:] Михаил Осоргин: *Жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений*, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, О. Ласунского, Пермь 1994, с. 57.

<sup>156</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 94.

богатство составляющих временной поток элементов. Олег Ласунский отметил в своей работе, что писатель «смог уловить и [...] удачно отразить ускорение темпов социального бытия в начале XX столетия, [...] процесс дробления окружающей действительности на более частные, чем прежде, компоненты»<sup>157</sup>. Точку зрения литературоведа, согласно которой Осоргин удачно чертил исторические панорамы, поддерживают также другие исследователи. Талант писателя в этом отношении заново открыла и высоко оценила критика в последние годы существования СССР. В 1990 г. Станислав Никоненко писал, что «Осоргин предстает как мастер воссоздания эпизодов прошлых эпох. Точный, выразительный, сочный, богатый русский язык соответствует духу далеких времен. И перед нами оживают, переливаются красками, дышат, звучат, пахнут странички русской истории...»<sup>158</sup>. Вместе с тем, согласно мнению некоторых исследователей, «мозаичность» Осоргина вызывает впечатление недосказанности. Так особенность стиля писателя определяет Татьяна Марченко: «Углублению и развитию образа он [Осоргин] предпочитал скользящее движение вширь. Цепочка образов-мыслей вытягивается, разветвляется, нанизываются все новые звенья, так что, в конечном итоге, остается ощущение недоговоренности, недосказанности [...]»<sup>159</sup>. С такой точкой зрения можно согласиться лишь частично. Следует учесть, что для Осоргина каждая частная судьба для общего хода времени была одинаково важна и, в большинстве своих произведений (*Сивцев Вражек*, *Свидетель истории*, *Книга о концах*), он стремился показать как можно больше отдельных человеческих историй, формирующих временной поток. Кроме того, Осоргин в большей степени старался дать свидетельство общеприродным

---

<sup>157</sup> О. Ласунский, *Михаил Осоргин: структура, качество и эволюция таланта...*, указ. соч., с. 6.

<sup>158</sup> С. Никоненко, *О России – с любовью...*, указ. соч., с. 77.

<sup>159</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 106-107.

законам жизни, нежели углубляться в отдельные ее аспекты.

Картину каждой эпохи писатель воспроизводил, уделяя много внимания бытовым мелочам, в которых, по мнению Осоргина, наиболее полно отражался исторический процесс. Как справедливо считается, глобальные события объясняются в *Сивцевом Вражке* через тривиальное<sup>160</sup>. Примером может стать в этом контексте отражение «вечных вопросов» в образе гнилого сапога: «Думал [Николай] о сапогах и вообще – о непрочности земного. Если уж такая пара сносилась – что же вечно? (...) Кажется – ничем не сокрушишь, и снаружи все ладно. А пришел день, ветром дунуло, дождем промочило, – внутри труха, вот тебе и сапоги. И все так! И дом стоит, стоит – и упасть может. И с самим человеком то же самое»<sup>161</sup>. Таким образом Осоргин показывает, что течение времени, его суть, одинаковы и для сапогов, и для человеческой цивилизации. В результате, сложные научные концепции, по мнению писателя, могут с таким же успехом объяснить ход времени, с каким делает это дворник Николай на примере своих сапог.

Точное, упорядоченное описание исторического процесса не было целью писателя. Разного рода исторические теории Михаил Осоргин считал ложными, а в лучшем случае ненужными, так как они лишь искаженно отражали закономерности космического времени. История была для автора *Сивцева Вражка* лишь фоном для описания человеческих судеб и потому несложно объяснить особенность творчества писателя, отмеченную Татьяна Марченко. «Воспоминания Осоргина не пестрят именами и датами, к ним вряд ли возможно обращаться за историко-литературной справкой»<sup>162</sup>. Действительно, исторический процесс писатель описывал лаконично и неоднократно с иро-

---

<sup>160</sup> Н. Кузьмищева, *Б. Зайцев и М. Осоргин...*, указ. соч., с. 123.

<sup>161</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 63.

<sup>162</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 118.

нией. «В мире проходят всякие события – меняются границы государств, кувыркком летят правительства, тарантасы обзаводятся пропеллерами, вместо земской почты – радио, вместо старой тюрьмы – новая, на смену Богу – разум, на смену разуму – Господь, (...) уж устарели и заново изданы словари, прежние потомки стали предками, прошла мода на полных, прошла и на худых»<sup>163</sup>. Способ перечисления Осоргиным существенных, с исторической точки зрения, событий свидетельствует об убеждении писателя относительно хаотичности цивилизации, ее мнимого прогресса, который на самом деле циклически повторяет лишь старые схемы, не вкладывая в них нового значения. Татьяна Фоминых обращает внимание, что мысли Михаила Осоргина были особенно актуальны в контексте археологических открытий и культурологических исследований начала XX века, изменивших представление о греческой цивилизации как колыбели человечества<sup>164</sup>. О вторичности античного мира узнает также героиня *Сивцева Вражка*. Когда старый профессор «рисовал» внучке картину древних цивилизаций Востока, «перед удивленной Танюшей, пережившей свою шестнадцатую весну, народы средиземноморского побережья, культуре которых ее учили изумляться в гимназии, – лишь изживали или реставрировали обломки культуры, древнейшей, созданной народами, ранее их пришедшими в мир»<sup>165</sup>. История государств, в глазах Осоргина, – это процесс непрекращающегося копирования изжитых схем.

Автор *Сивцева Вражка* считал, что политический строй не только не способствовал всеобщему развитию, но также всегда стремился ограничить человека. Государственная власть, по мнению писателя, всегда будет желать порабощения и подчинения себе свободной личности.

<sup>163</sup> М. Осоргин, *Про бабушку* [в:] его же, *Воспоминания. Повесть о сестре*, Воронеж 1992, с. 256.

<sup>164</sup> Т. Фоминых, *Историко-культурный контекст...*, указ. соч., с. 54.

<sup>165</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 21.

Природа, как пишет Михаил Осоргин в *Происшествиях зеленого мира*, должна вдохновлять человека на противостояние государству. «[...] Сильнейший враг деспотизма – Природа [...]. Она не признает ни границ, ни догм, ни учреждений; она не различает добра и зла, не создает кумиров, не пишет истории. [...] Она – [...] величайший враг всякого обязательного катехизиса. Человеку порядка она ненавистна, и из чувства самосохранения он огораживается от нее тупыми колышками дарвинизма»<sup>166</sup>. В очередной раз Осоргин не только отрицает возможность научного, рационального познания законов природы, но также обращает внимание на противоестественность и ограниченность человеческой цивилизации.

Инструментом любой политической системы, с помощью которого она ограничивает человеческую свободу, являлось всегда отрицаемое Осоргиным насилие. Писатель неоднократно обращал внимание, что в этом вопросе конкретная «политическая окраска» не имеет значения. В *Свидетеле истории* главная героиня сидит в тюрьме при царской власти, в *Книге о концах* ее отец попадает в заключение по решению большевиков. Как замечает Галина Лобанова, Михаил Осоргин показывает бессмысленную «бесконечность войн и смертей»<sup>167</sup>. По мнению писателя ее источником является, в большой степени, построенная на насилии политическая власть.

Михаил Андреевич Осоргин отрицал существующие формы государственного строя, однако, как утверждает Ирина Боравская, это «не дает права называть его «анархистом»»<sup>168</sup>. Действительно, автор *Сивцева Вражка*, отрицая любые формы насильственной власти, не стремился создать концепцию идеального социального строя. В

---

<sup>166</sup> М. Осоргин, *Происшествия зеленого мира* [в:] его же, *Времена. Происшествия зеленого мира*, Москва 2005, с. 331.

<sup>167</sup> Г. Лобанова, «Маленький человек» в вихре истории..., указ. соч., с. 134.

<sup>168</sup> И. Боравская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 76.



связи с этим его «анархизм» не был программным. Вообще, как уже упоминалось, задача давать обществу «рецепты» дальнейшего развития никогда не входила в замыслы писателя. Осоргин заявлял лишь глубокую веру в возможность духовного самосовершенствования человека и достижения им высшей гармонии с Космосом.

Писателя интересует не анализ дат и сухих исторических фактов, а история, которую не передают и не могут передать учебники. «Ее и не напишешь попросту: она похожа на занимательную и нелепую сказку. Ни логики в ней нет, ни системы [...]»<sup>169</sup>. Осоргин считает ошибочным стремление ученых разделить исторический процесс на эпохи и найти точные закономерности каждой из них. Ход времени можно осознать и почувствовать лишь интуитивно. Развитие истории – это в большой степени стихийный процесс, не подлежащий точному анализу. Характеризуя автобиографические мотивы в повести *Времена*, Елена Погодина справедливо отмечает, что в произведении «не раз звучит сожаление о бессилии понять ход событий [...], невозможности постичь импульсы, побуждающие человека совершать действия, приводящие к разрушению и саморазрушению»<sup>170</sup>. Михаил Осоргин последовательно придерживается позиции, что исторический процесс хаотичен и непредсказуем. Вместе с тем, причины такого положения вещей находятся в людях, отдаляющихся от законов природы.

Впрочем, рациональный подход не в состоянии проследить связи природного времени и человеческой жизни. «Есть мотыли, детство и юность которых длится семнадцать лет в земле в форме личинки, а жизнь взрослая, окрыленная, меньше недели. Есть человеческие дети со старой душой, и есть старцы, доносящие до гроба, не расплескав, кубок молодых чувств, испытый до дна и все-

---

<sup>169</sup> М. Осоргин, *Про бабушку...*, указ. соч., с. 256.

<sup>170</sup> Е. Погодина, *Специфика речевого функционирования ...*, указ. соч., с. 11.

таки полный»<sup>171</sup>. Осоргин заявляет о непостижимости времени человеческим разумом – ход жизни в своем разномобразии настолько многослоен, что любое применение для его описания научных теорий и упорядоченных концепций лишено смысла. Наталья Лапаева справедливо отмечает, что в сознании Михаила Осоргина глубоко укоренилась «идея относительности всякого знания»<sup>172</sup>. Об этом писатель прямо заявляет в *Письмах о незначительном*: «(...) Если что-нибудь завело нас в тупик, то именно слепая и ленивая вера в дважды-два-четыре, в политические и социальные таблицы умножения, напечатанные на внутренней обложке ученических тетрадок»<sup>173</sup>. По мнению Осоргина лишь интуитивное восприятие действительности может приблизить человека к познанию правды о мире. Тем временем, по мере развития техники, человек все сильнее верит в ложное суждение о возможности преодолеть вечные законы времени. «По-видимому, скоро будет можно на самолете догонять солнечный день; смелый летчик отменит часы, календарь, остановит солнце. И все-таки сумасшедшей планетой мотаясь вокруг земли, он с каждым оборотом будет становиться на сутки старше, и на бритых его щеках с обычной уверенностью будет выползать дневная порция щетины»<sup>174</sup>. Противостояние законам времени для автора *Сивцева Вражка* равнозначно с погружением в самообман.

Человечество на протяжении истории не усваивает опыта предыдущих поколений, в связи с чем, согласно убеждениям Осоргина, живет в мире иллюзий и повторяет трагические ошибки прошлого. События XX века дали

---

<sup>171</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 621.

<sup>172</sup> Н. Лапаева, «*Письма о незначительном*» М. Осоргина: антропология против идеологии [в:] Михаил Осоргин и вечные ценности русской культуры: Материалы научно-практической конференции, под ред. В. Кайдалова, Пермь 2003, с. 9.

<sup>173</sup> М. Осоргин, *Письма о незначительном...*, указ. соч., с. 56.

<sup>174</sup> М. Осоргин, *Книга о концах* [в:] его же, *Свидетель истории. Книга о концах. Рассказы*, Москва 2003, с. 312.

писателю возможность лично ощутить неспособность людей учиться на чужом опыте. Как верно отметила Татьяна Марченко, сороковые годы в Западной Европе живо напоминали Осоргину послереволюционное время в России – «разруха, голод, несвобода, унижения человеческой жизни, страх смерти, угнетение духа»<sup>175</sup>. В книге *В тихом местечке Франции* писатель констатирует, что трагический опыт истории не усвоен<sup>176</sup>. Такое положение, с точки зрения Осоргина, трагично, так как преодолеть войну и хаос могут только те, кто усвоил опыт предыдущих поколений в области познания вселенских законов. Об этом в *Сивцевом Вражке* заявляет профессор-орнитолог: «[...] новое без старого фундамента не выживет, развалится, [...] прежней культуры не обойдешь, не отбросишь ее»<sup>177</sup>. Пессимизм писателя в конце жизни во многом вытекает из сознания, что человечество не может выбраться из замкнутого круга исторического бытия и в дальнейшем будет повторять ошибки прошлого. «Вместо прямой, как стрела, дороги, ведущей человечество к храму добра и счастья, не окажется ли высшей истиной порочный круг, который захлестнет ему горло мертвой петлей?»<sup>178</sup> – спрашивает Осоргин в *Письмах о незначительном*, рассуждая о мрачных перспективах дальнейшего пути человечества.

Исторический процесс, как считал писатель, так же, как и природное время, определяют законы цикличности. В результате повторяются войны и революции, меняются правительства, появляются и исчезают государства, но ничего в общей картине мира не меняется. В *Книге о концах* один из героев заявляет, что «история, она тем только и занимается, что повторяет события»<sup>179</sup>. В этом процессе, по мнению Осоргина, отсутствует реальный прогресс.

<sup>175</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*..., указ. соч., с. 155.

<sup>176</sup> Цит. по: Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*..., указ. соч., с. 156.

<sup>177</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек*..., указ. соч., с. 279.

<sup>178</sup> М. Осоргин, *Письма о незначительном*..., указ. соч., с. 336.

<sup>179</sup> М. Осоргин, *Книга о концах*..., указ. соч. с. 243

История постоянно повторяет себя, а люди периодически пытаются и будут пытаться достичь счастья, исходя из ложных принципов политических теорий. Автор *Сивцева Вражка* был убежден, что развитие за счет ограничения человеческой свободы невозможно, чего также не учитывает техническая цивилизация. В результате, как заявляет отец Яков в *Свидетеле истории*, «кровь всегда лилась, и люди всегда были недовольны. Уж так с испокон веков и до дней наших»<sup>180</sup>.

Неслучайно приведенную мысль высказывает в романе священнослужитель. Религия в мировоззрении Михаила Осоргина играла определенную роль в историческом процессе, хотя отношение писателя к православию было явно неоднозначным и изменялось на протяжении всей его жизни. Многие критики считали Осоргина полным атеистом. Татьяна Марченко, определяя мировоззрение писателя, утверждает, что, «отказываясь от революционного идеализма, Осоргин остается последовательным атеистом, отрицая религиозное мировоззрение и утверждая абстрактный гуманизм»<sup>181</sup>. Другие литературоведы придерживались мнения, что писатель на самом деле оставался верен православным традициям<sup>182</sup>. Обе позиции кажутся не совсем обоснованными, так как Михаил Осоргин неоднократно подчеркивал существование непостижимой абсолютной Истины, одновременно крайне редко упоминая о Боге. Как нам кажется, наиболее метко позицию писателя по отношению к религии охарактеризовала Елена Мужайлова. По мнению литературоведа «Осоргин (...) верил в высшие силы, в Бога, но не в Христа», а также «признавал за Россией особую функцию сохранения нравственных ценностей всего человечества»<sup>183</sup>.

---

<sup>180</sup> М. Осоргин, *Свидетель истории...* указ. соч., с. 110.

<sup>181</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 41.

<sup>182</sup> И. Боравская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 134.

<sup>183</sup> Е. Мужайлова, *Ф.М. Достоевский и М. А. Осоргин...*, указ. соч., с. 80.

С другой стороны, не подлежит сомнению, что уже в молодые годы писателя характеризовало глубокое недоверие «официальному» православию. Как замечает Наталья Нестерова, Михаил Осоргин не раз подчеркивал отсутствие в себе религиозности<sup>184</sup>. Вне зависимости от его личных убеждений, автор *Сивцева Вражка* отводил традиционной религиозности важную роль в историческом процессе. Наталья Нестерова отмечает в своей работе, что писатель в период второй эмиграции высказывался о христианской религии, как о «самой бездарной», но не без основания считал ее «самой утешительной для русского народа»<sup>185</sup>. По всей вероятности, автор *Сивцева Вражка* пришел к выводу, что народное мировоззрение и духовный уклад определяются христианской верой, которой атрибутом является церковь. По определению Дмитрия Горюнова, ««неверие» Осоргина накладывается на сохранившееся в нем «коллективное православие» (общность, соборность, ритуалы и т.д.), но проинтерпретированные в совершенно ином аспекте и увязанное с масонскими традициями»<sup>186</sup>. Христианское миропонимание, в глазах Осоргина, позволяло сохранить людям уважение друг к другу, сберечь духовные и нравственные ценности. Советский опыт показал, что, даже учитывая порочность церкви, борьба с религией только усилила дисгармонию между людьми, а также между человеком и природой. Как замечает Галина Лобанова, уже Федор Достоевский раскрыл «главную причину нравственной трагедии «бесов» – безверие»<sup>187</sup>. Автор *Сивцева Вражка*, при

---

<sup>184</sup> Н. Нестерова, *Общественно-политические взгляды...*, указ. соч., с. 154.

<sup>185</sup> Там же, с. 168.

<sup>186</sup> Д. Горюнов, М. А. Осоргин как представитель русского масонства [в:] Михаил Осоргин и вечные ценности русской культуры: Материалы научно-практической конференции, под ред. В. Кайдалова, Пермь 2003, с. 55.

<sup>187</sup> Г. Лобанова, *«Маленький человек» в вихре истории...*, указ. соч., с. 94.

всем своим скепсисом по отношению к православию, также понимал, что отсутствие веры неизбежно вело к безнравственности.

Духовное обнищание, в свою очередь, делало людей беззащитными по отношению к исторической стихии. Алексей Зверев утверждает, что представленный в *Сивцевом Вражке* «московский космос несокрушим до тех пор, пока в нем сохраняются наследуемые из поколения в поколение этические принципы и заветы»<sup>188</sup>. В концепции Осоргина общество, теряющее в ходе исторического процесса свою духовность, подвергается в конечном итоге самоуничтожению.

Осоргин, так же, как и Толстой, ценил, прежде всего, традиционную народную религиозность. По его мнению, она была ближе к живой природе, естественной среде человека. Такая позиция особенно заметна в *Старинных рассказах*. Как замечает Нина Барковская, «в русской народной религиозности образ матери-земли нередко сливался с образом Матери Божией»<sup>189</sup>. Именно элемент поклонения природе в народной религиозности Михаил Осоргин считал самым главным духовным наследием Руси. В подобном контексте русскую религиозность рассматривал Николай Бердяев: «Вселенский дух Христов (...) пленен женственной национальной стихией, русской землей в ее языческой первородности. Так образовалась религия растворения в матери-земле, в коллективной национальной стихии, в животной теплоте. Русская религиозность – женственная религиозность, – религиозность коллективной биологической теплоты, переживаемой, как теплота мистическая»<sup>190</sup>. Традиционная русская духовность, базирующаяся на слиянии элементов культа

---

<sup>188</sup> А. Зверев, *Сивцев Вражек* [в:] *Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940)*, под ред. А. Николюкина, том третий, Москва 1999, с. 319.

<sup>189</sup> Н. Барковская, *Возвращение к истокам...*, указ. соч., с. 75-76.

<sup>190</sup> Н. Бердяев, *Судьба России*, Москва 2007, с. 21-22.

природы и христианских заветов была близка также взглядам Осоргина.

Христианские мотивы неоднократно появляются в творчестве автора *Сивцева Вражка*. Библейские цитаты Михаил Осоргин использует, в частности для описания цикличности времени. Имеется здесь в виду цитируемое в *Сивцевом Вражке* и *Временах* высказывание Экклезиаста: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»<sup>191</sup>.

Принимая многие принципы православия в контексте русской народной духовности, Михаил Осоргин не мог соглашаться с официальной религией, так как считал, что она в большой степени играла ту же роль, что и государственные законы. Церковь в России, по убеждению Осоргина, была на протяжении всей истории инструментом притеснения личности, ограничения ее естественной свободы. К тому же, религия использовалась властью не для развития любви к ближнему, а для призывов к взаимоистреблению: «Толкая в спину прикладами, гонят на фронт Христа, – и он, малодушествуя, произносит речи, которых сам стыдится; за это его впоследствии ждет обидная расплата: изгнание из сельских церковок, где ему жилось гораздо уютнее, чем в богатых храмах: не ври!»<sup>192</sup>. Осоргин осуждает использование религии в политических целях, так как это подрывает доверие к ней среди истинно верующих и разрушает народную духовность. В этом контексте официальные богослужители ничем не отличались от чиновников, а Осоргин не признавал никаких структур, ограничивающих свободу человека. Как вспоминал Марк Вишняк, писатель определял себя «идейным анархистом» и принципиально отвергал государство, власть и наси-

---

<sup>191</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 260.

<sup>192</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 315.

лие<sup>193</sup>. В этом плане автор *Сивцева Вражка* был истинным последователем взглядов Льва Толстого.

Одновременно убеждения Михаила Осоргина были близки к древним учениям Востока. Согласно буддизму время течет не линейно, а циклично. Дополнительно, в каждом мгновении отражается вечность, а смысл жизни состоит в слиянии микрокосма с макрокосмом путем самоусовершенствования человека. О цикличности исторического процесса говорится также в даосизме и конфуцианстве. Убеждения Осоргина, как в отношении общего потока времени, так и в контексте отдельно взятой человеческой жизни, во многом повторяют принципы данных религиозно-философских концепций. Ирина Боравская, отмечая близость взглядов Осоргина к учениям Востока, приходит к довольно курьезным выводам: «[...] Совершенные формы Вселенной он [Осоргин] понимал как осуществление Промысла единого Бога-Создателя, а совершенствование личности – как исполнение священных заветов Христа»<sup>194</sup>. По нашему мнению несовместимы заявления писателя о вечной Природе, в которой человек растворяется так же, как и другие природные существа с христианским пониманием души. Кроме того, в творчестве Осоргина не упоминается Бог-Создатель, «запустивший» механизм времени. Наоборот, в *Свидетеле истории* мы читаем, что «никто не толкнул потока жизни, никто его не остановит. [...] Без причин и цели возникло и существует бытие»<sup>195</sup>. Присутствия в концепции Михаила Осоргина элементов христианской этики недостаточно для того, чтобы в полную меру заявлять о его православном мировосприятии.

---

<sup>193</sup> М. Вишняк, *Современные записки. Воспоминания редактора*, 1957, с. 196-197.

<sup>194</sup> И. Боравская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 78.

<sup>195</sup> М. Осоргин, *Свидетель истории...*, указ. соч., с. 84.



Следствием цикличности хода времени в концепции Осоргина становится убеждение об отсутствии конечной цели существования. «Без причин и без целей возникло и существует бытие»<sup>196</sup> – заявляет писатель в *Книге о концах* и продолжает, что «цели не было, и было только направление по звездной карте, пока не сносятся гранитные подшвы знаменитых сапогов»<sup>197</sup>. Так же, как и в жизни отдельного человека, так и в историческом процессе, главным принципом должно быть стремление к недостижимому совершенству. Михаил Осоргин был уверен, что «движение» в нужном направлении, без попыток ускорить или изменить естественный ход событий, должно стать основой гармонического развития человечества.

В конечном итоге мировоззрение Михаила Андреевича Осоргина сложилось под влиянием масонских идей. В основном это касается процесса самоусовершенствования души и развития человечества согласно принципам вечной гармонии. В речи, произнесенной в 1931 г., Осоргин следующим образом охарактеризовал программу Великого Востока: «Масонство вовсе не система нравственных положений, и не метод познания, и не наука о жизни [...]. Идеальное каменничество есть «душевное состояние» человека, деятельно стремящегося к истине и знающего, что истина недостижима. [...] Братство вольных каменщиков есть организация людей, искренне верящих в приход более совершенного человечества. Путь к совершенствованию человеческого рода лежит через самоусовершенствование при помощи братского общения с избранными и связанными обещанием такой же над собой роботы»<sup>198</sup>. В приведенном фрагменте Михаил Осоргин выразил главные принципы своего мировоззрения. Первый из них – это интуитивный путь познания

---

<sup>196</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 343.

<sup>197</sup> Там же, с. 349.

<sup>198</sup> Цит. по: О. Авдеева, А. Серков, *Воспитание души...*, указ. соч., с. 8.

законов природы и неприменимость схем и научных методов в процессе раскрытия мирового устройства. Второй — необходимость самосовершенствования личности в стремлении к недостижимой истине.

Как замечает Галина Лобанова, на принципах масонства в большой степени опирается концепция Осоргина относительно преемственности жизненной энергии<sup>199</sup>. Это также один из главных аспектов понимания автором *Вольного каменщика* хода времени, в котором ничего не погибает, а лишь перевоплощается.

О роли природных законов в концепции Осоргина свидетельствует частое использование писателем образов естественной среды для описания течения времени. Самым ярким примером в этом контексте может стать роман *Сивцев Вражек*. Писатель попытался показать в нем катаклизмы в человеческом обществе через параллелизм с миром животных и растений. В романе появляются войны муравьев, обезьяны из разных «сословий», а пули превращаются в свинцовых шмелей.

Символом природы, наиболее широко распространенным в творчестве Михаила Осоргина, является река. По словам Владимира Абашева, с ней в творчестве писателя связывается «представление о бесконечной, но не пугающей, а родственной человеку глубине и вечности»<sup>200</sup>. Текучесть воды часто используется Осоргиным для отображения хода человеческой жизни. Как замечает писатель, «река должна быть в каждой биографии... В преддверии любой веры должен быть свой Йордан»<sup>201</sup>. Автор *Сивцева Вражка* обращает также внимание, что реки играют основополагающую роль в истории человечества и его куль-

---

<sup>199</sup> Г. Лобанова, *«Маленький человек» в вихре истории...*, указ. соч., с. 159.

<sup>200</sup> В. Абашев, *Человек воды. Заметки о мистика Михаила Осоргина* [в:] *Михаил Осоргин: Художник и журналист*, под ред. В. Абашева, Е. Власовой, Пермь 2006, с. 16.

<sup>201</sup> Цит. по: Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 129.

туры. В творчестве Осоргина реки – символ преемственности и невозмутимости природного времени. Зоя Антипина отмечает в своей работе, что для писателя река – это «воплощение первородной стихии, вечный источник и хранитель жизни»<sup>202</sup>. Такую же роль играет Дон в романе-эпопее Михаила Шолохова. «Бесконечная» и неподвластная человеку река течет своим ритмом, становясь свидетелем исторических потрясений. В *Тихом Доне*, так же, как и в *Сивцевом Вражке*, наблюдается резкий контраст между цикличностью жизни природы и хаосом гражданской войны.

Река у Михаила Осоргина становится также метафорой истории и вселенского хода времени. «Уходили на вечный отдых те, кому пришло время, зарождались новые жизни; открывались новые раны, ныли, рубцевались; затихали вздохи и сменялись первой радостью; новые страхи вставали в сумеречный час; в потоке жизни барахтались люди, смытые с наскоро сколоченных плотов. Текла с привычным шумом река Времени»<sup>203</sup>. В данном фрагменте показана не только свойственная Осоргину цикличность, но также стихийность временного потока, течению которого человек не в состоянии противостоять. По словам Нины Барковской, для Михаила Осоргина история России – это также река, к «чистым истокам» которой писатель стремился подняться в *Старинных рассказах*<sup>204</sup>.

Важно заметить, что у Осоргина также река подчиняется законам цикличности и, благодаря этому, становится идеальным образом, воплощающим природу времени. Вспоминая во *Временах* родную природу, Осоргин отмечает, что образ реки связан для него «с первым ощущением движения как самоцели, с радостным бытием в веч-

---

<sup>202</sup> З. Антипина, *Горы, лес и река в произведениях М. Осоргина и В. Каменского*, [www.psu.ru/psu/files/3728/Antipina.doc](http://www.psu.ru/psu/files/3728/Antipina.doc), (20.03.2012).

<sup>203</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 267.

<sup>204</sup> Н. Барковская, *Возвращение к истокам...*, указ. соч., с. 73.

ности»<sup>205</sup>. Благодаря отцу, объяснившему процесс движения воды в природе, главный герой *Времен* начинает понимать вечный закон круговорота жизни. «–Ты знаешь, куда бежит эта вода? – В речку. – А из речки? – В Каму. – А из Камы? – В море. – Ну, а из моря? – Из моря куда-нибудь в океан. – Может быть, она и добежит до океана, а может быть, просто – смотри! – И он показывал мне на облако: – Вон она возвращается к нам! – И я знал и знаю, что все возвращается и снова уходит, что гибнет растение – но возрождается в зерне; что путь пролетевшей пчелы повторит другая, что вечен перелетный возврат птиц. Все, что мне позже открыли книги, что я принял из них и не отверг, – все это было раньше вышито зеленой гладью на клубничном косогоре»<sup>206</sup>. Река, в концепции Осоргина не ограничивается истоками и устьем, видимыми концом и началом – она остается неизменной и одновременно находится в непрекращающемся движении. Каждая капля воды, прошедшая по ее течению, однажды вернется и вновь повторит свой путь. Михаил Осоргин был уверен, что и во временном потоке ничто не уходит безвозвратно.

Другим образом, воплощающим в себе вечные законы природы, стала для Осоргина земля, которая в русской духовной традиции перевоплотилось в емкое понятие «почвенничество». Почва была для писателя источником жизни, в ней хранилась история и духовные ценности России. Как справедливо отметила Любовь Коневских, почтение к родной земле оценивается Осоргиным как «предельное, главное этическое основание человеческого бытия»<sup>207</sup>. Привязанность к земле стала очередным аспектом, соединяющим мироощущение Осоргина и Достоевского. «Из всех вещей человека земля всегда была самой

---

<sup>205</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 637.

<sup>206</sup> Там же, с. 617.

<sup>207</sup> Л. Коневских, *Земля как этическое основание в представлении Михаила Осоргина [в:] Мир начинается в детской. Материалы VII научно-практической конференции*, Пермь 2010, с. 31.

любимой и близкой»<sup>208</sup> – говорится в осоргинском рассказе *Земля*. «(...) Земля для него [народа] *все*, (...) он всё выводит из земли и от земли»<sup>209</sup> – констатирует Федор Достоевский.

Как замечает Елена Мужайлова, для Михаила Осоргина земля была олицетворением понятия вечности, в ней прошлое слито воедино с будущим<sup>210</sup>. В произведениях Осоргина земля сберегает энергию жизни, в ней скрываются не только следы давно прошедших времен, но и вещества, являющиеся залогом будущей жизни. Такого положения не может изменить человеческая цивилизация, скрывающая источник жизни под слоями асфальта и бетона. Человек, будучи природным существом, никогда полностью не избавится от тяги к своей естественной среде, что становится одной из оптимистических основ идейного содержания *Вольного каменщика*. Неслучайно «жизнью в природе, на дешевом маленьком участке земли (а мир так велик! а чудес в нем так много!) – заканчивается без всяких дальнейших событий (...) повесть о вольном каменщике»<sup>211</sup>. Даже самый «ничтожный» клочок земли в концепции Осоргина отражает в себе все величие природы. Главный герой *Вольного каменщика* на протяжении романа проходит духовный путь от шумных улиц Парижа до маленького участка земли, где обретает покой. Таким образом Михаил Осоргин показывает, что развитие человека и его стремление к счастью не может осуществиться без близости с природой, и воплощающей ее землей.

Интересным примером сравнения частных и общих событий с природными явлениями является мемуарный очерк Осоргина *Дожди*. Дождь – казалось бы столь знакомый человеку, у писателя приобретает свой новый,

<sup>208</sup> М. Осоргин, *Земля...*, указ. соч.

<sup>209</sup> Ф. Достоевский, *Дневник писателя...*, указ. соч., с. 265.

<sup>210</sup> Е. Мужайлова, *Ф.М. Достоевский и М. А. Осоргин...*, указ. соч., с. 86.

<sup>211</sup> М. Осоргин, *Вольный каменщик...*, указ. соч., с. 214.

четко выраженный характер. «[...] Бывают дожди невыносимые, даже подлые. И бывают величественные и прекрасные»<sup>212</sup>. Оказывается, что отдельное метеорологическое явление может отражать богатство всей природы. Дождь может быть связан с этапами жизни человека, но может также отражать исторические потрясения. Очерк завершается описанием грозы, в которую рассказчик попал в Черногории. Природная стихия на Балканах по времени и месту явно совпадает с началом Первой мировой войны. Гроза может губить людей в такой же степени, как и исторический катаклизм. «На дороге мы увидели и подобрали до нитки промокшую черногорскую девочку лет десяти, – как только ее не смыло дождем в пропасть!»<sup>213</sup>. Помощь ближнему, особенно во время исторических «гроз», была одним из основных принципов мировоззрения Михаила Осоргина.

Образом, наиболее ярко показывающим величие природы и ее ни с чем несравнимое превосходство над историческим временем, стало у Осоргина солнце. Его неостановимое движение по небосклону определяет ритм жизни, оно возвышается над всем человеческим миром, оставаясь совершенно неизменным на протяжении всей его истории. Ирина Боравская в своей работе пишет, что образ солнца для Осоргина «не просто символ силы, красоты, света, но носитель реальной энергии, способной во множестве форм утвердить нетленную природную гармонию»<sup>214</sup>. Такую позицию подтверждает текст *Сивцева Вражка*. «Вся человеческая жизнь рисовалась ему [солнцу] лишь воплощением энергии его лучей. Оно населило полярный север высшими формами органического мира; когда пришло время, оно создало страшную катастрофу живущего, убило высокую культуру полюсов и развило отсталую

<sup>212</sup> М. Осоргин, *Дожди* [в:] его же, *Воспоминания. Повесть о сестре*, Воронеж 1992, с. 280.

<sup>213</sup> Там же, с. 286.

<sup>214</sup> И. Боравская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 76.

экватора до совершеннейших форм. [...] Все, что делал полип или человек, – было делом его, солнца, было его воплощенным лучом. Ум, знание, опыт, вера, как тело, питание, смерть, – были лишь превращением его световой энергии»<sup>215</sup>. Солнцу, согласно убеждению Осоргина, полностью подвластен ход земной жизни. В этом контексте микробы подвластны ему в такой же степени, как и человек, вместе со всеми достижениями цивилизации. Солнце в концепции Осоргина становится символом силы природы, благосклонность которой позволила неблагодарному человеку построить общество, вести войны, создавать и разрушать государства, а прежде всего, кичливо называть себя «царем природы».

Предостерегая перед угрозой тоталитаризма, Михаил Осоргин использует метафору муравейника. «Счастливы ли муравьи? Во всяком случае они удовлетворены этой жизнью, так как за тысячелетия и даже за миллионы лет протеста не выражали. Пример полного отсутствия свободы, окончательной механичности движений, безропотной преданности государству. Не есть ли это – идеальный строй?»<sup>216</sup>. Как показывает писатель, даже тоталитаризм унаследован как ложная система от природы. Автор в *Письмах о незначительном* восстает против порабощения личности коллективом, так как человек не может подчиняться «муравьиным» законам.

Подытоживая концепцию времени в творчестве Михаила Андреевича Осоргина, следует выделить несколько ее основных принципов. Главной особенностью временного потока в понимании писателя является цикличность. Ее источник – это жизнь природы, основным законом которой является вечное перевоплощение. В круговороте нет конечной цели развития, так же как и не существует его начало.

---

<sup>215</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 6.

<sup>216</sup> М. Осоргин, *Письма о незначительном...*, указ. соч., с. 50.

Космические законы определяют не только биологическое время, но также исторический процесс. Человечество не может развиваться вне природного времени, так как это ведет к ложному убеждению о превосходстве технического прогресса над миром природы, ведущему в конечном итоге к самоуничтожению.

Концепция времени Михаила Осоргина во многом продолжает традиции русских классиков. С Львом Толстым объединяет его привязанность к народной духовности и поклонение силам природы, общим моментом с творчеством Федора Достоевского становится у Михаила Осоргина убеждение о необходимости сохранения нравственных принципов, без которых развитие человека и общества невозможно.

Отмечая отрицательную роль государства, несущего насилие и притеснение личности, Осоргин отрицал также официальное православие. Вместе с тем, близка ему была традиционная народная религиозность и идеи масонства, способствующие сохранению и развитию гуманности в обществе.

Исторический процесс в миропонимании Осоргина — это главным образом развитие цивилизации, которая подражает универсальным законам природы, но никогда не сможет достичь ее идеала. В результате, развитие человечества может проходить только в тесном взаимодействии с его естественной средой обитания. В произведениях Михаила Андреевича Осоргина на первый план выдвигается лирико-философская мысль о том, что только осознавая себя как часть природы, человек открывает для себя путь к единению с мировым бытием.



### Глава III. Человек и история в творчестве Михаила Андреевича Осоргина

Концепцию времени в творчестве Михаила Андреевича Осоргина нельзя рассматривать независимо от взгляда писателя на место и роль человека во временном потоке. Автора *Сивцева Вражка* всегда заботили вопросы человеческой судьбы и, несмотря на то, что Осоргин часто описывал мир с «космической» перспективы, он никогда не забывал о том, что именно человек наделяет стихию времени смыслом<sup>217</sup>.

Судьба всех героев Михаила Осоргина, вне зависимости от пола, возраста или мировоззрения, представлена в широком временном контексте, далеко выходящем за рамки их биологического существования. Таким образом они становятся своего рода воплощением природы времени. В результате стихия, подчиняющая себе единицы, обретает полноту значения посредством отражения в человеческих судьбах. Именно эта взаимосвязь человека и времени, которые не в состоянии существовать друг без друга, является характерной чертой художественного мира Михаила Осоргина. В этом контексте следует считать естественным выбор писателем главной темы его

---

<sup>217</sup> Тема человека в концепции времени Михаила Осоргина была ранее представлена нами в отдельной статье: А. Муравски, *Место человека в концепции времени Михаила Осоргина* [в:] «Studia Rossica Posnaniensia» № 37, Poznań 2012, с. 185-194.

творчества. Как уже отмечали исследователи, ею стала судьба обычного частного человека в потоке широко понимаемой жизни<sup>218</sup>.

Время у Осоргина является также фактором, детерминирующим взаимосвязи между людьми. Благодаря времени, которое «вливается» в пространство, создается хронотоп пути, жизненного и исторического. Именно на нем переплетаются и вступают в интеракцию друг с другом судьбы различных людей. Представленная в творчестве Осоргина концепция человека на фоне времени и пространства, является ярким примером описанного Михаилом Бахтиным хронотопа дороги<sup>219</sup>. Взаимосвязь, появляющуюся в произведениях Осоргина, отмечают также другие литературоведы. Анатолий Лой, например, рассуждая о природе социально-исторического времени, констатирует, что определяет оно смысл человеческого существования<sup>220</sup>. Такая точка зрения полностью совпадает с позицией автора *Сивцева Вражка*. Осоргин, как верно замечает Юлия Ковалева, уже в первом своем романе ставит вопрос о силах, управляющих жизнью и месте человека в пространстве и времени<sup>221</sup>. В следующих своих произведениях писатель предпринимает попытку определить природу взаимосвязи человека и времени, но эта задача дается ему нелегко. В каждом из романов люди на фоне истории представлены под несколько другим ракурсом. Они то сливаются с временным потоком, то становятся к нему в оппозицию, заявляют свою автономию по отношению к круговороту истории, или же гибнут раздавленными стихией. Впрочем сам Михаил Осоргин в

---

<sup>218</sup> О. Ласунский, *Михаил Осоргин: структура, качество и эволюция таланта...*, указ. соч., с. 6.

<sup>219</sup> М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики...*, указ. соч., с. 276-278.

<sup>220</sup> А. Лой, *Социально-историческое содержание категории «Время» и «Пространство»*, Киев 1978, с. 4.

<sup>221</sup> О. Ковалева, *Космос и хаос в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»...*, указ. соч., с. 393.

письме Максиму Горькому от 23 октября 1924 г. заявил, что место человека невозможно определить однозначно: «Человек – это то центр мира, то ничтожная песчинка»<sup>222</sup>. Такая позиция оставляет много свободы читателю, которого Осоргин стремится лишь подтолкнуть к самостоятельным поискам правды относительно роли человека во временном потоке. Писатель не дает однозначных ответов, что впрочем, понятно с точки зрения его масонских убеждений, говорящих о бесконечном стремлении к истине. Исходя из таких позиций, следует согласиться с Галиной Чудиновой, утверждающей, что задачей Михаила Осоргина стало не столько определение места человека во времени, сколько его художественное изображение в истории<sup>223</sup>.

Характерной чертой творчества Михаила Андреевича Осоргина является глубокое сочувствие человеку. Вне зависимости от положения, в котором оказывались герои его произведений, писатель последовательно утверждал, что именно человек, даже будучи «букашкой» или «песчинкой», никогда не перестает быть высшей ценностью. Как справедливо отметила Ольга Авдеева, у Михаила Осоргина любовь к истории соединялась с любовью к человеку<sup>224</sup>. Кроме того, от учета человеческого фактора зависит правильное понимание истории и ее закономерностей. Согласно Осоргину, нельзя рассматривать время и ход событий в качестве независимого процесса, на который в крайнем случае влияют лишь исторические деятели, а простому человеку отводится роль пассивной и несущественной составляющей. Такой подход приводит к ошибочному толкованию прошлого и соответственно делает невозможным использование человечеством исторического опыта. Как замечает Галина Лобанова, в концепции

---

<sup>222</sup> Цит. по: О. Авдеева, *Лучшие на свете книги написаны большими сердцами...*, указ. соч., с. 24.

<sup>223</sup> Г. Чудинова, *Художественное изображение русского национального характера...*, указ. соч., с. 31.

<sup>224</sup> О. Авдеева, *Ласточки непременно прилетят...*, указ. соч., с. 21.

истории Осоргина важно увидеть человека<sup>225</sup>. Такое понимание взаимосвязи человека и истории не стало новым явлением в русской литературе. Впервые оно появилось в творчестве Льва Николаевича Толстого. И хотя схожий взгляд на исторические события появлялся и ранее, то автор *Войны и мира* первым предпринял попытку объяснить человеческую жизнь с точки зрения истории. Толстовскую традицию в подходе к изображению человека и истории, в видении войны и мира отмечают у Михаила Осоргина также другие современные исследователи<sup>226</sup>.

Автор *Сивцева Вражка* всегда был противником сухих анализов и использования математических уравнений по отношению к истории. Слишком большое доверие статистике и теории по убеждению Осоргина вело не только к искажению образа истории, но и к полной неспособности видеть ее истинный смысл. Эту черту осоргинского мировоззрения отметил друг писателя, Георгий Гурвич. В статье, опубликованной в Париже в 1943 г., вспоминая писателя, он привел утверждение Осоргина о необходимости любить прежде всего не формулы и знамена, а людей<sup>227</sup>.

Отдельный человек, его судьба, а даже повседневная жизнь у Осоргина тесно переплетались с ходом времени. Как уже было сказано, эта зависимость прослеживается в обоих направлениях — от человека к истории и обратно. Первая составляющая не может ни существовать, ни обрести смысл без второй. С точки зрения истории нет несущественных эпизодов человеческой жизни, так как в каждой минуте существования содержится частица всеобщих законов бытия. Выходя из этого утверждения естественным становится стремление Осоргина показать «боль-

---

<sup>225</sup> Г. Лобанова, *Эволюция нравственного сознания «маленького человека»...*, указ. соч., с. 14.

<sup>226</sup> См.: О. Курбатова, *Обзор творчества М. А. Осоргина*, Благовещенск 2009, с. 23.

<sup>227</sup> Цит. по: О. Авдеева, А. Серков, *Воспитание души...*, указ. соч., с. 9.

шую» историю воплощенную в повседневной жизни. Эта закономерность прослеживается во всех романах писателя, в том числе и в самом известном из них – *Сивцевом Вражке*. Эльвира Дергачева, например, пишет, что представление истории посредством бытовых, житейских сцен является особенностью произведения<sup>228</sup>. Судьбы людей, переплетаясь, воздействуя друг на друга, формируют более масштабную конструкцию, названную Галиной Лобановой «историей в лицах»<sup>229</sup>. Исследователь отмечает, что похожий прием очередной раз подтверждает приверженность Михаила Осоргина толстовским традициям<sup>230</sup>. Разбитие времени на судьбы отдельных людей повлияло также на конструкцию *Сивцева Вражка*. Одним из первых отметил это Евгений Зноско-Боровский, указывая на «мозаичность» романа<sup>231</sup>.

В осоргинской концепции взаимоотношений человека и времени прослеживаются также древние учения Востока. Это касается не только вопроса цикличности, но и гармоничного слияния микрокосма с макрокосмом. В такой ситуации не существует оппозиция человек-время, так как человеческие жизни, формируя вечный круговорот, являются частью всеохватывающего временного потока. Вместе с тем цикличность не исключает неповторимости каждого человека. Как пишет Ирина Боровская: «каждое мгновение жизни неповторимо, и в нем отражается вечность»<sup>232</sup>.

В связи с этим понятным становится заинтересованность Михаила Осоргина судьбами простых, «маленьких»

---

<sup>228</sup> Э. Дергачева, *Дом и история в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»...*, указ. соч., с. 57.

<sup>229</sup> Г. Лобанова, *«Маленький человек» в вихре истории...*, указ. соч., с. 57.

<sup>230</sup> Там же, с. 57.

<sup>231</sup> Е. Зноско-Боровский, *М. Осоргин. Сивцев Вражек* [в:] «Иллюстрированная Россия», 28.04.1928.

<sup>232</sup> И. Боровская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 78.

людей. Для писателя нет несущественных моментов жизни или неинтересных представителей общества. Это видно на примере анализа его творчества, где появляется целая палитра героев всех возрастов, различных профессий и убеждений. Иногда даже кажется, что Осоргин хотел бы уделить им больше внимания, но в силу ограниченности объема художественного произведения это было невозможным. В результате автору *Сивцева Вражка* приходилось постоянно балансировать между движением вширь и вглубь: с одной стороны, показывая исторические картины, он стремился учесть как можно больше формирующих ее человеческих судеб, с другой стороны не мог забывать, что герои должны быть «полнокровными».

Следует отметить, что Михаила Осоргина интересовали все люди, но прежде всего он подчеркивал роль не выдающихся и всем известных личностей, а факт, что социально-историческое время в основном формируется массой никому не известных простых людей. На эту закономерность в творчестве автора *Сивцева Вражка* обратила внимание Татьяна Марченко, отмечая, что во всех произведениях Осоргина интересуют «неизвестные солдаты», затерявшиеся на страницах истории, оставившие свой след в предметах быта или только в памяти<sup>233</sup>. Именно повседневная жизнь, вместе с ее обилием на первый взгляд кажущихся несущественными действий отражала в убеждении Осоргина истинную природу времени. Она никогда не документировалась в учебниках истории, а запечатлевалась именно в разного рода предметах быта. Характерной чертой повседневной, истинно человеческой истории является факт, что, в отличие от «большой» истории, она не проводит различий между людьми. Прежде всего это видно на примере *Старинных рассказов* Осоргина. Как замечает Нина Барковская, даже монархи показаны в них как частные лица<sup>234</sup>. Это подтверждает текст

---

<sup>233</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*..., указ. соч., с. 111.

<sup>234</sup> Н. Барковская, *Возвращение к истокам*..., указ. соч., с. 73.

произведения: царь Алексей Михайлович «в обычный день одевался просто: на сорочку и на становой кафтан – обычный легкий зипун»<sup>235</sup>, а Наталья Нарышкина «в черевичках на босу ногу [...] спускалась утром на погребницу»<sup>236</sup>.

Исторические деятели периодически появляются на страницах творчества Михаила Осоргина, но, как замечает Галина Лобанова, с каждым произведением внимание писателя обращается все больше в сторону простого человека<sup>237</sup>. Своеобразной чертой творчества автора *Сивцева Вражка* является роль, которую отводит писатель персонажам, чьи имена появляются в учебниках истории. Они, в убеждении Осоргина, не формируют исторический процесс, являясь в нем однозначно отрицательным фактором.

Концепция Михаила Осоргина предусматривает, что историческое время всегда является второстепенным по отношению к ритму природы. Соответственно роль исторических деятелей, рассматриваемая писателем с «космической» перспективы, сводится к минимуму. «[...] Земля останется как вечное, в то время, как временное политический строй, люди у власти [...] – все это минует...»<sup>238</sup>. Исторические деятели в убеждении Осоргина не способны руководить событиями даже в краткосрочной перспективе. Вытекает это из факта, что историческая стихия слишком сложна и непредсказуема. Даже самые великие вожди не могут предвидеть последствия своих решений и будущее развитие событий. Как замечает в своей статье Андрей Ранчин, Осоргин неоднократно показывал, что случайности часто рушат созданные «всезнающими» политиками планы и поворачивают русло времени в

---

<sup>235</sup> М. Осоргин, *Выбор невесты*, [http://az.lib.ru/o/osorgin\\_m\\_a/text\\_0160.shtml](http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0160.shtml) (12.04.2012).

<sup>236</sup> Там же.

<sup>237</sup> Г. Лобанова, «Маленький человек» в вихре истории..., указ. соч., с. 203.

<sup>238</sup> М. Осоргин, *Письма о незначительном...*, указ. соч., с. 343.

неожиданном направлении<sup>239</sup>. Один из самых ярких примеров иронии истории писатель приводит в *Сивцевом Вражке*, описывая обстоятельства начала Первой мировой войны: «Высшие сферы Берлина знали все, кроме того, что знал маленький сербский гимназист. Гимназист же знал очень мало, почти ничего»<sup>240</sup>. Приведенный фрагмент романа показывает, что исторический процесс в большей части развивается вне контроля каких-либо правительств, а один выстрел может на него повлиять в большей степени чем политика великих держав.

Дополнительно значение властвующих элит в большой степени девальвирует факт, что правителями становятся случайные или не подходящие для этого люди. Не осознавая сущности своей позиции, они одной своей игноранцией могут принести много вреда. Одним из таких исторических деятелей является в глазах Осоргина Николай II. В *Книге о концах* он выступает в качестве «человека небольшого роста и дурной наследственности, слишком неразвитого, чтобы понять безумие роли, которую ему приходилось играть»<sup>241</sup>. Сам способ описания «невысокого человека» свидетельствует об отсутствии у Осоргина особого уважения к политическим элитам. Следует заметить, что касается это всех людей власти, вне зависимости от политических идей, ими воплощаемых. Михаил Осоргин, уменьшая значение царя, не видит также особых достоинств и у Ленина. Автор *Книги о концах* пишет с иронией о вожде революции, что «ему предстоит сделать самый фантастический прыжок – из царства необходимости в царство свободы с грузом многомиллионного народа на плечах. Разбег для такого прыжка сделан до него другими [...]»<sup>242</sup>. В этом фрагменте Осоргин не только насмехается над идеологией большевиков, но и

---

<sup>239</sup> А. Ранчин, *Проза Михаила Осоргина*, <http://www.litra.ru/critique/get/crid/00195501286819839132/page/2/> (05.01.2012).

<sup>240</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 7.

<sup>241</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 230.

<sup>242</sup> Там же, с. 332.



обращает внимание на важную закономерность истории. Не бывает грандиозных событий, являющихся плодом деятельности одного человека – историческое время формируется миллионами безымянных «маленьких» деятелей, чьи имена в учебниках и научных работах не упоминаются.

На важную особенность в восприятии Осоргиным исторических деятелей обращает внимание Андрей Ранчин. Литературовед замечает, что согласно убеждениям автора *Сивцева Вражка*, ничтожно малая роль исторических личностей не снимает с них моральной ответственности за все, что совершилось при их участии<sup>243</sup>. Это позиция Осоргина в очередной раз указывает на толстовскую традицию в его творчестве. В качестве примера стоит упомянуть осуждение Львом Толстым Наполеона в *Войне и мире*.

Ответственность исторических личностей в творчестве Михаила Осоргина касается, прежде всего, их причастия к войнам и революциям, нарушающим естественный ритм жизни. Как верно замечает Наталья Нестерова, Осоргин в публицистической брошюре *Про нынешнюю войну и про вечный мир* прямо указывает на все правительства, как на виновников «кровавой распри»<sup>244</sup>, а XX век с этой точки зрения стал особо трагичным, так как на исторической сцене наметилось засилье вождей, навязывающих людям свое понимание всеобщего счастья. «Вымерли чудаки, люди малых дел, утрированные филантропы, их сменили вожди, люди грандиозных заданий, командиры вооруженных спасателей человечества»<sup>245</sup>.

Не только правители, но даже сама власть, несет, по словам Осоргина, угрозу для нравов человека. Стремление управлять другими в истории человечества всегда приво-

<sup>243</sup> А. Ранчин, *Проза Михаила Осоргина...*, указ. соч.

<sup>244</sup> Н. Нестерова, *Общественно-политические взгляды...*, указ. соч., с. 97.

<sup>245</sup> М. Осоргин, *Утрированный филантроп* [в:] «Последние новости» 1936, № 5754, – Цит. по: О. Авдеева, А. Серков, *Воспитание души...*, указ. соч., с. 14.

дило к войнам и кровопролитию. Извращение людей властью, а даже одним лишь стремлением к ней, является одним из главных мотивов *Бесов* Федора Достоевского. Не случайно Елена Мужайлова анализируя творчество Михаила Осоргина, вспоминает, что уже автор *Преступления и наказания* предупреждал, что жажда власти и наживы приводит к страшным последствиям – к революции, а затем к гражданской войне<sup>246</sup>.

Для того, чтоб вспыхнула война, не требуются чрезмерные усилия правителей. Как замечает Осоргин в *Книге о концах*, чтоб начать Первую мировую войну, «требовалась подпись самого тупого из грамотных России»<sup>247</sup>. Столь резкие слова в адрес Николая II свидетельствуют о том, что Осоргин категорически осуждал безответственность не только его, но и других правителей. Все они, по убеждению писателя, наделяли себя правом одним решением начать процесс истребления миллионов людей, не имея при том рычагов, способных остановить кровопролитие.

На протяжении всей истории человечества главными жертвами деятельности политических элит становились простые, «маленькие» люди. В ходе исторического процесса правители, согласно Осоргину, находились в оппозиции по отношению к народу. Нина Барковская справедливо отмечает, что излагая свою философию истории, Осоргин утверждает, что жизнь простых людей прекрасна. Мешают ей лишь политики, «плетущие грязные сети тайной политики»<sup>248</sup>. На протяжении всей истории они использовали доверчивость народа, убеждая его, что власть дана Богом, и что люди должны ей поклоняться. Такого рода последовательная политика принесла осо-

---

<sup>246</sup> Е. Мужайлова, *Ф.М. Достоевский и М. А. Осоргин...*, указ. соч., с. 136.

<sup>247</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 314.

<sup>248</sup> Н. Барковская, *С верой в Россию. М. Осоргин (1878–1942)* [в:] ее же, *Литература русского зарубежья (Первая волна)*, Екатеринбург 2001, с. 54.

бенно ощутимые результаты на родине Осоргина. Писатель отмечает во *Временах*, что «Россия [...] привыкнув к царям, ищет новое имя – и шепотком называется имя Ленина»<sup>249</sup>. Из этого вытекает, что, по мнению Михаила Осоргина, русские люди настолько поработены веками самодержавия, что стали полностью зависимы от угнетающей их власти. Именно этот факт во многом объясняет успех политики силы, проводимой большевиками. Другим залогом их успеха стало специфическое использование слова «свобода». Ленин, однако, не был первым вождем, скрывшим под предлогом борьбы с поработением стремление усилить контроль над наивным обществом. На этот факт указывает Осоргин, замечая, что такова природа каждой единоличной власти. «Какой диктатор не использовал этого краденого слова? Какие гражданские цепи не выкованы из понятия «свободы»? Мы были последним поколением чистых и цельных иллюзий, могиками наивных верований. И это наша вина: нужно было внимательнее вглядываться в глубь истории»<sup>250</sup>. В этом месте писатель обращает также внимание на другое трагическое явление – народ не способен учиться ни на своих ошибках, ни на ошибках предков. В результате, на протяжении веков периодически позволяет сковывать себя «гражданскими цепями».

Миллионы, из-за своей наивности, становятся также инструментом и жертвой политики правителей. Как пишет Михаил Осоргин в *Книге о концах*: «никогда ни один так называемый народ (миллионы) воевать не хотел; за него хотят самозванные представители»<sup>251</sup>. В концепции автора *Сивцева Вражка* люди сами по себе преимущественно миролюбивы, и лишь власти пробуждают в них жестокость. К тому, как утверждал Осоргин, правители не только загребают жар чужими руками, но еще и приписывают

---

<sup>249</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 692.

<sup>250</sup> Там же, с. 89.

<sup>251</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 314.

себе заслуги миллионов погибших по их вине в ходе войн и революций. Впрочем, по мнению Осоргина, одной из главных особенностей «великих» людей является факт, что они приписывают себе всевозможные заслуги. «Свершается то, что свершается, и кто-то приписывает это себе и придумывает событиям названия»<sup>252</sup>.

Простые, «маленькие» люди должны понять, что нельзя рассчитывать на великих исторических деятелей. Михаил Осоргин в своих произведениях показывает, что человек начинает понимать истинный смысл своего существования в момент, когда сам для себя разоблачает ложные политические идеологии и замечает настоящие намерения власти. Об эволюции персонажей в произведениях писателя говорит в своей работе Галина Лобанова: «Герои М. Осоргина приходят к пониманию, что великие личности не в состоянии изменить ход истории, жизнь движется по своим законам»<sup>253</sup>.

Как уже было сказано, Михаил Осоргин в своей концепции времени обращает внимание на роль простых людей в формировании истории, которые однако не являются лишь пассивными составляющими временного потока. Каждый человек, несмотря на неизменность законов природы, может повлиять на ход истории. Как отмечает Галина Лобанова, Осоргин был твердо убежден, что развитие общества и истории определяется нравственным выбором каждого человека<sup>254</sup>. Особо важными с этой точки зрения являются периоды войн и революций, когда поведение людей ярче всего вступает в взаимодействие с историей, одновременно отражая ее и формируя. Именно потому действие таких романов Осоргина, как *Сивцев Вражек*, *Свидетель истории* и *Книга о концах*, происходит в переломные моменты истории. Повышенная дина-

---

<sup>252</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 700.

<sup>253</sup> Г. Лобанова, *«Маленький человек» в вихре истории...*, указ. соч., с. 130.

<sup>254</sup> Там же, с. 84.

мика исторических процессов, а также обостряющиеся условия жизни показывают с полной силой столкновение невозмутимой гармонии природного, космического времени с временем социально-историческим. Человек в такие минуты, будучи частью и первого и второго, оказывается в условиях, заставляющих выявить его свое истинное лицо. «Помещение» Осоргиным героев в сложные исторические моменты отмечают практически все исследователи его творчества, утверждая, что автор через человеческие судьбы рисует события революции и войны и ставит проблему судьбы человека на переломе истории<sup>255</sup>.

Следует отметить, что Михаил Осоргин стремится не только показать истинную природу человека, но и рассматривает судьбы людей в качестве «ключа» для понимания исторических событий. В этом контексте он неоднократно упрекает историков, стремящихся выявить закономерности процесса развития человечества, точно определить временные границы отдельных его отрезков и вместе с тем забывают об основном «веществе» истории, которым является человек. Эту позицию Осоргина отметила также Галина Лобанова, замечая в своей работе, что для Михаила Осоргина в его концепции истории важно увидеть человека<sup>256</sup>.

Историки, согласно Осоргину, не в состоянии передать полностью сущность истории также по другой простой причине: они чаще всего не являются участниками описываемых событий. Здесь мы переходим к очередной роли, которой наделял автор *Сивцева Вражка* простого человека. Кроме «объекта» истории и ее активного участника, люди являются также очевидцами, свидетелями своего времени. Этому вопросу Осоргин посвятил много места в своем творчестве, о чем свидетельствует заглавие одного из его романов – *Свидетель истории*. Писатель утверждал, что только очевидцы могут полностью пере-

---

<sup>255</sup> Там же, с. 54-55.

<sup>256</sup> Там же, с. 55.

дать смысл наблюдаемых и переживаемых событий. «[...] Надо знать, как сами современники оценивали события, и потому истории пишутся людьми, не всегда беспристрастными, и оценки с расстояния спорнее и условнее оценок вблизи»<sup>257</sup>. Свидетелем истории является, безусловно, главная героиня *Сивцева Вражка*, через сердце которой, по словам Эльвиры Дергачевой, проходят токи времени<sup>258</sup>.

Неотъемлемым элементом осоргинской концепции времени и истории является уверенность, что человек может не только наблюдать и формировать происходящее, но и постичь законы бытия, находя свое место в непрекращающемся круговороте жизни. Это убеждение автор ярче всего выражает в *Вольном каменщике*, являющимся, по словам писателя, попыткой изобразить, как «простой человек может правильно ощутить и принять идею строительства Соломонова храма»<sup>259</sup>.

Согласно верному наблюдению Сарры Фрадкиной, для Михаила Осоргина, как и для Льва Толстого, важной закономерностью стало убеждение, что «простая, естественная жизнь не прерывается в момент исторических потрясений»<sup>260</sup>. Человек, находя свое место в потоке времени, вступает, согласно Осоргину, на путь непрерывного развития и стремления к Истине. «Простая» жизнь людей протекает в большой степени параллельно с историческим временем, подвергается его воздействию, но никогда полностью ему не подчиняется. Михаил Осоргин, стремясь показать автономность естественной жизни по отношению к историко-социальной среде, проводит аналогии между людьми и животными. Ведь в мире природы тоже случаются потрясения и катастрофы, но они не вносят радикальных изменений в общие законы и в неизменный

<sup>257</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 278.

<sup>258</sup> Э. Дергачева, *Дом и история в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»...*, указ. соч., с. 60.

<sup>259</sup> М. Осоргин, *Вольный каменщик...*, указ. соч., с. 211.

<sup>260</sup> с. Фрадкина, *На перекрестке традиций...*, указ. соч., с. 17.

«ритм» жизни. Это сравнение вызвало протест Максима Горького, но, как справедливо отметила Татьяна Марченко, Осоргин не снижает человека, а описывая происходящее в мире насекомых, дает символическое отражение человеческих катастроф<sup>261</sup>. К тому аналогии касаются общих законов природы и ни в коем случае не относятся к отдельным представителям человеческого и муравьиного родов.

О разногласиях между Горьким и Осоргиным в вопросе места и роли человека по отношению истории пишет шире Владимир Агеносов. Исследователь напоминает, что Горький, прочитав *Сивцев Вражек*, выразил опасение, что уменьшение и унижение человека ведет к впечатлению, что на фоне драм «космических» наши человеческие как будто теряют свое значение<sup>262</sup>. На самом деле концепция Осоргина намного сложнее, а оценка Горького кажется в какой-то мере поверхностной. Автор *Матери* проводит анализ творчества Осоргина с точки зрения собственных убеждений. Как справедливо отметил Владимир Агеносов, для Максима Горького человек – альфа и омега всего происходящего, а для Михаила Осоргина люди, наравне с животными – часть единой Вселенной, история, в свою очередь – это «непознаваемый путь человечества к культуре»<sup>263</sup>. Для автора *Сивцева Вражка* не существует дифференцирующий аспект значения. Как «космические» события могут уменьшить вес жизни отдельного человека, если она представляет собой часть бесконечного количества одинаково важных составляющих временного потока? К тому человеческие драмы, согласно Осоргину, являются одновременно и частью, и отражением вселенского времени. Горького и Осоргина

<sup>261</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*:..., указ. соч., с. 25.

<sup>262</sup> В. Агеносов, *Вселенная, революция и культура в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» (М. Осоргин и М. Горький)* [в:] *Горьковские чтения 1993 г.: Материалы конференции «А.М. Горький и литературный процесс XX века»*, под ред. Г. Зайцевой, Нижний Новгород 1994, с. 149.

<sup>263</sup> Там же, с. 150.

отличает перспектива анализа места человека в истории и его цель. В связи с этим, в выдвигаемых писателями двух концепциях истории мало общих знаменателей и они не могут рассматриваться в их совокупности.

Более близким к осоргинскому восприятию места человека в истории является позиция Бориса Пастернака, представленная главным образом в романе *Доктор Живаго*. На этот факт обращает внимание Галина Лобанова, сравнивая произведение Пастернака с *Сивцевым Вражском* Осоргина<sup>264</sup>. Литературовед отмечает и общее место действия и тему. В обоих романах затронута проблема судьбы интеллигенции на фоне революции и стремление постичь законы бытия. Однако Галина Лобанова обращает также внимание на существенное различие в позициях писателей: «Б. Пастернак оценивает планетарные события взглядом героя, М. Осоргин находит место своих героев в планетарных событиях»<sup>265</sup>. Точки зрения писателей отличаются друга от друга прежде всего потому, что Пастернак опирает свою концепцию на христианских ценностях, ставящих в центре природы человека, а Осоргин, чьи религиозные взгляды весьма неоднозначны, рассматривает людей как равноправную (а не главную) составляющую временного потока. Впрочем на эту особенность обращает внимание также Галина Лобанова, отмечая, что «Пастернак уповает на Христа», а «Осоргин – стихийный пантеист»<sup>266</sup>.

Согласно вышесказанному, несмотря на бесконечный поток людей и поколений, Михаил Осоргин убежден, что у каждого человека есть свое место и своя роль в истории. Эта мысль прослеживается на страницах всех его произведений. Будучи любителем истории, писатель стремится смягчить несправедливость этой науки по отношению к

---

<sup>264</sup> См.: Г. Лобанова, «Маленький человек» в вихре истории..., указ. соч., с. 46.

<sup>265</sup> Там же.

<sup>266</sup> Г. Лобанова, «Маленький человек» в вихре истории..., указ. соч., с. 46.



простым людям, чаще всего незамечаемых историками. А ведь именно они, по словам Галины Лобановой, являются «веществом и плотью» истории<sup>267</sup>.

Как уже было сказано, это «вещество» не является пассивным материалом. Люди, подчиняющиеся законам природы, с самого рождения живут в условиях вечной борьбы – за существование, за свои убеждения, за право стремиться к истине. Эту мысль выражает Олень, один из героев *Свидетеля истории*: «Не есть ли жизнь - вечная борьба двух начал, борьба поколений и веков? И конца этой борьбе не может быть»<sup>268</sup>. Это положение в осоргинской концепции является исходным и лишь пройдя долгий и нелегкий путь человек может обрести внутренний покой и достичь «космической» гармонии. По мнению Осоргина каждый может прийти к пониманию масштабов вселенского потока времени, в борьбе с которым мы изначально обречены на поражение. Все мы в глазах писателя так же, как героиня *Книги о концах*, лишь «затерявшиеся щепки» в потоке песков, волн и людей<sup>269</sup>. В такой ситуации человеку остается лишь найти свое место в течении времени, сливаясь с ним и формируя его. Противостояние естественному круговороту жизни становится в этом контексте лишенным смысла и шансов на успех. Подчеркивая хрупкость человеческой жизни в столкновении с вечными силами природы, Михаил Осоргин очередной раз обращается к миру животных. В *Книге о концах* писатель сравнивает людей с букашками, которые гибнут, смываемые прибоем<sup>270</sup>. Здесь снова следует отметить, что данный образ в замысле Осоргина не унижает человека, а лишь показывает, что на общий ход природного времени человеческие трагедии не влияют. «Тот, кто мог смотреть с

---

<sup>267</sup> Г. Лобанова, *Эволюция нравственного сознания «маленького человека»...*, указ. соч., с. 14.

<sup>268</sup> М. Осоргин, *Свидетель истории...*, указ. соч., с. 114.

<sup>269</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 201.

<sup>270</sup> Там же, с. 292.

горы, не считал букашек и не знал, столько ли их теперь, сколько было раньше»<sup>271</sup>.

Интересным явлением в концепции времени у Михаила Осоргина является периодически пробивающийся оптимизм, казалось бы не совсем уместный для «букашки» или «затерявшейся щепки». Относится он прежде всего к пониманию смерти, которая в контексте преемственности жизненной энергии теряет свою «темную» эмоциональную окраску. «[...] Я не вижу ни концов, ни начал, и в вихре нагромождающихся гибелей и кажущихся рождений я, к несказанной радости духа, в награду за его пытливость, – не вижу смерти: ее нет!»<sup>272</sup> Такое восприятие смерти интегрально вписывается в осоргинский взгляд на роль человека во времени. Если каждый человек отражает в себе весь временной поток, а люди и время составляют с Природой единое целое, тогда в рамках всеобщего потока жизни действительно не существует смерти. Только способен ли человек рассматривая свою жизнь подняться до уровня «космического» восприятия? Это невероятно сложная задача, о чем свидетельствуют не только судьбы героев Михаила Осоргина, но и судьба самого писателя.

В концепции жизненного потока важное место занимает закономерность, отмеченная многими литературоведами, а в том числе Ириной Боровской. Исследователь пишет, что истолкование мироздания Осоргиным опирается на «концепции круговорота Природы, цепи рождений – жизнью – смертей, [...] в которой нет ничего мертвого, в чем в самый момент смерти не зарождалась бы новая жизнь»<sup>273</sup>. Таковую точку зрения подтверждает текст романа *Вольный каменищик*. Один из персонажей произведения, наблюдая растущую на могиле зелёную ветку, называет ее

---

<sup>271</sup> Там же, с. 292.

<sup>272</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 622.

<sup>273</sup> И. Боровская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 48.

«символом преемственности жизненной энергии, которую и сама смерть уничтожить не может»<sup>274</sup>. Этот фрагмент очередной раз показывает идейные параллели между взглядами Михаила Андреевича Осоргина и Льва Николаевича Толстого. Речь идет прежде всего о дубе из *Войны и мира*, позволившему Андрею Болконскому осмыслить истинное назначение жизни. Он так же, как главный герой *Вольного каменщика*, приходит к пониманию, что «должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая»<sup>275</sup>.

Отрицая смерть, Михаил Осоргин имеет ввиду именно неугасающую энергию и Природу рассматриваемую как единое целое. В ней никто и ничто не исчезает бесследно, жизнь не умирает, а лишь перевоплощается. Вечное возрождение является в убеждении Осоргина источником сопутствующего временному потоку развития. К такому выводу приходит также Ирина Боровская в заключении своей работы, посвященной натурфилософской концепции писателя. «Мироздание Осоргиным воспринимается как великий круговорот Природы: цепь рождений – жизней – смертей: всеобщее, неостановимое, притом гармоничное развитие сочетается в мире с вечным и конечным, бессмертным и тленным»<sup>276</sup>. Комментируя высказывание исследователя следует еще раз заметить, что «конечность» и «тленность» это в понимании Михаила Осоргина категории относительные, а не абсолютные.

Автор *Сивцева Вражка* старается смотреть на время и жизненный поток с «космических» позиций, которые упраздняют понятие и явление смерти. Однако в его произведениях появляется также другая перспектива, относящаяся к жизни отдельного человека. Если рассматривать его жизнь вне всеобщего временного потока, оказы-

<sup>274</sup> М. Осоргин, *Вольный каменщик...*, указ. соч., с. 213.

<sup>275</sup> Л. Толстой, *Война и мир* [в:] его же, *Собрание сочинений в 22 томах*, том 5, Москва 1980, с. 158.

<sup>276</sup> И. Боровская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 141.

вается, что люди – хрупкие существа, лишь «мелькающие» в круговороте жизни. Об этом прямо заявляет сам Осоргин, утверждая, что мудр тот, кто «изучает прошлое и работает для будущего, зная, что его собственный удел – мелькнуть и исчезнуть навсегда»<sup>277</sup>. Может показаться, что несмотря на то, что осоргинская концепция предусматривает перевоплощение человека, он, по словам самого же писателя, исчезает навсегда. На самом деле речь идет лишь о точке зрения – все мы умираем, но, согласно Осоргину, только если рассматривать нашу жизнь с эгоистичной, а значит ограниченной и узкой перспективы. Писатель тем временем призывает подняться на более высокий уровень перцепции, которая позволяет прийти к преодолению трагизма смерти посредством осознания человеком, что его жизнь не является единственным центром всего происходящего. «Мудр только тот, кто не считает себя и свое – центром вселенной. Кто изучает прошлое и работает для будущего»<sup>278</sup>. На эту мысль Михаила Осоргина обращает внимание Галина Лобанова, отмечая, что заслуживает она глубокого уважения<sup>279</sup>.

Воплощением идеи выхода за пределы восприятия времени и мира только в масштабах своей собственной жизни является персонаж старого профессора из *Сивцева Вражка*. Как верно отмечает Оксана Курбатова, опытный ученый понимает, что может не дожить до весны, но для него по-прежнему важно, что ласточки непременно прилетят<sup>280</sup>. Птицы здесь очередной раз играют роль символа вечного круговорота Природы. Они символизируют преемственность в мире людей. Со смертью профессора цепь поколений не прервется, его дело продолжит только что вступившая во взрослую жизнь внучка. Жизненная энер-

---

<sup>277</sup> М. Осоргин, *Великое и малое* [в:] «Восход» 1933, № 6, с. 69.

<sup>278</sup> Там же, с. 69.

<sup>279</sup> Г. Лобанова, «Маленький человек» в вихре истории..., указ. соч., с. 33.

<sup>280</sup> О. Курбатова, *Обзор творчества М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 21.

гия уже нашла новое воплощение, и это позволяет старому профессору с оптимизмом смотреть в будущее. На концепцию «цепи поколений», представленную в творчестве Осоргина, обратил внимание Анатолий Афанасьев в одной из первых советских работ об авторе *Сивцева Вражка*. Исследователь пишет об эстафете поколений, которую принимает из рук стареющего орнитолога Таня<sup>281</sup>. Таким образом главная героиня *Сивцева Вражка* и ее дедушка становятся своего рода звеньями, образующими упомянутую «цепь поколений». Жизненная преемственность не реализуется только на примере отдельных людей. Она, согласно Осоргину, не знает пространственных границ и может касаться людей, никогда не знавших друг друга. В *Книге о концах* писатель сопоставляет неожиданную, случайную смерть революционера и беременность главной героини, констатируя, что «на смену ушедшему в вечность человеку ожидался новый»<sup>282</sup>. В результате все человечество формирует единый и непрерывающийся поток жизни, в рамках которого бурлит неостановимый процесс вечного перевоплощения.

Характерной закономерностью в творчестве Михаила Осоргина является факт, что главную роль в формировании «эстафеты поколений» писатель приписывает женщине. Героини у автора *Сивцева Вражка* чаще всего оказываются более стойкими чем мужчины по отношению к жизненным и историческим катаклизмам. Кроме того, женщины, в какой-то степени интуитивно, быстрее приходят к пониманию истинно важных ценностей. Осоргинский подход к роли женщины не является обособленным. Весь XIX век мужские персонажи в русской литературе искали смысл жизни, боролись за высокие идеалы, часто оказывались неспособными не только противостоять вой-

---

<sup>281</sup> А. Афанасьев, *Михаил Осоргин: судьба и время* [в:] М. Осоргин, *Времена: Автобиографическое повествование. Романы*, Москва, 1989, с. 10.

<sup>282</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 306.

нам и революциям, но и построить семейную жизнь или найти свое место в обществе. Эта проблема намного реже касалась женщин, которые при всех своих проблемах умели более трезво отнестись к действительности и выдерживать жизненные испытания. В своем поведении они неоднократно проявляли больше решительности и мужества, чем окружающие их мужские персонажи. Эта закономерность видна также на примере творчества современных Михаилу Осоргину писателей. Так же, как в *Сивцевом Вражке*, противостоят революции и Елена из *Белой гвардии* Михаила Булгакова, и Наталья в *Золотом узор* Бориса Зайцева. Проявляют настоящее мужество Дарья и Екатерина из написанного уже под несколько иным идейным ракурсом *Хождения по мукам* Алексея Толстого.

Именно сила, которую способна проявить женщина, в критические моменты, наиболее интересовали. Михаила Андреевича Осоргина. В центре внимания писателя находились прежде всего женские персонажи, способные сохранить в критические моменты истории свои нравы и моральные принципы. Как замечает Татьяна Марченко, «женщине двадцатых годов, эмансипированной особе [...] Осоргин противопоставлял свой чистый, незамутненный, не поступающийся твердыми нравственными принципами женский характер»<sup>283</sup>. Писатель неоднократно строит весь сюжет вокруг образа женщины, отражающей в себе и историческое, и природное время. Примером может стать персонаж Танюши из *Сивцева Вражка*, которую Татьяна Марченко называет «стержневым образом» романа<sup>284</sup>. Силу и стойкость проявляют также второстепенные героини, как например перевозящая на себе взрывчатку Фаня из *Свидетеля истории*.

---

<sup>283</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 64.

<sup>284</sup> Т. Марченко, *Осоргин Михаил Андреевич [в:] Писатели русского зарубежья (1918–1940)*, под ред. А. Николюкина, часть 2, Москва 1994, с. 166.

Осоргинские женщины и в семейной, и в социальной жизни умеют противостоять трудностям. В связи с этим в произведениях Михаила Осоргина женские персонажи играют двойственную роль – с одной стороны они отражают эпоху и историческое время, а с другой стороны в них проявляется естественный ритм жизни. В обеих ролях женщины у Осоргина, чувствуя свою хрупкость, не перестают искать правду и бороться за свои идеалы. Вместе с тем также к ним относятся универсальные и лишенные снисходительности законы круговорота жизни.

В *Повести о сестре* Михаил Андреевич Осоргин рисует образ Кати, женщины, ставшей «зеркалом» эпохи рубежа XIX и XX веков. В ней отражаются основные тенденции социальной жизни того времени, но вместе с тем она в конечном итоге остается верна осоргинскому понятию женственности. Как замечает Татьяна Марченко, она в состоянии сделать самостоятельный жизненный выбор и не становится типичной представительницей социального типа женщины «рубежа веков»<sup>285</sup>. Вместе с тем она представляет собой тип женщины «промежуточной эпохи», хорошо известный из *Трех сестер* Антона Чехова. Сергей Савельев пишет о Кати, что она лишь предчувствие будущего, лишь отказ от прошлого, но не утверждение настоящего»<sup>286</sup>. На универсальность образа героини обращает внимание Ольга Авдеева, объясняя, что Михаилу Осоргину удалось не только воплотить в ней «дух» эпохи, но и показать что такой тип женщины «был и будет во все времена»<sup>287</sup>.

Женские персонажи Михаила Осоргина, которым пришлось жить в революционный период, не только более активно относятся к настоящему, но и смелее смотрят в неопределенное будущее. Это прежде всего Танюша из

<sup>285</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 61.

<sup>286</sup> С. Савельев, *Мих. Осоргин. «Происшествия зеленого мира»* [в:] «Современные записки» 1939, № 68, с. 473.

<sup>287</sup> О. Авдеева, *Лучшие на свете книги написаны большими сердцами...*, указ. соч., с. 26.

*Сивцева Вражка* и Наташа, героиня *Свидетеля истории* и *Книги о концах*.

Оба персонажа в конечном итоге умеют найти истинные ценности человеческой жизни, столкнувшиеся с историческими потрясениями начинают понимать, что лишь законы природы универсальны и непоколебимы. Наташе Калымовой для этого требуется пройти путь революционерки и террористки. Ее история во многом отражает биографию самого Осоргина, в молодости активного социалиста. Как пишет Анастасия Жлюдина, автор *Свидетеля истории*, описывая пережитые лично этапы революционного пути исследует вопрос о роли человека в истории<sup>288</sup>.

Прототип Наташи Калымовой, революционерка Наталья Климова, воодушевила ранее также Льва Николаевича Толстого. Как пишет Василий Яновский, автор *Войны и мира* прочитав ее письмо из тюрьмы написал не только статью *Не могу молчать*, но и во многом базируя на судьбе Климовой создал *Рассказ о семи повешенных*<sup>289</sup>. Впрочем, и тема толстовской статьи, и сам Лев Николаевич появляются на страницах *Свидетеля истории*<sup>290</sup>.

Второй героиней, чья судьба отражает революционные изменения в России, является Танюша из *Сивцева Вражка*. Она не вела политической деятельности, но, несмотря на это, в глазах Осоргина в какой-то степени отражает истинный дух России, свободный от идеологий и террора власти. Анатолий Афанасьев пишет, что Таня, воплотившая в себе лик всей России, принимает эстафету поколений русской интеллигенции<sup>291</sup>.

---

<sup>288</sup> А. Жлюдина, *Путь Наташи Калымовой в романе М. А. Осоргина «Свидетель истории»* [в:] *Вестник ТГПУ*, выпуск 8 (98), 2010, с. 110.

<sup>289</sup> В. Яновский, *М. Осоргин. «Свидетель истории»* [в:] «Числа» 1933, № 7-8, с. 265.

<sup>290</sup> См.: М. Осоргин, *Свидетель истории...*, указ. соч., с. 117-118.

<sup>291</sup> А. Афанасьев, *Михаил Осоргин: судьба и время...*, указ. соч., с. 10.



Неудивительно, что у исконно русского писателя, которым, безусловно, следует считать Михаила Осоргина, Россию олицетворяет женщина. Во многом это обуславливается устоявшимся образом родины в качестве матери, снисходительной и сострадающей. Это убеждение, как замечает Елена Мужайлова, является общим для Михаила Осоргина и Федора Достоевского. Как замечает исследователь, оба писателя сходятся во мнении, что Россия, как держава, страна, может «мыслиться только в женском роде»<sup>292</sup>. Литературовед обращает также внимание на общие черты Сони из *Преступления и наказания* Федора Достоевского и Танюши из романа *Сивцев Вражек*<sup>293</sup>. Учитывая довольно большую разницу между персонажами, следует согласиться, что для обоих писателей русская женщина должна сыграть определяющую роль в возрождении страны. Во многом это обуславливается тем, что женщины обладают неким незнакомым мужчине неосознанным природным чувством, указывающим им правильный жизненный путь. Неслучайно один из главных героев *Сивцева Вражка*, философ Астафьев говорит о двадцатилетней Танюше: «[...] она знает. Гораздо больше знает, чем он, так много в жизни видевший, любивший, знавший»<sup>294</sup>.

Это неопределенное чувство, согласно концепции Михаила Осоргина, в очередной раз доказывает, что женщина в частности и люди в целом, это природные существа, в природе которых заложены естественные законы природы. Они помогают человеку выжить и продлить «цепь поколений», с точки зрения которой роль женщины – потенциальной матери является неоспоримой.

Исходя из убеждения Михаила Осоргина, что человек прежде всего живет согласно природному времени, сле-

---

<sup>292</sup> Е. Мужайлова, *Ф.М. Достоевский и М. А. Осоргин...*, указ. соч., с. 104.

<sup>293</sup> См.: Там же, с. 103-104.

<sup>294</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 178.

дует отметить, что социальная оболочка становится для индивида вторичной, часто противоестественной. Это видно на примере заключенной Наташи, взявшей на себя роль террористки. «Она не выдумывает ощущений, а списывает их с портрета сидящей за тюремным столиком революционной героини, весь облик которой ей очень нравится и ее чарует»<sup>295</sup>. На примере этого фрагмента видно, что героиня даже за решеткой не перестает быть женщиной, подсознательно понимающей, что положение в котором она находится противоречит ее натуре. Таким образом в героине сказываются противоречия двух временных потоков, в которых ей приходится одновременно существовать.

С целью обрести гармонию, человеку в концепции Осоргина следует понять, что историческое, социальное время не детерминирует полностью его существования. Женщины чувствуют это гораздо лучше, чем мужчины, чего примером может стать персонаж Наташи. Как замечает Анастасия Жлюдина, «осознание себя независимым от истории природным существом знаменует начало «перерождения» героини»<sup>296</sup>. Женщина все больше ощущает себя частью круговорота жизни, а отвлеченные идеи, за которым Наташа когда-то хотела полностью посвятить себя уже не кажутся ей столь привлекательными. Героиня приходит к пониманию значения главной в осоргинском мировоззрении ценности — человеческой жизни. В связи с этим она начинает отрицать идеи, борьба за которые порождает лишь смерть и страдание. Последним этапом эволюции героини от социально-исторического до природного, естественного ритма жизни стал возвращение Наташи к семейной жизни. Как пишет Галина Лобанова: «[...] героиня оставляет борьбу ради любви, семьи, детей.

---

<sup>295</sup> М. Осоргин, *Свидетель истории...*, указ. соч., с. 127.

<sup>296</sup> А. Жлюдина, *Путь Наташи Калымовой ...*, указ. соч., с. 112.

Жизнь торжествует над романтическими идеями»<sup>297</sup>. Это очередной раз доказывает, что социально-исторический ход времени в конечном итоге всегда оказывается второстепенным по отношению к космическому ритму природы.

Не случайно также в творчестве Михаила Андреевича Осоргина в большой степени именно женщины олицетворяют собой утверждение, что в цикличном потоке времени нет конечной цели. На этот факт обращают внимание исследователи творчества писателя. Нина Барковская, замечает, что для Танюши цель жизни в самом процессе жизни<sup>298</sup>. Галина Лобанова, в свою очередь справедливо отмечает, что для Наташи объяснением существующего порядка вещей стала теория вечный перевоплощений<sup>299</sup>.

Создавая персонажи своих героинь, Михаил Осоргин не наделял их какими-то сверхъестественными способностями. Как уже упоминалось, писатель стремился показать, что даже самые обыкновенные люди способны почувствовать вечные законы природы, так как они в них естественным образом заложены. И касается это в равной степени и необразованной служанки Анюты, взявшей на воспитание чужих детей, и бывшей революционерки Наташи, и дочери московского профессора – Татьяны. На самом деле, в убеждении автора *Сивцева Вражка* каждый человек способен достичь гармонии с природным ритмом времени.

Как уже было сказано, Михаил Осоргин осознает, что для этого требуется подъем на «космический» уровень восприятия времени и мира. Однако эта задача непростая, а во многих случаях практически недостижимая. Ольга Авдеева приводит фрагмент переписки Горького и Осоргина, в которой последний заявляет, что «человек –

---

<sup>297</sup> Г. Лобанова, *«Маленький человек» в вихре истории...*, указ. соч., с. 97.

<sup>298</sup> Н. Барковская, *С верой в Россию...*, указ. соч., с. 54.

<sup>299</sup> Г. Лобанова, *«Маленький человек» в вихре истории...*, указ. соч., с. 108.

это то центр мира, то ничтожная песчинка»<sup>300</sup>. Следует здесь отметить, что писатель давал себе отчет в том что большинство людей останется «песчинками», для которых собственная жизнь является центром мира. Это ведь естественная позиция, присущая всем существам, борющимся за свое биологическое существование. Согласно убеждениям Михаила Осоргина, только людям дана возможность выйти за рамки эгоистичного восприятия мира, что является эссенцией человечности. Однако эта задача требует времени и больших усилий.

Людям тяжело смириться с фактом своей смертности, так как у человека на фоне вечности нет ничего кроме короткого отрезка времени, называемого жизнью. Как писал Марк Аврелий, «Не все ли равно, если твоя жизнь будет продолжаться триста или даже три тысячи лет? Ведь живешь только в настоящем мгновении и, кто бы ты ни был, утрачиваешь только настоящий миг»<sup>301</sup>. Недаром в *Сивцевом Вражке* Осоргин приводит мысль римского философа. Она верно показывает, что если взять во внимание точку зрения отдельного человека, то для него время ограничивается только его собственной жизнью. На этот аспект мировоззрения Осоргина обращает внимание Татьяна Фоминых, цитируя фрагмент *Сивцева Вражка*, в котором говорится, что человек живет и теряет только свою жизнь, причем не может утратить ни прошлого, ни будущего, поскольку их никогда не имел<sup>302</sup>. В итоге человек создает свой автономный мир, который однако заканчивается в момент его смерти. И хотя такого рода вселенная лишь отдаленно напоминает вечный мир Природы, соблазн и стремление быть центром для большинства людей слишком велик, чтоб безропотно слиться с вечным потоком времени. Михаил Осоргин к такой пози-

---

<sup>300</sup> О. Авдеева, *Лучшие на свете книги написаны большими сердцами...*, указ. соч., с. 24.

<sup>301</sup> М. Аврелий, *Высказывания и афоризмы*, Москва 2010, с. 8.

<sup>302</sup> Т. Фоминых, *Историко-культурный контекст...*, указ. соч., с. 56.

ции относится с пониманием, что видно по высказываниям главного героя *Вольного Каменщика*: «Идут люди по своим делам, и ведь подумать только, что у каждого своя жизнь, от других отличная, и каждый человек как бы центр вселенной! Вот и эта горбунья тоже чувствует себя центром, сущностью, а весь мир – только ее окружение. Очень забавно, а так»<sup>303</sup>. Человеку нелегко смириться с вечными законами времени и истории, и потому, как считает Осоргин, он занимается вышеупомянутым самообманом или активно не соглашается со своей незначительностью с «космической» точки зрения. Как пока-зывает Михаил Осоргин, даже исторические персонажи дорожа своей жизнью не всегда готовы умирать ради долго-вечной славы. «Черт с ней, с историей!» – восклицает Петр Столыпин при мысли, что его имя может войти в истории ценой разрыва «родного» тела в клочья<sup>304</sup>.

При открытом бунте человека, чья жизнь «мелькнула» во временном потоке несравнимо ярче миллионов других, не стоит удивляться простым людям, которые не видя утешения в идеях вечного перевоплощения не хотят мириться со своей участью. Они, как пишет Осоргин, «вздыхают и куда-то рвутся, хотя жизнь давно приколола их кнопочками к семье, к делу, к бесконечно катящейся по проторенной дороге жизненной тележке»<sup>305</sup>. В этом фрагменте видно также несогласие с вечной цикличностью, из которого возникает конфликт поколений и убеждение человека о возможности избегания участи его предков.

Михаил Осоргин много места в своем творчестве посвящает сопоставлению ритма человеческой жизни и течения вселенского времени. В *Книге о концах* писатель показывает, как кардинально отличаются они друг от друга. Люди мечутся, пытаясь реализовать часто ничего не значащие планы, и, в повседневной суете, не ду-

---

<sup>303</sup> М. Осоргин, *Вольный каменщик...*, указ. соч., с. 175.

<sup>304</sup> М. Осоргин, *Свидетель истории...*, указ. соч., с. 67.

<sup>305</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 658.

мают, что на ближайшем переходе через улицу их может задавить автомобиль<sup>306</sup>. Все это разворачивается на фоне невозмутимого хода вселенской истории: «Часы на башне ровным ритмом отсчитывают время, не ускоряя – не замедляя стрелок, не считаясь ни с ленью облака, ни с нервным усердием людей»<sup>307</sup>.

Важное место в мировоззрении Михаила Осоргина занимает утверждение о свободе человеческой личности. Касается она взаимоотношений человека с социально-историческим временем. В отличие от слияния с круговоротом Природы, по отношению к истории единица находится в оппозиции. В основе такого убеждения писателя лежит мнение, что всякие идеологии, государственные структуры и другие элементы, связанные с историей цивилизации, являются изначально чуждыми природе человека и ритму жизни. Как справедливо замечает Наталья Лапаева, Михаил Осоргин всем идеологиям, религиям, учениям противопоставляет «примат свободной человеческой личности»<sup>308</sup>. Историческое время, порожденное человеческой цивилизацией, противоречит вечным законам развития Природы, которые в конечном итоге все равно берут верх. В связи с этим Осоргин считает, что человек, будучи прежде всего частью природного мира несет в себе силу, способную преодолеть исторические катастрофы.

Убеждение о наличии у каждого человека весомого потенциала, позволяющего надеяться на возможность преодоления последствий исторических потрясений, было общим для многих писателей русского зарубежья. В послереволюционные годы это касалось прежде всего гражданской войны, приведшей к разделению русского мира. На этот факт обращает внимание Людмила Бронская, за-

---

<sup>306</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 313.

<sup>307</sup> Там же.

<sup>308</sup> Н. Лапаева, *«Письма о незначительном» М. Осоргина...*, указ. соч., с. 10.

мечая, что о внутренней силе человека писали также Иван Шмелев и Борис Зайцев<sup>309</sup>. Следует однако заметить, что в их понимании потенциал человека опирался в основном на приверженности религиозным ценностям, что их существенно отличало от верящего в силы Природы Михаила Осоргина.

Своего рода эмансипацию личности вызвали трагические события XX столетия. Как пишет Галина Лобанова, Михаил Осоргин придерживался мнения, что человек перестал быть пассивным объектом истории, социальным существом, определяемым целиком обществом<sup>310</sup>. Оставаясь в тесной связи с окружающим миром многие герои произведений Осоргина более или менее сознательно борются за свои права, проявляя своего рода инстинкт самосохранения. Исторические потрясения пробуждают в человеке естественное стремление выжить, что особенно видно на примере персонажей женского пола – Танюши и Наташи. Активно влияя на окружающую реальность человек, по словам героев *Сивцева Вражка* может принимать лишь две позиции: созидающую или разрушающую. На этот факт обращает внимание Галина Лобанова, замечая, что деструктивная деятельность в конечном итоге заводит человека в тупик<sup>311</sup>. Михаил Осоргин неоднократно отмечает, что даже незамечаемый многими труд простых людей крайне важен с точки исторического процесса. Это несомненно очередной раз роднит писателя с убеждениями Льва Толстого.

В концепции Осоргина человек может, кроме разрушения и созидания, также наблюдать. Ярким примером такой позиции является персонаж Якова Кампинского – «свидетеля истории». Анастасия Жлюдина ставит его в

---

<sup>309</sup> Л. Бронская, *Русская идея в автобиографической прозе русского зарубежья: И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин*, Ставрополь 2000, с. 94.

<sup>310</sup> Г. Лобанова, *«Маленький человек» в вихре истории...*, указ. соч., с. 62.

<sup>311</sup> Там же, с.77.

какой-то степени в оппозиции по отношению к активной Наташе Калымовой, называя героя пассивным деятелем истории<sup>312</sup>. Следует здесь заметить, что несмотря на свою «пассивность», он не перестает оставаться «деятелем». Создавая хронику своего времени, отец Яков играет важную роль в процессе постижения человечеством законов истории.

Именно движение к постижению истины является для Михаила Осоргина главной целью человеческой жизни. На примере героев своих произведений писатель доказывает, что несмотря на одно направление, каждый может выбрать свой собственный путь. Никто не может существовать независимо от исторических и социальных процессов, как уже было сказано, можно в них принимать более или менее активное участие. Осоргин показывает также, что человек в состоянии стремиться к истине максимально дистанцируясь от истории. Об этом в своей статье пишет Анастасия Жлюдина, указывая, что по убеждению Михаила Осоргина дистанцированный профессор из *Сивцева Вражка* стремится к той же правде, на пути к которой находятся активная Наташа и созерцающий отец Яков из *Книги о концах*<sup>313</sup>. Несомненно в эту же группу следует причислить углубляющегося в тайны масонства главного героя *Вольного каменщика*.

Михаил Осоргин, подчеркивая общность людей с природой и вселенским потоком времени, выделяет однако определенные факторы, позволяющие выделить человека на фоне бесконечного потока жизни. Являются ими осознание своего существования и попытка понять роль и место человека во времени. Даже если в конечном итоге постижение смысла существования оказывается невозможным, то лишь человек во всем мире природы предпринимает попытки приблизиться к истине. Согласно Осоргину, человек, не переставая быть частью потока

---

<sup>312</sup> А. Жлюдина, *Путь Наташи Калымовой ...*, указ. соч., с. 110.

<sup>313</sup> Там же, с. 113.



времени, может стать его активным участником. Это главным образом касается исторического хода времени, являющегося в концепции Михаила Осоргина вторичным по отношению к ритму природы. Об этом анализируя персонаж Наташи, пишет Анастасия Жлюдина. Исследователь утверждает, что осознание себя независимым от истории природным существом знаменует начало «перерождения» героини<sup>314</sup>. Бывшая террористка начинает чувствовать себя частью природы, понимает, что на самом деле жизнь всех людей проходит по тем же вечным законам, вне зависимости от сословия или политических убеждений.

История в жизни человека занимает важную роль и в большой степени формирует его судьбу. Но вместе с тем не следует забывать, что в масштабах временного потока человеческая жизнь и исторический процесс несопоставимы. Отрезок времени, выделенный единице становится в глазах Осоргина главной ценностью, которую не следует разменивать во имя отвлеченных исторических концепций. Посвящение являющейся абсолютной ценностью жизни для реализации любой политической идеи автор *Сивцева Вражка* считает напрасным и бесполезным. Исторические процессы, более долговечны, чем человеческая жизнь, но в отличие от нее не являются частью круговорота жизни, отражающей в себе вечные законы природы. В связи с этим Михаил Осоргин обращает внимание, что человек должен прежде всего дорожить данным ему временем и не позволить, чтоб его жизнь подчинилась идеям счастья «будущих поколений». «Не все ли равно, что происходит сегодня и предстоит завтра, если дальше еще бесконечный ряд будущих дней недоступен нашему сознанию; где-нибудь нужно поставить межевой столб духовного своего имения»<sup>315</sup>, — заявляет писатель во *Временах*.

---

<sup>314</sup> Там же, с. 112.

<sup>315</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 686.

Не выбегая слишком далеко в будущее, не следует также жить прошлым. Михаил Осоргин постоянно утверждает, что самое главное то, что актуально с точки зрения жизни человека. Таковыми, кроме вещей, касающихся непосредственно единицы, являются, несомненно, вечные законы природы. Попытка найти истину исходя лишь из прошлого обречена, по убеждению Осоргина, на неудачу. Как пишет писатель: «Человек повертывается спиной к будущему, лицом к прошлому, но не видит ни того, ни другого: образы проходят перед спящими глазами, и эти образы закутаны однообразными покрывалами, их толпа бесконечна и непрерывна. Мало-помалу все превращается в аккорд, в стройность, рожденную из хаоса, но никакая оценка невозможна»<sup>316</sup>. Опираясь на приведенном фрагменте *Времен* следует отметить, что в концепции времени Осоргина человек в состоянии «почувствовать» лишь настоящее, но даже это не дает ответов на все вопросы. Здесь хотелось бы еще раз напомнить приведенную уже в данной работе мысль Марка Аврелия о том, что человек не теряет ни прошлого, ни будущего, а лишь ту жизнь, которую живет. Недаром это высказывание столь громко звучит в *Сивцевом Вражке*<sup>317</sup>.

Особенно жестко о невозможности постичь истину заявляет Осоргин в *Вольном каменщике*. Как пишет Ирина Боровская, писатель прямолинейно и однозначно заявляет о необходимости любить жизнь для смерти, ценить свой храм недостроенным и видеть блаженство в небытии и смиренном возрождении<sup>318</sup>.

Положение человека, которому с одной стороны дано почувствовать себя частью вечного, а с другой обреченного на то, чтоб лишь «мелькнуть» в потоке времени кажется весьма неутешительным. Даже сам Осоргин

---

<sup>316</sup> Там же, с. 689.

<sup>317</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 233.

<sup>318</sup> И. Боровская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 74.

не всегда умел подняться до уровня мышления в космических масштабах и с возрастом стал сильнее ощущать трагизм человека, которому все тяжелее найти утешение отождествляя себя с вечным круговоротом жизни. Особенно пессимизм писателя можно ощутить в *Письмах о незначительном*: «Невеселым рисуется мне будущее, да и не для нас оно; смотрю на него со стороны, не как живущая единица, а только как «свидетель истории»»<sup>319</sup>.

Изображая человека на фоне хода времени Осоргин часто употребляет темные краски. С одной стороны люди формируют историю, могут активно влиять на события и ход своей жизни. Однако с другой стороны они сталкиваются с историческими стихиями, которые ломают их судьбы и заставляют бороться за существование на фоне войн и революций. Несмотря на факт, что человек, согласно убеждениям Осоргина, должен прежде всего подчиняться законам природы, он не может совершенно отмежеваться от исторической и социальной действительности, в которой ему приходится жить.

Столкновение человека с историей является одной из главных тем творчества Михаила Андреевича Осоргина. Об этом свидетельствует кроме всего автобиографизм его произведений. Как замечает в своей статье Асен Златар, «автобиографический текст в противоположность мемуарам в узком смысле отличается [...] активным отношением к тому, что происходит вокруг. Автобиография сфокусирована на своем герое, описание развивается под давлением сил, а мемуары, напротив, имеют центробежный характер»<sup>320</sup>. Схожее мнение высказывает исследователь Фриц Айнхольц, чьи слова приводит в своей работе Елена Погодина. Для немецкого литературоведа автобиография это в большой степени передача человеческой жизни на

<sup>319</sup> М. Осоргин, *Письма и статьи...*, указ. соч. с. 322.

<sup>320</sup> А. Златар, *Автобиография глазами исследователей средневековья* [в:] *Автоинтерпретация: сборник статей*, под ред.: А. Б. Муратова, Л. А. Иезуитовой, Санкт-Петербург 1998, с. 40.

фоне исторических событий<sup>321</sup>. Как уже было сказано, автобиографизм присутствует в большинстве произведений Осоргина. Исходя из утверждений исследователей, это свидетельствует о том, что стремление представить влияние истории на личность было одним из приоритетов для автора *Сивцева Вражка*.

Время действия в главных произведениях эмиграционного периода творчества Осоргина охватывает исторические потрясения, в ходе которых особенно заметной становится хрупкость человека по отношению к истории. Для характеристики роли временного потока в творчестве Осоргина можно в какой-то степени использовать описанную Ириной Роднянской ситуацию, когда героем может стать само время, «подчиняющее себе судьбы героев как частные моменты в лавине событий»<sup>322</sup>. Следует однако уточнить, что осоргинское время властвует над жизнью героев, но никогда не выходит на первый план, оставляя за собой роль фона. Вместе с этим человек ему полностью подчинен, так как человеческая жизнь является лишь частью жизни мировой. Как справедливо замечает Ирина Боровская, Осоргин постоянно подчеркивал, что человек отнюдь не венец творения<sup>323</sup>.

Человеческая жизнь в произведениях Михаила Осоргина тесно переплетается с историческим временем. Об этом пишет в своей работе Елена Погодина, проводя анализ творчества писателя с лингвистической точки зрения. Исследователь приходит к выводу, что для Осоргина «жизнь» становится тождественна понятию «мое

---

<sup>321</sup> Е. Погодина, *Специфика речевого функционирования...*, указ. соч., с. 9.

<sup>322</sup> См.: И. Роднянская, *Художественное время и пространство* [в:] *Литературный энциклопедический словарь*, под ред. П. Николаева, Москва 1987, с. 487-489.

<sup>323</sup> И. Боровская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 143.

время»<sup>324</sup>. Вместе с тем тесная взаимосвязь человека и истории подчеркивается также объединением «большого» и «индивидуального» времени. Особенно это явление заметно в автобиографическом повествовании *Времени*, когда автор проводит параллели между точными датами из личной жизни героев и историческими событиями<sup>325</sup>.

Человек, если пытается стать в оппозиции по отношению к времени мгновенно обрекает себя на поражение. Как замечает Елена Погодина, в произведениях Михаила Осоргина энергия и сила времени сохраняется и подчеркивается в противовес ничтожности и непрочности человеческих знаний и памяти<sup>326</sup>. В такой ситуации, согласно мировоззрению автора *Вольного каменичка* человеку остается лишь смириться с временным потоком и не терять сил на напрасную борьбу. Как замечает Ирина Боравская, Осоргин стремится показать, что избавившись от лишней суеты, с каждым днем мы будем ближе к мудрости<sup>327</sup>.

Как уже было сказано, главной ценностью для Михаила Осоргина всегда был человек и потому писатель в своих произведениях относиться с сочувствием к героям своих произведений, страдающим в результате исторических событий. Как справедливо замечает Наталья Лапаева, Осоргин защищает жизнь и свободу человека, оказавшегося в железных тисках «большой» истории и «больших» идей<sup>328</sup>. Именно XX век, со своими войнами и революциями с особой силой вторгается в частную жизнь людей, что особенно видно в *Сивцевом Вражке*. Как верно пишет Галина Лобанова, «бурный ход истории поневоле превращает «маленьких людей» из свидетелей в участников дра-

---

<sup>324</sup> Е. Погодина, *Специфика речевого функционирования...*, указ. соч., с. 53.

<sup>325</sup> См.: Там же, с. 62.

<sup>326</sup> Там же, с. 72.

<sup>327</sup> И. Боравская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 54.

<sup>328</sup> Н. Лапаева, *«Письма о незначительном» М. Осоргина...*, указ. соч., с. 12.

матических событий. [...] [Они] не могут противостоять натиску «железного века» и гибнут»<sup>329</sup>. Человек становится не в состоянии остановить историю, безжалостно разрушающую его личную семейную жизнь.

Эту тему затронул также Михаил Булгаков, чья *Белая гвардия* имеет много общего с самым известным романом Осоргина. В обоих произведениях появляются персонажи, способные не теряя нравственных принципов существовать в условиях исторических потрясений. И булгаковский Николка Турбин, и осоргинская Танюша выдерживая тяжелейшие испытания доказывают, что даже в самых экстремальных условиях можно сохранить свою человечность. Шире на эту тему пишет Светлана Иванова<sup>330</sup>. *Белую гвардию* и *Сивцев Вражек* соединяет также тема столкновения дома и истории.

Образ дома часто появляется в творчестве Михаила Осоргина и играет в нем определенную роль. Для писателя это прежде всего место, в котором протекает семейная жизнь, а значит он является естественной «средой обитания» человека. В доме ход времени остается в гармонии с природой и, образуя круговорот жизни, идет естественным образом. Семейная жизнь протекает согласно цикличности – главному закону осоргинского мира. Не случайно *Сивцев Вражек* открывается и завершается образом Дома. На этот признак цикличности в романе Михаила Осоргина обращает внимание также Эльвира Дергачева<sup>331</sup>.

---

<sup>329</sup> Г. Лобанова, *«Маленький человек» в вихре истории...*, указ. соч., с. 140.

<sup>330</sup> См.: С. Иванова, *Роль хронотопа в раскрытии идейно-художественного содержания романов М. А. Осоргина «Сивцев Вражек» и М. А. Булгакова «Белая гвардия»* [в:] *Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции... Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции*, Пермь 2009, с. 48.

<sup>331</sup> Э. Дергачева, *Дом и история в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»...*, указ. соч., с. 59.

Представление Дома в качестве безопасного культурного пространства является частым мотивом в русской литературе. Эту закономерность отмечает Юрий Лотман, указывая, что данная традиция восходит к творчеству Александра Сергеевича Пушкина, Николая Васильевича Гоголя и Федора Михайловича Достоевского<sup>332</sup>. Анализируя образ Дома в *Мастере и Маргарите* Михаила Булгакова, литературовед отмечает «интимность его культурной духовности»<sup>333</sup>. Такими же свойствами обладает особняк на Сивцевом Вражке.

Дом у Михаила Осоргина сохраняет целостность цепи поколений, является очагом духовных ценностей, которые сберегает на протяжении времени. В нем, наконец, можно найти убежище от исторической стихии. Как пишет Галина Лобанова, дом и семья в глазах автора *Сивцева Вражка* воплощают «устоявшиеся формы жизни с прекрасными гуманистическими традициями, стабильность, гармонию человеческих отношений»<sup>334</sup>. Похожее отношение к дому проявилось также в творчестве других русских писателей. Кроме упомянутой *Белой гвардии* Михаила Булгакова, можно в качестве примера привести также *Войну и мир* Льва Толстого. Тема столкновения дома и истории появляется в *Хождении по мукам* Алексея Толстого, *Золотом узоре* Бориса Зайцева и трилогии Марка Алданова (*Ключ*, *Бегство*, *Пещера*). Наконец, дом в качестве очага традиции и семейных ценностей, уничтожаемого гражданской войной, появляется в *Тихом Доне* Михаила Шолохова.

---

<sup>332</sup> См.: Ю. Лотман, *Дом в «Мастере и Маргарите»* [в:] его же, *О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993)*, Санкт-Петербург 1997, с. 748.

<sup>333</sup> Там же, с. 753.

<sup>334</sup> Г. Лобанова, *Эволюция нравственного сознания «маленького человека»...*, указ. соч., с. 13.

Как замечает Г. Лобанова, семейная жизнь для Михаила Осоргина включена в поток жизни вселенной<sup>335</sup>. В связи с этим, следует беречь ее от деструктивного влияния исторических потрясений, нарушающих гармонию природы.

Для самого писателя семейная жизнь была очень важна и, будучи бездетным, Михаил Осоргин сильно переживал, что на нем оборвется цепь поколений и семейной памяти: «Есть мой детский портрет [...], никто никогда не повесит его над постелью и не будет думать: - Я сын, или я – дочь этого мальчика в теплой курточке. Никто никогда, потому что некому...»<sup>336</sup>.

Как уже было упомянуто, Михаил Осоргин затрагивает не столько тему самого дома, сколько противостояния и взаимопроникания времени семейного, «домашнего» и исторического. Эту закономерность отмечают многие исследователи творчества автора *Сивцева Вражка*. Андрей Ранчин пишет, что Михаил Осоргин показывает, как в семейный мир входит история<sup>337</sup>. Шире эту тему описывает Нина Барковская, указывая, что через столкновение макрообразов Дома и Эпохи в *Сивцевом Вражке* «выявляется главный конфликт а романе – противостояние естественного, гуманного и бессмысленного социального»<sup>338</sup>. Сарра Фрадкина, в свою очередь отмечает сходство между уютом особняка на Сивцевом Вражке и домом Ростовых из *Войны и мира*. В обоих случаях, по словам литературоведа, мы имеем дело с «оазисом тепла», способным дать убежище в период исторических потрясений<sup>339</sup>.

Однако, самым близким по своему роли для человека к особняку на Сивцевом Вражке является, пожалуй, упо-

---

<sup>335</sup> Г. Лобанова, *«Маленький человек» в вихре истории...*, указ. соч., с. 204.

<sup>336</sup> М. Осоргин, *По поводу белой коробочки*, Париж 1947, с. 14-15.

<sup>337</sup> А. Ранчин, *Проза Михаила Осоргина...*, указ. соч.

<sup>338</sup> Н. Барковская, *С верой в Россию...*, указ. соч., с. 53.

<sup>339</sup> с. Фрадкина, *На перекрестке традиций...*, указ. соч., с. 18.



мянутый булгаковский дом Турбиных. Оба противостоят внешнему, жестокому миру, и оба позволяют «переждать» самые критические моменты революции. У Михаила Булгакова историческое время в пределы дома не пускают кремовые шторы, за которыми «жарко, уютно»<sup>340</sup>. Они создают впечатление, что война где-то далеко, позволяют героям на какое-то время погрузиться в забвении и мире иллюзий. «[...] В квартире [...] тепло и уютно, в особенности замечательны кремовые шторы на всех окнах, благодаря чему чувствуешь себя оторванным от внешнего мира...»<sup>341</sup>. В *Сивцевом Вражке* дом также отделяет героев от истории, но вместе с тем события в большей степени проникают в семейную жизнь персонажей. На эту закономерность обращает внимание Эльвира Дергачева. «Двери особняка на Сивцевом Вражке приоткрыты навстречу течению жизни, и он оказывается менее защищенным от ее жестокой силы, чем Дом в романе Булгакова, и в нем быстрее наступают драматические перемены»<sup>342</sup>. С этим высказыванием исследователя мы согласимся лишь частично. Действительно, исторические перемены быстрее проникают в особняк на Сивцевом Вражке, но это скорее становится залогом его большей устойчивости по отношению к революционной стихии. Обитатели осоргинского дома, а в особенности Танюша, быстрее приспосабливаются к новым реалиям и своим примером показывают, что естественная природная жизнь, которой человек является частью, способна переносить даже самые тяжелые испытания. В результате, у Осоргина семейная жизнь в большей степени чем у Булгакова подвергается воздействию истории, а дом становится лишь временным убежищем, дающим возможность набрать сил для борьбы за свои права в суровой действительности внешнего мира.

<sup>340</sup> М. Булгаков, *Белая гвардия* [в:] его же, *Собачье сердце: Роман. Повести. Рассказы*, Москва 2005, с. 16.

<sup>341</sup> Там же, с. 213.

<sup>342</sup> Э. Дергачева, *Дом и история в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»*..., указ. соч., с. 63.

Как уже было сказано, ритм времени Дома отличается от течения временного потока вне его стен. Этот дуализм отражает осоргинскую концепцию времени. Как верно замечает Светлана Иванова, «в Доме и Космосе протекает вечное, постоянное время, в Городе – настоящее, историческое»<sup>343</sup>. Человек, будучи частью обоих хроносов, обречен на постоянное преодоление противоречий природы и истории. Следует отметить, что так же как Город формирует рамки и условия существования Дома, который в нем находится, так же социальная жизнь во многом влияет на естественный ход жизни человека. Такого рода взаимозависимость показывают, что, несмотря на возникающие противоречия, космический и исторический временные потоки переплетаются в жизни человека, формируя своего рода ритм человеческой жизни. Как уже было сказано, Михаил Осоргин утверждая, что человек – это, прежде всего, часть природы, подчеркивал факт невозможности полного отмежевания от социальной среды.

В условиях исторических потрясений человеку в частности и Дому в целом позволяет выжить приверженность истинным, вечным ценностями. На этот факт обращают внимание многие исследователи творчества Михаила Осоргина. Эльвира Дергачева пишет, что «при всей хрупкости, кажущейся беззащитности перед поступью Истории, [...] особняк на Сивцевом Вражке и его обитатели выстояли, сохранили веру в жизнь, дух гуманизма [...]»<sup>344</sup>. Это, впрочем, также является общей закономерностью для Михаила Андреевича Осоргина и Михаила Афанасьевича Булгакова. Как справедливо отмечает Светлана Иванова, ни в *Сивцевом Вражке*, ни в *Белой гвардии* историческому хронотопу не удастся разрушить вечное время в Доме»<sup>345</sup>.

---

<sup>343</sup> С. Иванова, *Роль хронотопа в раскрытии...*, указ. соч., с. 47.

<sup>344</sup> Э. Дергачева, *Дом и история в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»...*, указ. соч., с. 62.

<sup>345</sup> С. Иванова, *Роль хронотопа в раскрытии...*, указ. соч., с. 48.

Любовь к человеку не влияет на убеждение писателя о безнадежности попыток повлиять на ход и ритм времени. Утешением в такой ситуации могут стать воспоминания. Человеческая память, хоть и далека от совершенства, позволяет в некоей степени остановить время и позволить вернуть события, которые без нее давно исчезли бы в прошлом. Мотив памяти и воспоминаний постоянно присутствует в автобиографическом творчестве Осоргина, а особенно важную роль играет во *Временах*, являющихся по сути «путешествием» по миру человеческой памяти. Вспоминая прошлое человек может преодолеть законы времени, ускорять или замедлять его ход, а даже остановить временной поток. Все эти явления четко видны во *Временах*. О превосходстве памяти над временем писал также во *Встречах* Федор Степун, чьи убеждения во многом схожи с мировоззрением Михаила Осоргина. «Сущность памяти [...] в спасении образов жизни от власти времени. Не сбереженное памятью прошлое проходит во времени, — сбереженное обретает вечную жизнь. [...] Память никогда не спорит со временем, потому что она над ним властвует»<sup>346</sup>.

Кроме памяти, человек может сберечь от натиска истории свои нравы. Эту тему широко в своей работе затрагивает Галина Лобанова. Литературовед замечает, что «маленькие люди» у Осоргина не способны на «кровавую борьбу», они не в состоянии изменить мир, но могут остаться верны своей правде<sup>347</sup>. Согласно Михаилу Осоргину даже в самых экстремальных условиях у каждого остается выбор – руководствоваться нравственными принципами или же стать послушными исполнителями чужой воли.

---

<sup>346</sup> Ф. Степун, *Встречи. Достоевский – Л. Толстой. Бунин – Зайцев – В. Иванов. Белый – Леонов*, Мюнхен 1962, с. 97.

<sup>347</sup> Г. Лобанова, «Маленький человек» в *вихре истории...*, указ. соч., с.203.

Подытоживая вышесказанное, человек в концепции Михаила Андреевича Осоргина не в состоянии противостоять стихии времени, но ни один исторический катаклизм не может отобрать у него гордость. В этом контексте сложно согласиться с эмиграционным критиком Василием Яновским, утверждавшим, что Осоргин высмеивает и не уважает «все человеческие особи»<sup>348</sup>. К такому выводу автор статьи приходит на основании слов автора *Сивцева Вражка*, что человек это только маленький и случайный момент жизни мировой. Действительно, Михаил Осоргин не считал людей «царями» природы, но это не противоречит способности писателя глубоко сочувствовать и уважать даже самых «маленьких» представителей человеческого рода.

Трагизм человеческого существования касался по словам писателя всех людей, и Михаил Осоргин никогда не выделял ни свою судьбу, ни участь русского народа. В годы Второй мировой войны, высказываясь о происходящем во Франции, где писатель провел последние годы жизни, Осоргин замечает, что «мы все одинаковы под колесами истории!»<sup>349</sup>. Из этой цитаты кроме общности судьбы всех людей в очередной раз вытекает убеждение Осоргина об истории, как о разрушающей «машине».

В сложившейся ситуации лишь люди могут сочувствовать и поддерживать друг друга, о чем также неоднократно упоминается а произведениях Осоргина. Согласно мировоззрению писателя, люди остаются наедине в столкновении с историей, так как природе, которой частью они являются, судьба отдельного человека или даже всего человечества совершенно безразлична. Круговорот жизни вращается в непоколебимом вечном ритме, о чем уже упоминалось в данной работе. Особенно ярко бесстрастие природного времени заметно в *Книге о концах*, в

---

<sup>348</sup> В. Яновский, *Мих. Осоргин. «Происшествия Зеленого Мира»...*, указ. соч., с. 197.

<sup>349</sup> М. Осоргин, *В тихом местечке Франции*, Москва 2005, с. 55.

которой жизнь героев заканчивается естественным образом, в противоположность вечному и спокойному ходу времени. Законы природы понимает и служанка Анюта, заявляющая, что «болезнь не разбирает, кто замечателен»<sup>350</sup> и отец Яков, отмечающий, что «человечки суетятся, а Ока бежит в прежних берегах»<sup>351</sup>.

Хрупкость человеческого существования и непостижимость истины в глазах Осоргина свидетельствовали не только о трагизма бытия. Мистическое общение с абсолютным, манящим надеждой дать ответы на вечные вопросы и одновременно способным с легкостью уничтожить человека, стало также для писателя источником красоты. Эту мысль писатель выразил в письме Алексею Бакунину: «Вся наша человеческая трагедия, вся красота и все величие этой трагедии в том, что мы вечно стоим над пропастью неразрешимого, у края, где бессильна наша логика и в муках бьется наше чувство»<sup>352</sup>.

Подытоживая тему человека и истории в творчестве Михаила Осоргина следует еще раз подчеркнуть, что в концепции писателя люди это, прежде всего, природные существа, чья жизнь подчиняется законам «круговорота жизни». История, со своими политическими концепциями и теориями социального развития это явление искусственное, противоречащее истинной природе человека. Во имя обманчивых абстрактных идей не следует посвящать вечные ценности, среди которых главной является человеческая жизнь.

Время, отведенное человеку, это, в глазах Михаила Осоргина, ценность, имеющая абсолютный характер. Это часть вечного потока времени, которая одновременно его отражает и формирует. В связи с этим ни одна политическая идея, чуждая миру природы, не стоит даже одной человеческой жизни. Судьбы отдельных людей были все-

---

<sup>350</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 336.

<sup>351</sup> Там же, с. 351.

<sup>352</sup> М. Осоргин, *Письма и статьи...*, указ. соч., с. 319.

гда для Осоргина важнее чем исторические события. Жизнь человека стала для автора *Сивцева Вражка* отражением истории, благодаря ей события обретали определенный смысл. Одновременно значение, которым наделяли историю правители в глазах писателя было ложным. Исторические деятели использовали простых людей для своих целей и обрекали их на смерть и страдание. В концепции Михаила Осоргина, так же, как и у Льва Толстого, ни один человек не способен управлять исторической стихией. Вместо этого безответственные политики своими необдуманными решениями вызывают лишь войны и революции.

Убежищем от исторических потрясений представляется в концепции Михаила Осоргина Дом. Семейная жизнь, являющаяся частью природного потока времени, даже в самые тяжелые периоды войн и революций не угасает. Благодаря Дому человек может сберечь истинные ценности и попытаться приспособиться к радикальным изменениям в социальной среде.

Стены Дома, создавая «духовное» убежище, спасают далеко не всех. Михаил Осоргин показал, как исторические катаклизмы ломают судьбы героев, часто уничтожая их физически. Несмотря на это, человек всегда может сохранить свою гордость, так как «природное» существо не может быть поработлено историческим временем. Естественно, чтоб так не случилось, необходимо осознать себя частью вечного круговорота жизни, подняться выше эгоистичных и социальных интересов и заметить истинные ценности бытия. Главное из них – это, по словам Осоргина, вечное стремление к недостижимой истине.

Путь к осмыслению истинных законов бытия Михаил Осоргин показывает главным образом на примере героинь романов *Сивцев Вражек*, *Свидетель истории* и *Книги о концах*. Это обусловлено убеждением писателя о близости женщины к естественным законам природы, к которым,

в отличие от мужчины, она чаще стремится неосознанно, интуитивно.

Вместе с тем путь к гармонии с окружающим миром доступен каждому и жизнь каждого, отдельного человека в глазах Осоргина одинаково ценна. Как справедливо отмечает Ольга Авдеева, «в пыли исторических источников он [Осоргин] искал следы конкретного, живого, страдающего человека»<sup>353</sup>. Человеческий фактор становится в миропонимании Михаила Андреевича Осоргина единственным элементом, оживляющим вещество истории и наделяющим его смыслом.

---

<sup>353</sup> О. Авдеева, *Ласточки непременно прилетят...*, указ. соч., с. 33.

## Глава IV. Судьба России на фоне истории в концепции времени Михаила Осоргина

Категория времени у Михаила Андреевича Осоргина всегда была связана с пространством. Писатель рассматривал ход времени с точки зрения природы, то есть в общемировом, а даже космическом масштабе. Хронотоп в творчестве автора *Сивцева Вражка* затрагивает вечное и вездесущее. Однако из этого не следует, что Осоргин был писателем-космополитом, чье творчество касается исключительно общемировых проблем. Как раз наоборот – из российских писателей-эмигрантов Михаил Осоргин был может быть самым «национальным».

Затрагивая универсальные вечные темы, Осоргин всегда относил их к вопросам, непосредственно касающимся России или русских людей. На эту закономерность обращали внимание многие исследователи. Уже в эмиграционной критике отмечалось, что историческое время в творчестве Осоргина рассматривается сквозь призму судьбы России. Георгий Адамович в статье, посвященной *Книге о концах*, отметил, что писатель проводит анализ истории с чисто русских позиций<sup>1</sup>. Также Борис Зайцев обращал внимание на национальный оттенок творчества автора *Сивцева Вражка*. Именно он, по словам Алексея

---

<sup>1</sup> Г. Адамович, *Россия, Русь, святость (о «Книге о концах» Осоргина)* [в:] «Последние новости» 9.05. 1935, Париж, с. 2.



Кара-Мурзы, дал Осоргину определение «фундаментально русского человека»<sup>2</sup>.

На тему судьбы России на фоне истории в произведениях Осоргина обратили также внимание литературоведы на родине писателя. Итак, Нина Барковская, в одной из первых работ, посвященных творчеству автора *Сивцева Вражка*, занялась именно осмыслением истории России в его творчестве, показывая что в миропонимании писателя судьба родной страны тесно связана с жизнью природы<sup>3</sup>.

Столь важное место «русской темы» в творчестве Михаила Осоргина во многом обосновывается его собственной жизнью. Писатель имел возможность почувствовать на себе трагедии, с которыми столкнулась Россия в первой половине XX столетия, начиная от голода и жестокости гражданской войны, вплоть до насилия нацистов (от которых Осоргину пришлось бежать в 1940 г. из Парижа). История России стала для писателя частью его собственной жизни. Этот факт, даже учитывая «космические» взгляды Михаила Осоргина, обеспечил судьбе родины писателя особое место в изображаемом им потоке времени. Об общности исторических событий и жизни автора *Сивцева Вражка* пишет Галина Лобанова. Литературовед справедливо отмечает, что все драматические события русской истории нашли отражение в его жизни и произведениях<sup>4</sup>.

Трагическим событием в жизни Осоргина стал вынужденный отъезд из России в 1922 г. Тогда, по инициативе Ленина, из России насильно была выдворена группа выдающихся интеллектуалов – в том числе Михаил Осоргин.

Но даже в эмиграции, как пишет Ирина Боравская, «Осоргин всегда был верен теме России, писал о пробле-

---

<sup>2</sup> А. Кара-Мурза, *Интеллектуальные портреты: Очерки о русских политических мыслителях XIX-XX вв.*, Москва 2006, с. 127.

<sup>3</sup> См.: Н. Барковская, *Возвращение к истокам...*, указ. соч., 72-77.

<sup>4</sup> Г. Лобанова, «Маленький человек» в вихре истории..., указ. соч., с. 201.

мах ее исторического пути, судьбе русской культуры, осмысливал особенности русского национального характера»<sup>5</sup>. На эту закономерность обратила также внимание Галина Лобанова, отмечая, что Михаил Осоргин писал всегда о России и для России, а в центре его внимания оставались проблемы исторического пути страны<sup>6</sup>. Следует в этом месте уточнить, что тема России для писателя это скорее не вопрос судьбы страны и ее политического строя, которые были для Осоргина второстепенны, сколько проблема будущего родного пространства, части мира природы. Кроме того, Россия – это в глазах писателя совокупность судеб населявших ее людей, на что обращает внимание в своей работе Татьяна Марченко<sup>7</sup>.

В связи с вышесказанным, для Михаила Осоргина считался, прежде всего, русский народ, а точнее жители России, что связано с неоднозначным подходом писателя к вопросу русской нации. Для писателя страна – это лишь искусственные рамки, в которых протекает жизнь ее обитателей. Политическая структура, олицетворяющая историческое время, в очередной раз пересекается с природным существованием людей. Жизнь общества, с ее социальными законами, также была в глазах писателя искусственно созданным явлением, породившим такие понятия, как «класс», «интеллигенция» и даже «нация». Как пишет Наталья Нестерова, Михаил Осоргин не только не считал себя националистом, но даже предполагал, что русской нации вообще нет<sup>8</sup>. Это противоречило бы концепции писателя, согласно которой во временном потоке и в природе не может быть различий между живыми существами.

---

<sup>5</sup> И. Боравская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 5.

<sup>6</sup> Г. Лобанова, *Эволюция нравственного сознания «маленького человека»...*, указ. соч., с. 1.

<sup>7</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 161.

<sup>8</sup> Н. Нестерова, *Общественно-политические взгляды...*, указ. соч., с. 134.

Несмотря на это, в людях, населявших Россию, под воздействием исторического времени выработался ряд характерных черт, отличающих их от жителей других стран. Таким образом, не признавая существования наций как таковых, Михаил Осоргин признает как факт наличие национальных особенностей. Именно они формируют облик страны, о чем столь часто можно прочесть на страницах произведений писателя. В *Книге о концах* Осоргин прямо заявляет, что «в письмах солдатских, в деревенских ответах, – тут она вся Россия и есть»<sup>9</sup>. В этом фрагменте очередной раз заметно убеждение писателя, что именно простые, «маленькие» люди вносят наибольший вклад в формирование исторической судьбы страны. К тому же, как верно замечает Нина Барковская, все они, в представлении Михаила Осоргина, «одинаково русские»<sup>10</sup>.

Важным элементом концепции Осоргина является факт, что народ для писателя – это совокупность отдельных людей. Соответственно, ни в коем случае нельзя считать общество монолитной структурой. Такой подход не только искажает его образ, но и отрицательно влияет на его представителей, перестающих рассматривать себя в качестве независимых индивидуумов. Как заметила ранее Наталья Нестерова, Осоргин утверждал, что русский народ не единая раса, и его ни в коем случае нельзя судить огулом<sup>11</sup>.

В этом контексте автор *Сивцева Вражка* выступает сторонником индивидуализма, для которого «народ» и «общество» угнетают человека так же, как и государство. В результате, по убеждению Осоргина, они играют отрицательную роль в историческом процессе. К схожему выводу пришел в своей работе Михаил Геллер. Литературовед утверждает, что писатель был не только идейным вра-

---

<sup>9</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 319.

<sup>10</sup> Н. Барковская, *С верой в Россию...*, указ. соч., с. 57.

<sup>11</sup> Н. Нестерова, *Общественно-политические взгляды...*, указ. соч., с. 146.

гом государства, но и отвергал коллектив как организм, поглощающий личность<sup>12</sup>.

Народ в глазах Михаила Осоргина – это, прежде всего, безликая масса, которой легко управлять и руководить. Как уже упоминалось, на протяжении всей истории этим часто пользовались различного рода вожди. Без индивидуализма личности, общество становится пассивным объектом истории. Как писал Осоргин в *Книге о концах*, причиной этого в случае России является факт, что «[...] массы бродят в тумане неведения»<sup>13</sup>. Люди, оторванные от своей природной среды, поработанные цивилизацией, становятся зависимыми от власти и теряют из виду реальные ценности. В России столетия рабства в конечном итоге сформировали психологию народа, неспособного функционировать без «сильной руки». О том, что, по убеждению Осоргина, это во многом стало причиной катастрофы, постигшей в XX веке Россию, пишет в своей работе Наталья Нестерова<sup>14</sup>. Поработанный народ уже не в состоянии быть свободным. В результате, как замечает Осоргин, российское общество после свержения самодержавия, смирилось с большевистской диктатурой. «Россия [...] привыкнув к царям, ищет новое имя – и шепотком называется имя Ленина»<sup>15</sup>.

В *Книге о концах* Михаил Осоргин с отчаянием и даже некоторым пренебрежением выражается о народе и его неспособности активно формировать свою судьбу: «[...] нет никаких оснований преувеличивать в уважении к бессловесному и бездейственному стаду! Излишнее народо-

---

<sup>12</sup> М. Геллер, *Писатель и власть: Михаил Осоргин* [в:] *Михаил Осоргин: жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений*, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, О. Ласунского, Пермь 1994, с. 87.

<sup>13</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 279.

<sup>14</sup> Н. Нестерова, *Общественно-политические взгляды...*, указ. соч., с. 111.

<sup>15</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 692.

любие – жидкий чай с полкуском сахару»<sup>16</sup>. Согласно подобному убеждению, народ не может найти и определить универсальный путь развития, удовлетворяющий всех его представителей. В результате, внутренние противоречия приводят к ситуации, в которой неподвижная «социальная масса» не допускает развитие индивидуальности.

С другой стороны, как замечает Михаил Осоргин, люди, в своей совокупности, начинают проявлять самые низкие, животные инстинкты. В критические моменты истории они, вместо спасать себя, лишь заливают страну волной насилия. Писатель сравнивает заложенную в народе деструктивность со «зверем», который «на ходу может ломать деревья и крушить живое, не щадя и собственного существования, что объясняется естественным неразумием и многовековой темнотой и отчаянностью»<sup>17</sup>. Такое восприятие жестокой силы, дремлющей в русском народе, было широко распространено среди писателей первой волны эмиграции. Стоит здесь привести роман *Зверь из бездны* Евгения Чирикова, в котором автор, представляя насилие революции и гражданской войны, также упоминает раскручивающего спираль ненависти «зверя»<sup>18</sup>.

Путь к преодолению жестоких инстинктов «в народе» Михаил Осоргин видел в христианской религии. Писатель, крайне неоднозначно относившийся к православию, считал его способным удержать людей от братоубийства. О взглядах Осоргина на место религии в российском обществе пишет Наталья Нестерова. Исследователь замечает, что, хотя писатель и высказывался о христианской религии как самой бездарной, считал ее самой утешительной для русского народа<sup>19</sup>.

---

<sup>16</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 314.

<sup>17</sup> Там же, с. 279.

<sup>18</sup> См.: Е. Чириков, *Зверь из бездны*, Санкт-Петербург 2000.

<sup>19</sup> Н. Нестерова, *Общественно-политические взгляды...*, указ. соч., с. 168.

Кроме опасных инстинктов, проявляющихся по ходу воздействия исторического времени, Михаил Осоргин замечал также присутствие у простых людей естественных качеств, связывающих их с природой и ее естественным ритмом. Близость к естественной среде человека стала для Осоргина надеждой на сохранение человечеством истинных ценностей от социальных и исторических потрясений. Крестьянин всегда любил и будет любить землю, в чем, по словам Михаила Осоргина, проявляется его здоровый инстинкт. Писатель в *Свидетеле истории* прямо заявляет, что именно хуторок спасет Россию<sup>20</sup>. Залогом такого убеждения является, безусловно, аполитичность людей, живущих в тесной связи с природой. Они, вне зависимости от политического строя, во все времена жили, главным образом, согласно ритму природы, подчиняясь ее вечным законам. Именно природа «решает» о счастье народа, о чем Михаил Осоргин заявляет, желая России не хорошей власти и политических программ, а урожая хлебов и трав<sup>21</sup>. Справедливо позицию писателя подытоживает Нина Барковская, заявляя об уверенности Осоргина, что если будет жива земля, значит будет также жива душа народа, его нравственная основа<sup>22</sup>. В очередной раз мы можем убедиться, что природное время для Михаила Осоргина всегда является главным и решающим по отношению к историко-социальным событиям.

Как замечает Елена Мужайлова, русский народ по мнению Осоргина в меньшей степени, чем европейцы, потерял связь с духовностью и способность естественным, интуитивным образом воспринимать окружающий мир. Литературовед констатирует в своей работе, что постижение мирового устройства и души каждого человека

---

<sup>20</sup> М. Осоргин, *Свидетель истории...*, указ. соч., с. 68.

<sup>21</sup> М. Осоргин, *Вагон. Россия. Рассказы* [в:] «Литературная газета», 31.10.1990, с. 6.

<sup>22</sup> Н. Барковская, *Возвращение к истокам...*, указ. соч., с. 76.

при помощи интуиции – характерная способность именно русских людей. В этом контексте Михаил Осоргин противопоставляет их европейцам, познавательная деятельность которых основывается на постижении истины разумом<sup>23</sup>.

Следует отметить, что в концепции Осоргина «простой» человек, чувствующий и понимающий ритм природы, не обязательно должен жить в «глубинке». Большой город и интеллигентская среда не были для автора *Сивцева Вражка* препятствием на пути к истине. Разнообразие его героев, происходящих из разных слоев общества, является тому доказательством. Однако в очередной раз оказывается, что писатель в данном вопросе очередной раз противопоставляет «духовный» мир русской интеллигенции «профанному» мировоззрению западной Европы. Самым ярким примером такого положения вещей является личность Егора Тетехина, героя *Вольного каменщика*. На его примере Михаил Осоргин показывает, с каким большим непониманием в «цивилизованном» Париже сталкивается стремящийся к вечным ценностям русский эмигрант. Татьяна Марченко, анализируя текст *Вольного каменщика* приходит к выводу, что основной проблемой произведения является именно противопоставление мира русского интеллигента европейской цивилизации XX века, «технотронной и фальшивой»<sup>24</sup>. Этот вопрос, безусловно, занимает существенное место в проблематике повести, однако первенство следовало бы отдать теме самосовершенствования личности и проблеме поиска индивидуального пути к истине. Вместе с тем, Татьяна Марченко совершенно справедливо отмечает новаторство Осоргина, метко показавшего наступление на живую человеческую душу и культуру века техники, прогресса и «пресыщенного отупения»<sup>25</sup>.

---

<sup>23</sup> Е. Мужайлова, *Ф.М. Достоевский и М. А. Осоргин...*, указ. соч., с. 172.

<sup>24</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 79.

<sup>25</sup> Там же, с. 80.

Выделение Осоргиным качеств, присущих русскому человеку, не меняет убеждения писателя, что и для России, и для остального мира связь с природой – это условие обретения гармонии. Как замечает Ирина Боровская, «светлую перспективу писатель увидел в неразрывной связи всех и каждого жителя Земли с ее нетленной красотой»<sup>26</sup>.

Россия для Михаила Андреевича Осоргина – это часть общемирового, а даже «вселенского» пространства и ее судьба неразрывно связана с общими, «космическими» процессами. В связи с этим, для Осоргина будущее его родины было частью всеобщего потока времени. Об этой закономерности упоминает Ирина Боровская, указывая, что подлинное оздоровление России, по убеждению писателя, произойдет в результате общемировых процессов<sup>27</sup>.

Михаил Андреевич Осоргин последовательно отмечает, что ничего не может существовать вне вселенского потока времени. Его неизменные правила прослеживаются даже в охваченном историческими потрясениями городе. Однако не каждый способен их заметить и осмыслить. К глубокому пониманию правды приходит пианист Эдуард Львович, который, как пишет Юлия Ковалева, «[...] в хаосе революционной Москвы [...] обнаруживает ритмы космических закономерностей»<sup>28</sup>.

Согласно этим закономерностям Россия, так же, как и другие страны и населяющие их народы, должна строить свое будущее, не забывая о тесных связях с живой природой. Об этом пишет в своей работе Елена Мужайлова,

---

<sup>26</sup> И. Боровская, *Осмысление законов жизни в свете натурфилософской концепции М. Осоргина (на материале рассказов из цикла «Чудо на озере»)* [в:] *Вестник Волжского Университета им. В.Н. Татищева, серия «Филология»*, выпуск шестой, Тольятти 2006, с. 167.

<sup>27</sup> И. Боровская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 85.

<sup>28</sup> О. Ковалева, *Космос и хаос в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»...*, указ. соч., с. 395.



проводя аналогии между убеждениями Михаила Осоргина и мировоззрением Федора Достоевского. Оба писателя уверены, что счастье России будет достигнуто лишь в том случае, если страна вернется к своим истокам, к вере и любви к ближнему и дальнему, ко всему живому, к каждой божьей твари<sup>29</sup>.

Как уже упоминалось, Михаил Осоргин родиной считал, прежде всего, не государство, а близкую его сердцу русскую природу. В *Свидетеле истории* писатель прямо высказывает мысль, что Россия – это имя, описывающее «не народ, не государство, а необъятное пространство лесов, степей, гор, долин, озер и рек»<sup>30</sup>. Эмиграционная критика часто упрекала писателя, что он слишком идеализирует родные края. Василий Яновский писал, что для Михаила Осоргина «в России реки были чище, очертания берегов благороднее, сено сочнее, салат больше»<sup>31</sup>. Писатель действительно с любовью выражался о особенностях русской природы, но умел также увидеть красоту в других частях мира. Как замечает другой эмиграционный критик, Георгий Адамович, Михаил Осоргин описывает Италию таким образом, что создается впечатление, будто никакие фашизмы не исказят ее красоты, никакие войны или революции не изменят<sup>32</sup>. Автор *Сивцева Вражка*, впрочем как и многие другие писатели русского зарубежья (стоит здесь вспомнить влюбленного в Италию Бориса Зайцева), восхищался природным миром Средиземноморья. Это свидетельствует о том, что красота природы в творчестве Михаила Осоргина имеет универсальное значение.

Эта вечная красота перевоплощения, которую цивилизация уничтожить не может, существует во всем мире

---

<sup>29</sup> Е. Мужайлова, *Ф.М. Достоевский и М. А. Осоргин...*, указ. соч., с. 173.

<sup>30</sup> М. Осоргин, *Свидетель истории...*, указ. соч., с. 169.

<sup>31</sup> В. Яновский, *Мих. Осоргин. «Происшествия Зеленого Мира»...*, указ. соч., с. 198.

<sup>32</sup> Г. Адамович, *Мих. Осоргин. Там, где был счастлив. Рассказы* [в:] «Современные записки» 1929, № 38, Париж, с. 526.

независимо от названий государств, придуманных людьми. В результате, для Михаила Осоргина историческое время, уничтожающее целые страны, стирает с лица Земли лишь наименования, оставляя нерушимыми природные истоки жизни. Анализируя позицию Осоргина по отношению к истории России, Нина Барковская пишет, что для писателя такие страны не гибнут: гибнут названия, меняются властители, перечеркиваются географические карты<sup>33</sup>. Тем временем природа живет своим собственным ритмом, вне зависимости от исторических потрясений.

Как уже было сказано, в убеждении Осоргина цивилизация, в меру своего развития, все больше отдаляет человека от мира природы. То же самое касается истории стран и народов. Михаил Осоргин в своем творчестве ярко разделяет Русь-Россию, существующую по вечным законам круговорота жизни, и параллельно этому Российское государство, несущее угрозу отделению людей от их естественной среды. Особенно ярко писатель выражает свою позицию в этом аспекте в *Свидетеле истории*. Михаил Осоргин прямо разоблачает чуждые настоящей «природной» России символы ее «исторического двойника». «[...] Нева – словно бы не русская река, не сестра Волге, Каме, Белой, рекам ласковым и задумчивым»<sup>34</sup>. Писатель не забывает также о Санкт-Петербурге, «городе, слов нет, красивом, но холодном и неуютном, самое имя которого редкий мужик выговаривает правильно»<sup>35</sup>. На основании приведенного фрагмента четко видно, что Осоргин животворящей природе противопоставляет холод и неуют мира техники и цивилизации.

Вместе с тем, писатель был убежден, что в конечном итоге природа вернет себе то пространство, которое в данный момент кажется подчиненным технике

---

<sup>33</sup> Н. Барковская, *С верой в Россию...*, указ. соч., с. 50.

<sup>34</sup> М. Осоргин, *Свидетель истории...*, указ. соч., с. 57.

<sup>35</sup> Там же, с. 58

и цивилизации. В длинной временной перспективе вечные законы природы, по словам Михаила Осоргина, сотрут с лица Земли мнимые достижения самоуверенного человечества. В конечном итоге временной поток вернется в свое русло «[...] и вырастет лес среди камней Московского Кремля, где рос он и прежде»<sup>36</sup>.

Живая природа занимает в мировоззрении писателя настолько важное место, что даже Россия и ее история представляются в виде природного образования: «Она росла быстро и подземно, как толстый и прямой побег-спаржи, одним стволom; потом она сломилась и от корней дала букет корявых, но сильных кривуль [...]»<sup>37</sup>. Данный фрагмент показывает, что отражение универсальных законов природы можно заметить также в исторических процессах. Это очередной раз говорит об убеждении Осоргина, что они являются вторичными по отношению к природному времени.

В результате судьба России отражается в живучем растении, которое может ломаться войнами и революциями, но, даже срубленное под корень, пускает новые побеги. Крона такого растения может принимать разные формы, но суть, корни, остаются неизменными.

Как было сказано, универсальные законы времени в концепции Михаила Осоргина в одинаковой степени касаются всех стран мира. Судьбы каждой части вселенной взаимосвязаны и не могут рассматриваться вне зависимости от общего временного потока. Вместе с тем, когда речь идет о России, писатель приводит ряд характерных особенностей, выделяющих ее среди других стран. Описывая исторические события, Осоргин часто анализирует их с «русской» точки зрения.

Русская действительность, как считает автор *Сивцева Вражка*, во многом отличается от обстановки в других странах Европы. Родина Осоргина, по его мнению, в

---

<sup>36</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 617.

<sup>37</sup> Там же, с. 685.

меньшей степени подверглась вмешательству истории в естественный ход жизни. Благодаря своему масштабу и необъятности, русская природа в меньшей степени подчиняется «оковам» цивилизации. Как замечает Лидия Новикова, в творчестве Осоргина возникает местами антитеза «России-природы и Запада-машины»<sup>38</sup>. Западноевропейская действительность, оторванная часто от естественной природной среды, вызывала у Михаила Осоргина крайнее пренебрежение, о чем свидетельствуют слова писателя, приведенные в статье Лидии Новиковой. Характеризуя Россию, автор *Сивцева Вражка* замечает, что в ней «нет этого душка плесени и мертвечины скопившейся тухлой истории, которая повсюду шибает в нос в Европе»<sup>39</sup>. Иначе говоря, для Михаила Осоргина историческое прошлое не имеет значения, так как это всего лишь хроника развития противоестественной природе цивилизации. Она всегда была чужда писателю, даже в плане самого процесса ее развития, искусственно разделенного на века и эпохи. Мелочности исторического времени, преобладающего на Западе, Михаил Осоргин противопоставляет стихию природного потока времени, более ощутимого на просторах его родины. На эту закономерность обращает внимание Михаил Геллер, замечая, что писатель сравнивает «суетливую» Европу, считающую минуты за время, со «швыряющей часами и днями» Россией<sup>40</sup>. Подобного мнения придерживается Елена Погодина, показывающая, что, по мнению Осоргина, для привыкшей к большим пространствам и длительной истории страны даже годы не столь значимы<sup>41</sup>.

---

<sup>38</sup> Л. Новикова, *Художественный мир М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 29-30.

<sup>39</sup> Там же, с. 30.

<sup>40</sup> М. Геллер, *Писатель и власть: Михаил Осоргин...*, указ. соч., с. 89.

<sup>41</sup> Е. Погодина, *Специфика речевого функционирования...*, указ. соч., с. 59.

В творчестве Михаила Андреевича Осоргина неоднократно подчеркивается неопределенность будущего России и факт неоднозначности ее исторического наследия. В этом аспекте писатель расходится с мнением такого авторитетного писателя, как Федор Михайлович Достоевский. Учитывая все сходства во взглядах писателей, следует отметить, что, как справедливо заметила Елена Мужайлова, автор *Сивцева Вражка* упрекал великого русского классика в неправильном понимании истории<sup>42</sup>. Речь здесь, без сомнения, идет о привязанности Достоевского к идее державности и уверенности, что Россию может спасти приверженность православию. Во *Временах* Осоргин открыто отрицает концепцию истории, представленную автором *Бесов*. «Над искажением лика России немало поработали два замечательных русских классика – Гоголь и Достоевский, и не роди русская земля Льва Толстого, так бы и не видать ее подлинного лика»<sup>43</sup>. В этом фрагменте критике Осоргина подвергается также мировоззрение Николая Гоголя. Уважая талант автора *Мертвых душ*, Осоргин не мог согласиться с убеждениями этого выдающегося писателя, который слишком много места уделял проблемам устройства общества и государства, что, по убеждению Осоргина, предельно ограничивает становление личности. Автор *Сивцева Вражка* считал, что залогом спасения «маленького человека» является его внутренняя природная сила.

В отличие от многих русских писателей, Михаил Осоргин не предлагал системного, упорядоченного подхода к истории России. В рассказе *Про Бабушку* писатель дает ей следующую характеристику: «Ее и не напишешь попросту: она похожа на занимательную и нелепую сказку. Ни логики в ней нет, ни системы»<sup>44</sup>. В данном

---

<sup>42</sup> Е. Мужайлова, *Ф.М. Достоевский и М. А. Осоргин...*, указ. соч., с. 48.

<sup>43</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 682.

<sup>44</sup> М. Осоргин, *Мемуарная проза*, Пермь 2006, с. 150.

фрагменте Осоргин четко указывает на стихийность исторического процесса, неподвластного человеку и созданным им теориям.

Одновременно писатель дает четкую оценку обстановки, сложившейся на рубеже веков, и констатирует, что русское общество, так же, как и западноевропейское, оказалось в тупике. Прежде всего, касалось это обстановки в столице Российской Империи: «[...] в Петербурге говорят о философии, брачном полете пчел и однополой любви, которая и таинственнее и выше двуполой. В высоких сферах Петербурга вошли в силу не то филалеты, не то спириты, но поговаривают и о каком-то старце, который может всех их заткнуть за пояс»<sup>45</sup>. Осоргин не без иронии описывает абсурдность сложившейся ситуации, в которой, вместо истинных ценностей, в обществе появлялись все новые ложные идеи.

Не одобряя обстановки в России начала XX века, Михаил Осоргин не идеализирует также ее прошлого. Уже Георгий Адамович отмечал, что писатель представляет реальный взгляд на историю России, не сводя ее до «теремов и царя-батюшки»<sup>46</sup>. Осоргин воспринимает судьбу своей родины в контексте стихийного временного потока, в котором, так же, как и в природном времени, действуют неизменные законы. В результате то, что было, сливается с актуальным и плавно переливается в то, что только наступит. Подобной позиции придерживался Федор Степун, считавший, что «[...] настоящая Россия мыслима только как единство своего прошлого и своего будущего»<sup>47</sup>.

Следующей особенностью осоргинского взгляда на Россию является убеждение, что познать ее полностью невозможно. Ни историки, ни политики не в состоянии определить точных закономерностей развития страны, как

---

<sup>45</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 282.

<sup>46</sup> Г. Адамович, *Россия, Русь, святость...*, указ. соч., с. 2.

<sup>47</sup> Ф. Степун, *Встречи...*, указ. соч., с. 202.

они пытаются это делать в учебниках истории или в идеологических манифестах. Этот фактор неоднократно подчеркивается в произведениях Михаила Осоргина. В *Свидетеле истории* писатель спрашивает, кто знает Россию? И сразу дает ответ: «Никто ее не знает!»<sup>48</sup>. В том же романе отец Яков развивает мысль писателя, констатируя, что «хорошо знать ее невозможно, велика»<sup>49</sup>. Понять Россию, по мнению Осоргина, невозможно, так как ее государственные границы охватывают слишком много на первый взгляд несопоставимого, нелогичного и не подчиняющегося никаким схемам. Россия в глазах автора *Свидетеля истории* – это страна, «судьбы которой не вычислены никакими астрологами, пути которой никому неизвестны, [...] [страна] великого ребячества взрослых и старческой мудрости юношей»<sup>50</sup>.

Своеобразие России во многом отличает ее от других государств. В этом контексте нам следует вновь вернуться к осоргинской антитезе Россия – Запад и рассмотреть ее под несколько иным ракурсом. Кроме «духовной оболочки» Россия отличается от других европейских стран масштабом. В результате, в ней ярче, чем где-либо в другом государстве, заметна неспособность цивилизации подчинить себе природу: «Этот бескрайний край хотят осчастливить, обнести его точными границами, назвав его государством, посадив в нем правителей, дав ему парламент, оскорбив его сравнением с европейскими карликами!»<sup>51</sup>. В *Книге о концах* Михаил Осоргин описывает вечный и неудержимый поток времени, у которого есть свой ритм, противопоставленный мнимому порядку цивилизации: «Солнце спокойно обходит свои владения, в одном городе ночь, в другом утро, зябка на мысе Челюскина, знойно на Каспии [...]». Кучка многодумных давно

---

<sup>48</sup> М. Осоргин, *Свидетель истории...*, указ. соч., с. 58.

<sup>49</sup> Там же, с. 170.

<sup>50</sup> Там же, с. 74.

<sup>51</sup> Там же, с. 170.

сгнила, тело мамонта покоится в мерзлоте. Одной судьбы и одной истории нет: есть тьма судеб и тысяча историй»<sup>52</sup>. В этом фрагменте в очередной раз прослеживается приверженность Осоргина индивидуализму и стремление всегда ставить частное выше общего. Россия в этом плане не исключение – ее своеобразие формируется не государственными или социальными идеями, а миллионами человеческих судеб, сведение которых к общему знаменателю, в убеждении писателя, недопустимо.

Событием, изменившим жизнь каждого жителя России и, в том числе, самого Михаила Андреевича Осоргина, стала революция 1917-го года. Рассуждая об исторических процессах и закономерностях, писатель в большой степени исходил из собственного опыта и наблюдений крушения старого строя. Как замечает Татьяна Марченко, беду, постигшую Россию, Михаил Осоргин воспринимал как одну из самых трагичных в мировой истории<sup>53</sup>. Вместе с тем, в глазах сторонника вечного обновления, революция стала в какой-то степени отражением законов круговорота природы. Падение Российской Империи показало также, что любая, даже сооружаемая веками политическая система, может быть с легкостью уничтожена той же историей, в ходе которой она формировалась.

Среди литературоведов сложились разные мнения насчет отношения Михаила Осоргина к событиям революции и гражданской войны в России. Действительно, писатель часто неоднозначно выражался о новейшей истории своей родины. К тому же, точка зрения Осоргина значительно менялась на протяжении его жизни. Будучи в молодости тесно связанным с революционным движением, в конце жизни автор *Сивцева Вражка* пришел к убеждению о бессмыслице крушения старой системы. Вместе с тем, Осоргин никогда не отрицал героизма и самоотверженности простых революционеров, отважив-

---

<sup>52</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 219.

<sup>53</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 109.



шихся бросить вызов государству. Уже революцию 1905-го года писатель считал «героической». На важный аспект отношения писателя к событиям обращает внимание Олег Ласунский, указывая, что Осоргин «романтизировал ее «маленьких участников»», но вместе с тем не одобрял самопожертвования во имя высших идейных побуждений<sup>54</sup>.

Следует отметить, что Михаил Осоргин видел положительные стороны революционной борьбы до тех пор, пока она была выражением бунта свободного человека против государственного гнета. Когда же противостояние переходило на политический уровень – оно становилось лишь схваткой двух репрессивных систем. Именно поэтому во многом правы литературоведы, утверждающие, что февральскую революцию Осоргин одобрял, а большевистский переворот воспринимал крайне настороженно. Галина Лобанова в своей работе указывает на восторженное восприятие писателем февральских событий, которому сопутствовало предчувствие опасностей, подстерегавших страну<sup>55</sup>. В конце 80-х гг. XX в. появились точки зрения, согласно которым автор *Сивцева Вражка* воспринимал положительно также октябрьский переворот. «Осоргин приветствует и Февральскую и Октябрьскую революции. [...] Михаил Андреевич все свое время отдает сплочению творческих сил Республики Советов»<sup>56</sup>. Такую позицию, явно искажающую отношение писателя к большевистскому перевороту, следует рассматривать как эпигонство советской эпохи.

О своем отношении к революционным событиям с уже довольно далекой временной перспективы заявляет Михаил Осоргин во *Временах*: «Так, например, я определяю свое отношение к русской революции, которой был

<sup>54</sup> О. Ласунский, *В споре с эпохой...*, указ. соч., с. 9.

<sup>55</sup> Г. Лобанова, «Маленький человек» в вихре истории..., указ. соч., с. 30.

<sup>56</sup> А. Афанасьев, *Михаил Осоргин: судьба и время ...*, указ. соч., с. 3-4.

участником. Я знаю, что нелепо дробить ее на части, одну признавая, другую отрицая или подвергая сомнению; революция последовательна и едина, и Февраль немыслим без Октября»<sup>57</sup>. Анализируя данный фрагмент, следует заметить, что «единство» касается здесь разрушительного процесса, своего рода цепной реакции, приведшей к крушению социально-политического строя. Михаил Осоргин не рассматривал приход большевиков к власти в качестве положительного фактора. Историческое время, порождающие все новые идеологии и политические системы, не могло в глазах писателя дать человечеству истинного счастья. «Исторический» круговорот, характеризующийся постоянной заменой одних государств и цивилизаций их перевоплощениями, в концепции Осоргина является путем в никуда. В такой ситуации оказалось и российское общество. Как заметил писатель во *Временах*: «Менять рабство на новое рабство – этому не стоило отдавать свою жизнь»<sup>58</sup>.

Революция и гражданская война в концепции Михаила Осоргина в очередной раз показывают, что историческое время, так же, как и природное, подчиняется цикличности. Как заметил Владимир Агеносов, даже Максим Горький, неоднозначно относившийся к творчеству автора *Сивцева Вражка*, высоко оценил его новаторский подход, представляющий русскую трагедию как одну из сцен «непрерывного Вселенского террора»<sup>59</sup>.

В очередной раз следует здесь подчеркнуть двойственность временного потока, в котором даже самые разрушительные исторические потрясения не могут повлиять на ритм природы. Русская революция в этом аспекте для Михаила Осоргина – не исключение. В эссе *Россия* (1924) писатель заявляет, что думая о родине, он

---

<sup>57</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 689.

<sup>58</sup> Там же, с. 690.

<sup>59</sup> В. Агеносов, *Вселенная, революция и культура в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»...*, указ. соч., с. 149.

не вспоминает ни о декрете, который солнца не заменит и не отменит, и не о комиссаре, который «десять лет рубит с плеча – все же не вырубит заметной плешины в лесах вечного обновления»<sup>60</sup>. Таким образом междоусобная борьба людей не изменит существенным образом осоргинской России – огромного природного пространства, которое жило по своим законам еще до появления человека.

В связи с этим, с точки зрения природного времени, не может быть различия между противоборствующими в гражданской войне сторонами, так как все они представляли ложные, по своей сути, политические идеи. При этом, в своем заблуждении они были одинаково «правы», на что писатель неоднократно обращает внимание в романе *Сивцев Вражек*.

Читая произведение, можно прийти к выводу, что причиной столь масштабной и продолжительной схватки «красных» и «белых» в период гражданской войны стало парадоксально единомыслие обеих сторон. Конечно, и революционеры, и защитники старого строя считали друг друга непримиримыми врагами, но это не противоречило их праву бороться за свои идеалы. Факт наличия «двух правд», которые не могли сосуществовать, заметил в *Сивцевом Вражке* Алексей Зверев<sup>61</sup>. Впрочем, об этом прямо говорится в романе, когда «стена против стены стояли две братские армии, и у каждой была своя правда и своя честь»<sup>62</sup>. Эти слова могут стать ответом на вопрос, почему «белые» и «красные» стремились к полному уничтожению друг друга. Убеждения обеих сторон настолько различались, что никакой компромисс не был возможен. Надо сказать, что Михаил Осоргин видел глубокие разногласия между противоборствующими сторонами и понимал весь трагизм сложившейся ситуации, в которой идеологические убеждения заставляли представителей одного

---

<sup>60</sup> Цит. по: Н. Барковская, *С верой в Россию...*, указ. соч., с. 50.

<sup>61</sup> А. Зверев, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 320.

<sup>62</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 238.

народа взаимоистребляться. Причиной такого положения вещей стал, по мнению Михаила Осоргина, нарастающие веками социальные проблемы. Они настолько долго считались неразрешимыми, что при первой же возможности были избраны самые радикальные методы их преодоления. Следует также заметить, что идеологические разногласия касались главным образом политических элит, внушивших простым людям, что путь к свободе ведет через истребление противника.

Отрицая террор и насилие, писатель не сочувствовал гибнущему Российскому государству. «Бездарен был бы народ, который в момент решения векового спора не сделал бы опыта полного сокрушения старых и ненавистных идолов, полного пересоздания быта, идеологий, экономических отношений и всего социального уклада»<sup>63</sup>. Этот фрагмент свидетельствует о том, что, несмотря на несогласие Михаила Осоргина с политикой большевиков, писатель понимал причины толкнувшие революционеров к уничтожению старого строя. Однако нашлось и немалое количество защитников традиций дореволюционной России, и это, по мнению Осоргина, вызвало длинную и жестокую гражданскую войну. Писатель придерживается точки зрения, что «бесчестен был бы народ, если бы он не выдвинул защитников идеи родины культурной, [...] идеи длительного подвига и воспитанной человечности»<sup>64</sup>.

К проблеме гражданской войны Осоргин обращается также в романах *Свидетель истории* и *Книга о концах*. Как справедливо замечает Галина Лобанова, важной особенностью этой диалогии является ее откровенная оценочность<sup>65</sup>. Подтверждение такой позиции можно найти во многих публицистических фрагментах произведений. В *Книге о концах* Михаил Осоргин пишет: «Белые, красные,

---

<sup>63</sup> Там же, с. 238.

<sup>64</sup> Там же.

<sup>65</sup> Г. Лобанова, «*Маленький человек*» в вихре истории..., указ. соч., с. 93.

– не все ли равно? Окраска случайная – сущность та же. Любопытно, что в историю и те и другие поступят в героическом ореоле, и вполне заслуженно: ими руководят высокие идеи защиты священных прав человека. Лучший и единственный способ защиты прав человека – убийство человека. [...] Вино красное и белое пьянят одинаково»<sup>66</sup>. Таким образом Осоргин дает однозначную оценку кровопролитию, вызванному революцией. Писатель очень быстро осмыслил суть происходящего и понял, что большевизм, вместо свободы, принесет России еще большее порабощение. Свои мысли Михаил Осоргин подробно выразил в многочисленных публицистических статьях, написанных вскоре после февральской революции. Подробный анализ этих текстов проводит в своей работе Людмила Поликовская<sup>67</sup>. Исследователь приводит слова писателя, уже в первых числах марта 1917 г. метко перечислившего главные угрозы для России. Кроме темноты и невежества масс, прихода к власти людей жаждущих лишь наживы, Михаил Осоргин заметил опасность в «правительстве Владимира», нового самодержавца<sup>68</sup>. Такое заявление автора *Сивцева Вражка*, сделанное за много месяцев до октябрьского переворота, свидетельствует о его невероятной проницательности и глубоком понимании не только текущей политической обстановки, но и сути исторических процессов.

Понимая неизбежность гибели старой России, Михаил Осоргин выражался о ней с большой дозой любви и сочувствия. Прежде всего, это было результатом понимания, что вместе со старым строем могут погибнуть также духовные ценности исконной Руси, совершенно безразличные писателю. Не случайно Татьяна Марченко пишет,

---

<sup>66</sup> М. Осоргин, *Книга о концах...*, указ. соч., с. 342.

<sup>67</sup> См.: Л. Поликовская, *Публицистика Михаила Осоргина (август 1916 – сентябрь 1918 гг.): темы, идеи, жанры...*, указ. соч., с. 77-85.

<sup>68</sup> Цит. по: Л. Поликовская, *Публицистика Михаила Осоргина...*, указ. соч., с. 79.

что Михаил Осоргин, обращаясь к теме старой России, создает «мир чудесный, мудрый и наивный, как мир утраченной сказки»<sup>69</sup>. Эта мудрость вытекала из многовековой близости человека к природе, жизни в гармонии с ее законами. Революция, тем временем, кроме свержения самодержавия, могла одновременно разрушить эту взаимосвязь, что, в убеждении Осоргина, было самой большой угрозой для России.

Именно этот деструктивный процесс проходит на глазах писателя и ярко описывается в *Книге о концах*. Как верно заметила Татьяна Марченко, символом гибели старой России становится отец Яков, который умирает в одиночестве, в дремучем глухом лесу, по дороге «из-под Киева на Чердынь»<sup>70</sup>. В смутные времена большевизации страны, отец Яков словно символизирует гибель «старой, столь им любимой и воспетой России»<sup>71</sup>. Дополняя мысль литературоведа, следует заметить, что исчезает не русская природа, которой политические изменения не касаются и не могут коснуться, а страна с ее культурой. Революция с еще большей стремительностью отрывает человека от природных корней, подчиняя его жизнь идеологическим законам. Отец Яков не случайно умирает под Киевом, являвшимся сердцем древней Руси. Таким образом в *Книге о концах* вновь появляется характерное для Осоргина осмысление движения и развития страны во времени и пространстве.

Понимая, что революция приносит России больше вреда, чем пользы, Михаил Осоргин не мог смириться с ее результатами. Слишком большой ценой, по убеждению писателя, разрушалось многовековое наследие. Как справедливо заметила Галина. Лобанова, «революция ломала

---

<sup>69</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*:..., указ. соч., с. 145.

<sup>70</sup> Там же, с. 54.

<sup>71</sup> Там же.

не устаревшее и отжившее, а подняла руку на необходимые духовные ценности»<sup>72</sup>.

Роман *Сивцев Вражек* ярко показывает, что эти ценности не ограничиваются лишь до жителей деревень и людей, имеющих непосредственный контакт с природой. Законы вселенского потока времени доступны также высшим слоям общества. Пример пожилого профессора и его внуки показывает, что представители интеллигенции иногда даже глубже, чем люди из «глубинки», понимали закономерности круговорота жизни. Это, однако, не спасало их от террора большевиков. Тема трагедии русской интеллигенции занимает в творчестве Михаила Осоргина немаловажное место. Дополнительно, эта трагедия стала в какой-то степени многоплановой – идейные заблуждения высших слоев общества привели их в какой-то степени к самоистреблению. На эту точку зрения Осоргина обращает внимание в своей работе Татьяна Марченко<sup>73</sup>.

Ужас революции и гражданской войны, по убеждению автора *Сивцева Вражка*, стал также своего рода суровым «уроком» для русского человека. Так же, как и в природе, если катаклизм не истребляет полностью какой-нибудь вид – обязательно делает его сильнее. В главе романа *Москва – девятьсот девятнадцатого* рассказчик констатирует: «В тот год ушла красота и пришла мудрость. Нет с тех пор мудрее русского человека»<sup>74</sup>.

Исторические события на протяжении веков закаляли жителей России, но, по мнению Михаила Осоргина, так и не научили их главной правде – ни одна политическая власть никогда по-настоящему не желала блага для своих граждан. В России, по сравнению с другими странами, это выражалось особенно ярко. Писатель метко подыто-

---

<sup>72</sup> Г. Лобанова, «Маленький человек» в вихре истории..., указ. соч., с. 73.

<sup>73</sup> См.: Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*..., указ. соч., с. 40-42.

<sup>74</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек*..., указ. соч., с. 221.

жил такое явление в статье *На новый путь*: «Когда в хлебобороднейших местностях умирают без хлеба, среди вековых лесов мерзнут без топлива, рядом с фонтаном нефти не имеют керосина – [...] найдите, что Вы в России»<sup>75</sup>. Спустя многие годы, писатель не меняет точку зрения и, вспоминая молодость, отмечает абсурдность политической системы своей родины. «Поразительная страна! Ее тюрьмы были образцовыми школами, рассадниками не только сознательности, но и образования; ее средние школы – во всяком случае в провинции – были подлинными тюрьмами, с восьмиклассной пенитенциарной системой»<sup>76</sup>.

Противоестественная и репрессивная природа власти на протяжении веков оставалась неизменной, вне зависимости от политической окраски. В этом контексте Михаил Осоргин обращал внимание на полную преемственность власти, которую не прервала даже революция. Во *Временах* писатель описывает, как правители России всегда уничтожали свободу мысли и любую, идущую снизу инициативу: «Екатерина Вторая разбила московское масонство, Николай последний преследовал работавших на голоде «толстовцев»; октябрьская власть должна была убить комитет [помощи голодающим – прим. автора] прежде, чем он разовьет работу»<sup>77</sup>.

Стремясь контролировать жизнь людей, политическая власть всегда стремилась навязать народу определенную идеологию. Это, по мнению Осоргина, имело целью оторвать человека от неподконтрольной правителям природной духовности и тем самым полностью подчинить людей власти. «Из нее, многобожной и языческой, старательно выкраивали «матушку-Русь православную», как сейчас хотят представить ее безбожницей и комсомолкой»<sup>78</sup>.

---

<sup>75</sup> М. Осоргин, *На новый путь* [в:] «Власть народа», 21.01.1918.

<sup>76</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 612.

<sup>77</sup> Там же, с. 710.

<sup>78</sup> Там же, с. 681.



Данный фрагмент показывает, что все государственные идеи, по убеждению Осоргина, обманчивы. Следует согласиться с Лидией Новиковой, по словам которой изображение предательства и равнодушия власти по отношению к обычному человеку является важной частью художественного мира Михаила Осоргина<sup>79</sup>.

Интересной особенностью мировоззрения автора *Сивцева Вражка* является широкая перспектива изображения исторических процессов. Писатель сумел подняться на наднациональный уровень и увидеть закономерности общемирового масштаба. Речь здесь идет о природе тоталитаризма. Как верно заметил Олег Ласунский, в *Письмах о незначительном* Михаил Осоргин смело сравнивал сталинизм с гитлеризмом<sup>80</sup>. Он не боялся выражать свою точку зрения, хотя даже в России начала ХХI века часто не хватает смелости проводить подобного рода аналогии. Как справедливо замечает Наталья Лапаева, для Михаила Осоргина гитлеризм и большевизм – «родные братья»<sup>81</sup>.

Следует однако отметить, что результат схватки двух тоталитарных систем не был для М. Осоргина безразличным. Он всегда сочувствовал родному ему русскому человеку, даже если тот сражался за враждебное писателю государство. «[...] В дни «крестового похода» темных сил Европы на русскую землю под предлогом борьбы против большевизма, в действительности столь родственного свастике, не власть защищает русский солдат и русский народ, а свою землю, свое право быть ее хозяином, и никакой исход событий не умалит силы и значения тяжкого русского подвижничества»<sup>82</sup>. Приведенный фрагмент *Времен* четко показывает, почему Михаил Осоргин не

---

<sup>79</sup> Л. Новикова, *Художественный мир М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 29.

<sup>80</sup> О. Ласунский, *Михаил Осоргин: структура, качество и эволюция таланта...*, указ. соч., с. 9.

<sup>81</sup> Н. Лапаева, «*Письма о незначительном*» М. Осоргина..., указ. соч., с. 10-11.

<sup>82</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 697.

переставал быть верен, советской в названии, но все же родине. Сложившуюся в 1941 г. ситуацию комментирует также Татьяна Марченко: «[...] при вступлении СССР в войну с фашистской Германией Осоргин, никогда не отделивший своего частного существования от судьбы родины, занимает лояльную по отношению к сталинскому правительству позицию, желая отечеству победы»<sup>83</sup>. С данной точкой зрения можно согласиться лишь частично, так как писатель не рассматривал Иосифа Виссарионовича в качестве участника противостояния – для Осоргина это было война русских людей за выживание. То, кто в данный момент возглавлял политический строй на территории России, для автора *Сивцева Вражка* было вопросом в значительной мере второстепенным.

Если учесть позицию Михаила Осоргина, относящегося крайне предвзято к любой форме государственности, – какой же в глазах писателя должна быть наиболее подходящая для России форма правления? Уже в 1904 году Осоргин в одном из писем прямо заявил о своих политических убеждениях: «Ни при каких уступках с самодержавием не мирюсь, славянофильскую программу отрицаю и хочу определенно выраженной конституции. Вот вам в самых коротких выражениях мое внутреннеполитическое credo»<sup>84</sup>. Таким образом можно сделать вывод, что в глазах Осоргина идеальным решением для России была бы демократия. Однако как уже упоминалось, писатель не верил в мудрость народа и способность большинства обеспечить счастье всему обществу.

Михаил Андреевич Осоргин считал, что на протяжении истории социально-политическая действительность всегда мешала человеку в индивидуальном развитии и отрывала его от природной среды. Следовало бы, затем, ограничить это вмешательство до минимума. Во *Временах*

---

<sup>83</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 152.

<sup>84</sup> Цит. по: Н. Нестерова, *Общественно-политические взгляды...*, указ. соч., с. 57.

автор прямо заявляет, что правители России всегда ограничивали ее естественное развитие. «Едва ли не самое большое несчастье России в том, что ею всегда управляют, хотя лучше всего она управлялась бы сама, как сама течет большая река, растет трава на заливному лугу, само светит солнце, без помощи электрических станций»<sup>85</sup>. Текст *Сивцева Вражка* доказывает, что людей, живущих в гармонии с природой, политические идеи никогда не интересовали. Ритм природы и повседневная жизнь были для них важнее исторических перемен, к которым, в силу своей неосведомленности, относились безразлично. «[...] О том же, кто теперь правит Россией, правда ли, что царя увезли и чего хотят большевики, понятие [крестьяне] имели самое смутное и фантастическое. Больше, чем политикой, интересовались слухами о налогах и тем, будут ли у крестьян отбирать хлеб и не вернутся ли помещики»<sup>86</sup>.

Чем дальше человек находился от цивилизации, тем больше он был, в глазах Осоргина, подлинно природным существом. В этом контексте просторы России давали особенно широкие возможности. Как уже было сказано, Санкт-Петербург писатель считал чуждым истинной России. Однако и не в Москве писатель видел центр родной ему духовности. «Сибирь самая подлинная Россия [...]. И мы – люди большого роста, крепкие и здоровые, равно привыкшие к жаре и морозу. Мы пропахли смолой, мы одинаково молимся и лешему, и водяному. Князья и викинги, мы равно землепашцы, охотники, рыболовы, люди простые, без дурацких феодальных замашек, без кичения голубыми кровьями, без поклонения гербам, – природные демократы»<sup>87</sup>. Приведенный фрагмент *Времен* можно с уверенностью назвать манифестом, выражающим суть мировоззрения Михаила Осоргина. В нем сосредоточено

---

<sup>85</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 682.

<sup>86</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 167.

<sup>87</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 667.

все – и поклонение природе, и отрицание чуждых русскому человеку государственных и сословных идей. Таковую позицию подтверждают также слова писателя, описывающие оптимальный, с его точки зрения, путь развития страны: «Я тоже выдумывал свою Россию, и мне казалось, – вероятно, ошибался, – что эта Россия пойдет иными путями и к иным целям, естественно и просто, безо всяких миссионерских заданий, без кичливости, спокойным шагом. Никакого «нового слова» не скажет, а жить будем все-таки по-своему, во всяком случае – пока это можно, пока нас не захлестнет европейская цивилизация и не сделает образцовым муравейником»<sup>88</sup>.

Схожее восприятие идеального пути развития России представлено также Борисом Пильняком в *Голом годе*. Автор романа, также как и Михаил Осоргин, мечтал о возвращении человека к его истокам, к жизни в согласии с природой. Как замечает в своей работе Чеслав Андрушко, Пильняк «создает миф о мужицкой революции, которая, как безудержное весеннее половодье, очистит русскую землю и покроет ее заново майскими цветами»<sup>89</sup>. В последствии и Михаил Осоргин, и автор *Голого года* разочаровываются в возможности революционного переустройства мира в сторону восстановления гармонии человека и природы.

Огромной трагедией для Михаила Андреевича Осоргина, столь привязанного к родной земле, стала вынужденная эмиграция. Ему еще при царской России пришлось покинуть родину, чтоб вернуться туда лишь на несколько лет. Явление эмиграции, вызванное приходом большевиков к власти, стало для писателя явным подтверждением,

---

<sup>88</sup> Цит. по: Л. Новикова, *Художественный мир М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 30.

<sup>89</sup> Ч. Андрушко, *Образ времени: «Солнце мертвых» И. Шмелева и «Голый год» Б. Пильняка* [в:] *Художественный мир И.С. Шмелева и традиции славянских литератур. XII Крымские международные шмелевские чтения. Сборник материалов международной научной конференции*, Симферополь 2004, с. 93.

что история не только убивает и калечит людей, но еще и забирает у них право жить и умереть на родной земле. С конца 20-х гг. тема эмиграции начинает все чаще появляться в творчестве Осоргина. Как замечает Татьяна Марченко, это было результатом осознания писателем, что такое положение вещей может уже никогда не измениться<sup>90</sup>. Одним из наиболее ярких примеров описания положения, в котором оказались многие русские эмигранты, стала повесть *Вольный каменщик*. Исторические события «выбросили» главного героя в чужую и непонятную страну, где утешение он смог найти лишь благодаря стремлению к вечной правде.

Трагизм изгнанничества ярко выражен также в рассказе *Земля*. Единственное, что осталась от родины у героя произведения – это горсть сухой земли. В ней сосредоточены все воспоминания, история дома и семьи. Михаил Осоргин «сжимает» прошлое до маленького комочка грунта, в очередной раз показывая, что поток времени отражается в каждой, даже самой маленькой частице природного мира. На *Землю* обращает особое внимание Людмила Бронская. Исследователь не без оснований утверждает, что произведение может претендовать на то, чтобы в нем увидели некий обобщающий, включающий в себя практически все темы-символы современной ему литературы текст<sup>91</sup>.

Михаил Осоргин долго не мог смириться со своим изгнанничеством, так как считал, что жизнь человека развивается гармонично только рядом с родной природой. Именно поэтому писатель долго не терял надежду на возвращение и, сохраняя до 1937 года советский паспорт, заявлял, что «все-таки нужно ехать в Россию»<sup>92</sup>. В конце жизни автор *Сивцева Вражка* смирился со своей судьбой.

<sup>90</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*..., указ. соч., с. 109.

<sup>91</sup> Л. Бронская, *Русская идея в автобиографической прозе русского зарубежья*..., указ. соч., с. 74.

<sup>92</sup> С. Никоненко, *О России – с любовью*..., указ. соч., с. 77.

Понимание, что он окончательно и необратимо «вырван» из родной почвы, нагнетает пессимизм, столь заметный в последних произведениях Осоргина. «Победительница или побежденная, раздвинув свои пределы или распавшись на клочья, Россия останется для меня прошлым даже и в том невероятном случае, если я еще успею ее увидеть»<sup>93</sup>. Данный фрагмент *Времен* показывает трагизм, являющийся результатом дисгармонии между ритмом человеческой жизни, проходившей слишком долго вне течения жизни родины, и ходом истории покинутой страны.

Михаил Андреевич Осоргин, чувствуя, что вся русская эмиграция может безвозвратно оторваться от родной страны, обращал внимание на необходимость помнить, что даже под властью большевиков Россия остается Россией. Он смело заявлял о единстве русской литературы, чем вызывал резкую критику в эмигрантских кругах. Ольга Авдеева пишет, что Осоргин понимал свою неспособность попасть «в тон общему эмигрантскому хору»<sup>94</sup>. Большинство представителей первой волны русского зарубежья не могли согласиться с писателем, заявлявшим, что «Алданов, Булгаков, Бунин, Горький, Замятин, Куприн, Леонов, Ремизов, Федин – все они наши»<sup>95</sup>.

Рассуждая о судьбе эмигрантов, Михаил Осоргин обратил внимание, что политические системы и государственные границы ограничивают естественную, природную свободу человека. «Железным занавесом отрезана Россия, земля родная, страна отцов»<sup>96</sup>. Писатель, употребляя данную метафору, в очередной раз подтвердил, что ставшее ходовым выражение «железный занавес» вовсе не появилось впервые в знаменитой Фултонской речи Уин-

---

<sup>93</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 686.

<sup>94</sup> О. Авдеева, *Лучшие на свете книги написаны большими сердцами...*, указ. соч., с. 19.

<sup>95</sup> Цит. по: О. Авдеева, *Лучшие на свете книги написаны большими сердцами...*, указ. соч., с. 19.

<sup>96</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 731.

стона Черчилля. Его автором не был также Йозеф Геббельс, предостерегая в 1945 г. перед экспансией Советского Союза. Выражение «железный занавес» в своем популярном значении появилось в русской литературе в 1917 г. «С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историю железный занавес»<sup>97</sup>. Писатель-философ Василий Розанов использовал это выражение в книге *Апокалипсис нашего времени*, после чего оно стало широко известным и употребляемым в СССР<sup>98</sup>. Михаил Осоргин засвидетельствовал своим творчеством и своей жизнью, что определение «железный занавес» присутствует также в русской эмиграционной литературе.

Творчество Михаила Осоргина, без сомнения, доказывает невероятную проницательность писателя, сумевшего проследить исторические закономерности и умевшего предвидеть последствия происходящих событий. В частности, как замечает Олег Ласунский, автор *Сивцева Вражка* уже августе 1941 г. пророчил крах Третьего Рейха и русскую победу<sup>99</sup>.

Михаил Осоргин был всегда сторонником идеи, что «ключ» к познанию будущего находится в прошлом. В этом плане он был ближе всего к взглядам Льва Толстого. История, в концепции писателя, так же, как и природа, развивается согласно законам цикличности. Романы *Свидетель истории* и *Книга о концах* во многом являются «взглядом» в прошлое, с целью показать закономерности, приведшие в конечном итоге Россию к революции и гражданской войне. Как пишет Галина Лобанова, Осоргин вглядывается в глубь истории показывая, что «на потоках

---

<sup>97</sup> В. Розанов, *Апокалипсис нашего времени*, <http://www.dgn.su/lib/ru/%D0/%D0%EE%E7%E0%ED%EE%E2%20%C2%E0F1%E8%EB%E8%E9/%D0%EE%E7%E0%ED%EE%E2%20%20C0%EF%EE%EAE0%EB%E8%EF%F1%E8%F1%20%ED%E0F8%E5%E3%EE%20%E2%F0%E5%EC%E5%ED%E8.pdf> (23.02.2012).

<sup>98</sup> См.: В. Серов, *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*, <http://bibliotekar.ru/encSlov/7/9.htm>, (23.02.2012).

<sup>99</sup> О. Ласунский, *В споре с эпохой...*, указ. соч., с. 23.

безвинной крови и слез нельзя построить будущую гармонию и всеобщее счастье»<sup>100</sup>. Несмотря на факт, что на протяжении истории люди неоднократно об этом убеждались, Михаил Осоргин считал, что насилие всегда было и будет неотъемлемой частью исторического процесса. «Ход истории не остановить, будущее трагично» – пишет Галина Лобанова, анализируя взгляды писателя<sup>101</sup>. Осоргин считал исторический процесс неподконтрольным человеку – своего рода непреодолимый фатализм приводил к циклически повторяющимся волнам насилия.

Учитывая жестокость исторического времени, Михаил Осоргин одновременно понимал, что цивилизация – это неотъемлемая часть человеческого существования. Главное, чтобы история не оторвала общество от его корней. Автор *Сивцева Вражка* верил, что у России есть все возможности развиваться в гармонии с природным ритмом. Именно потому, как замечает Нина Барковская, «Осоргин ищет опоры для веры в будущее России, обращаясь в ее далекое прошлое»<sup>102</sup>. Такой подход вполне понятен, учитывая убеждение писателя, что экспансия технической цивилизации постепенно выживает человека из его естественной среды. Михаил Андреевич Осоргин верил, что русская природа, благодаря своим «масштабам», будет в состоянии противопоставиться вмешательству цивилизации.

Как замечает Татьяна Марченко, писатель верил, что настоящая история России вся впереди<sup>103</sup>. Безусловно убеждение Осоргина касалось не будущих политических событий, а конечного торжества сил природы. Также Ирина Боравская замечает, что писатель, болезненно переживая судьбу России, не утратил твердой веры в грядущее.

---

<sup>100</sup> Г. Лобанова, *«Маленький человек» в вихре истории...*, указ. соч., с. 26.

<sup>101</sup> Там же.

<sup>102</sup> Н. Барковская, *С верой в Россию...*, указ. соч., с. 57.

<sup>103</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 93.



щее преображении страны<sup>104</sup>. Для того, чтобы она гармонично развивалась, люди должны понять, что террор и насилие не принесут ни личного счастья, ни решения социальных проблем. Только эволюционное развитие может позволить людям избежать постоянного «копирования» ошибок прошлого. В *Сивцевом Вражке* мысли писателя выражает старый профессор: «Люди придут, новые люди, начнут все стараться по-новому делать, по-своему. Потом, поглядев, побившись, догадаются, что новое без старого фундамента не выживет, развалится, что прежней культуры не обойдешь, не отбросишь ее. И опять возьмутся за старую книжку, изучать, что до них изучено, старый опыт искать»<sup>105</sup>. Этот фрагмент четко свидетельствует об убеждении Осоргина, что страна может успешно развиваться лишь усвоив опыт предыдущих поколений. На эту точку зрения писателя обращает внимание также Эльвира Дергачева. Литературовед замечает, что в концепции Осоргина каждая страна должна оберегать и ценить «духовное наследие, накопленное поколениями. Иначе у нее нет будущего»<sup>106</sup>. Это будущее должно быть построено людьми, осознавшими суть своего существования и бессмысленность борьбы за ложные, несущие лишь смерть и страдание, идеи. Как заметил Дмитрий Горюнов, «Осоргин верил в приход нового человечества»<sup>107</sup>.

С другой стороны, учитывая убеждения писателя относительно политических элит и «массового сознания», автор *Сивцева Вражка* не мог питать надежд, что идеи «круговорота жизни» выйдут когда-либо на общегосударственный уровень. Писатель желал России и всему миру

---

<sup>104</sup> И. Боровская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 85.

<sup>105</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 279.

<sup>106</sup> Э. Дергачева, *Дом и история в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек»...*, указ. соч., с. 62.

<sup>107</sup> Д. Горюнов, *М. А. Осоргин как представитель русского масонства...*, указ. соч., с. 53.

обрести такое гармоничное состояние, в котором государство и идеология не будут препятствовать человеку в его индивидуальных поисках правды. Подтверждает эти слова письмо Осоргина редактору *Современных записок*, Марку Вишняку. Прочитав его статью под заглавием *О русской революции – каноны и свершения*, автор *Сивцева Вражка* пишет: «У вас [...] есть изумительное утверждение: «февр. рев. рождена была... волей к свободе, индивидуальной и государственной». Очень прошу Вас как-нибудь при свидании объяснить мне, что такое «государственная свобода». Я в первый раз слышу»<sup>108</sup>. Данное высказывание еще раз доказывает, что понятия государства и свободы, для Михаила Осоргина, – несовместимы.

Анатолий Афанасьев пишет в своей работе о твердой вере Михаила Осоргина в великое будущее России<sup>109</sup>. Следует здесь очередной раз подчеркнуть, что писателя интересовала судьба страны лишь в качестве фактора, влияющего на жизнь свободного человека. Любое другое «величие» для автора *Времен* было совершенно безразлично. Писатель однозначно отрицал идею державы, притесняющей естественные права своих граждан.

В связи с вышесказанным, война и любое насилие, неотъемлемые инструменты государственной власти, не могут стать средством достижения общественного счастья. В этом плане метко охарактеризовала убеждения писателя Татьяна Марченко, заметив, что строить Хеопсову пирамиду на человеческих костях Осоргин не хотел<sup>110</sup>. Самые «великие» достижения в области политики и государственности, в убеждении писателя, не могли оправдать жертвования даже одной человеческой жизнью.

---

<sup>108</sup> Цит. по: М. Вишняк, *Современные записки. Воспоминания редактора*, Indiana University 1957, с. 196-197.

<sup>109</sup> А. Афанасьев, *Михаил Осоргин: судьба и время ...*, указ. соч., с. 9.

<sup>110</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина: ..., указ. соч.*, с. 28.

Именно в судьбах отдельных людей заложено успешное будущее всей страны. Согласно Осоргину, в каждом человеке отражаются общемировые процессы и закономерности. С такой точки зрения понятным становится убеждение Ирины Боравской, что Таня из *Сивцева Вражка* стала символом «неизбежного возрождения России и вечно цветущей – наперекор всему и вся – живой жизни»<sup>111</sup>. Героиня в, казалось бы, невыносимых условиях послереволюционной Москвы не только выживает, но и, не теряя духовных ценностей, успешно адаптируется к жестокой действительности. Именно такие люди, по убеждению Михаила Осоргина, доказывают, что цивилизация не может полностью «заглушить» в человеке природное начало.

Другой персонаж, воплощающий в *Сивцевом Вражке* идеи «общерусского» масштаба – это старый солдат Григорий. «На выносливых плечах уносил Григорий свою старую веру, свою человеческую правду – из земли разврата к киевским угодникам, а то и дальше, куда заведет прямая дорога прямого и крепкого в вере человека»<sup>112</sup>. Продолжая мысль Осоргина, следует подчеркнуть его уверенность в том, что ни одна политическая власть не в состоянии истребить духовные ценности, пока жив хотя бы один, признающий их, сознательный человек. В таком контексте стремление большевиков к полному уничтожению дореволюционной России представлялась невыполнимой. В частности, непреодолимой преградой стали для них эмигранты, унесшие «свою старую веру и человеческую правду» за пределы советского государства.

С другой стороны, вопрос судьбы самой эмиграции не был для Михаила Осоргина однозначным. Свои опасения и сомнения на эту тему писатель выразил в образе старого странника: «Дошел ли старый солдат Григорий до Киева,

---

<sup>111</sup> И. Боравская, *Воплощение натурфилософской концепции...*, указ. соч., с. 92.

<sup>112</sup> М. Осоргин, *Сивцев Вражек...*, указ. соч., с. 131.

нашел ли что искал, или повернул оттуда к северу, в пермские скиты, или уплыл морем в Бари и Иерусалим, унес ли свою правду или бросил ее в пути, вместе с тощей и изветшавшей котомкой, – про то сказать никто не знает»<sup>113</sup>. При всем упомянутом «оптимизме» писателя относительно сил природы, будущее в его концепции времени остается неопределенным. Об этом пишет также Татьяна Фоминых, замечая неуверенность Осоргина относительно конечного назначения пути Григория<sup>114</sup>. Эта неуверенность в будущем касалась всей России. Как пишет Лидия Новикова, «в творчестве М. А. Осоргина нет четкого художественного образа будущей России, подобного тому, как видели его Е. Замятин или А. Платонов, нет и образа «светлого будущего»»<sup>115</sup>. Создание очередной антиутопии, с точки зрения Михаила Осоргина, не имело смысла, поскольку любая реализация утопии приносила человечеству одни страдания. Всякого рода конкретные прогнозы развития страны писатель считал просто ненужными. Чтоб понять законы времени, достаточно вдумчиво взглянуть в прошлое. Такая точка зрения встречается также в европейской литературе. Согласно убеждениям Томаса Элиота, историческое чувство требует понимания прошлого не только в прошлом, но и в настоящем<sup>116</sup>.

Рассказ *В юности* Михаил Осоргин начинает следующими словами: «Заглянешь в будущее – и ничего в этом будущем не усматривается положительного, только слабая надежда.[...] О настоящем вообще не рассказывают, а

---

<sup>113</sup> Там же, с. 131.

<sup>114</sup> Т. Фоминых, *Историко-культурный контекст...*, указ. соч., с. 58.

<sup>115</sup> Л. Новикова, *Художественный мир М. А. Осоргина...*, указ. соч., с. 30.

<sup>116</sup> Th. Eliot, *Tradycja i talent indywidualny* [в:] *Teoria badań literackich za granicą*, под ред. Н. Markiewicz, Kraków 1981, с. 400.

им живут.[...] И остается рассказывать о прош-лом»<sup>117</sup>. Этот фрагмент объясняет стремление Осоргина писать о прошлом. В нем также содержится убеждение автора о стихийности времени, в котором следует жить, а не его анализировать.

Как уже упоминалось, писатель не ждал от будущего положительных «прорывов», а со временем на место «слабой надежды» в его мировоззрении пришел усиливающийся пессимизм. В октябре 1941 года, в письме Алексею Бакунину Михаил Осоргин пишет: «Не будет и нашей России, только останется земля, на которой она была в период нашей жизни. Уже ничего не остается от прежней культуры, и новое, что народится, нам заранее чуждо. И я не знаю, чего России желать, совершенно не знаю»<sup>118</sup>. Писатель в очередной раз выражает отчаяние человека, насильно оторванного от жизни своей родины, перестающего понимать происходящие в ней процессы. Небольшим утешением в сложившейся ситуации опять же выступает природа, земля. Только она будет напоминать прошлое страны, даже если ее государственная и культурная «оболочка» подвергнется полному перевоплощению.

Настроение разочарования, выраженное в письме, касается не только родины писателя, но и судьбы всего человечества. «Я ждал, что эта война окончится ката-строфой поголовной и повсеместной, настоящим физическим уничтожением людей; но, по-видимому, техника убийств еще предела не достигла, еще нельзя одним нажимом кнопки или поворотом рычага сжигать тысячи квадратных километров и впахивать в землю камни и трупы; цивилизация еще не покончит с собой самоубийством, котел не взорвется. Тем хуже для тех, кто идет за нами, – их участь будет горше»<sup>119</sup>. Эти слова были написаны за не-

---

<sup>117</sup> М. Осоргин, *В Юности* [в:] его же, *Чудо на озере*, Париж 1931, с. 85.

<sup>118</sup> М. Осоргин, *Письма и статьи...*, указ. соч. с. 322.

<sup>119</sup> М. Осоргин, *Письма и статьи...*, указ. соч. с. 322.

сколько лет до изобретения и применения атомной бомбы. Михаил Осоргин интуитивно предвидел создание оружия массового уничтожения, которое угрожает геноцидом.

На углубляющийся пессимизм, а даже безразличие писателя относительно будущего, обратил внимание также Марк Вишняк. Критик в *Воспоминаниях редактора* приводит слова Осоргина, написанные им в конце жизни: «[...] что будет с Европой, Россией, Францией, человечеством, во мне нет живого интереса. [...] Народ, страна, формы социальной жизни, все это выдумки. Я люблю природу, Россию, но «родины» и проч. не вижу, не знаю, не признаю... И Европа вздор – с ее «культурой». Умирая, не жалею ни ее народов, ни своего, ни культуры, ни разбитых идей»<sup>120</sup>. В очередной раз писатель явно не в состоянии справиться с углубляющимся кризисом его мировоззренческой позиции. Отчаяние Осоргина во многом объясняется его неспособностью предложить конструктивную и целостную концепцию действительности, которая могла бы противостоять жестокой истории, с ее войнами и революциями. Трагизм обостряется осознанием писателя, что нет реальной альтернативы техническому пути развития человечества.

Будущее, по убеждению писателя, станет настоящим вне зависимости от попыток человека его предугадать. Людям, народам и странам остается лишь жить и ценить каждый момент отведенного им времени. Рассуждения о будущих событиях – это лишь трата времени. «Если бы кто-нибудь знал, что будет завтра, он удивился бы, как [кто-либо] может спокойно есть» – цитирует текст *Вольного каменищика* Марина Хатямова<sup>121</sup>. Надо навсегда отказаться от попыток подчинять настоящее будущему, так как, по убеждению Осоргина, – это путь в никуда. История человечества показывает многочисленные примеры жестокости и насилия во имя «будущего», которое в

---

<sup>120</sup> М. Вишняк, *Современные записки*. ..., указ. соч., с. 200-201.

<sup>121</sup> М. Хатямова, *Метатекстовая структура*..., указ. соч.

результате оказывается страшнее предыдущего. Одним из ярчайших примеров такой ситуации для автора *Сивцева Вражка* стала революция и гражданская война в России. Вместе с тем, писатель не отвергал борьбы с несправедливостью и стремления к улучшению действительности. Главное, что хотел передать в своих произведениях Михаил Осоргин – это недопустимость жертвования культурой, духовностью и, прежде всего, жизнью людей для достижения каких-либо, даже самых заманчивых, идей будущего счастья.

Подытоживая тему судьбы России в творчестве Михаила Андреевича Осоргина, следует отметить, что будущее страны для писателя было важно с точки зрения условий жизни населявших ее людей. Свобода личности для автора *Сивцева Вражка* было основным законом, которому должна подчиняться любая власть. Это касалось всех народов мира, вне зависимости от национальности. В этом плане идеи русского империализма были Осоргину совершенно чужды. «Пусть каждый народ получит обратно ту землю, которой владели его деды и прадеды»<sup>122</sup> – писал он в годы Первой мировой войны. Как замечает Наталья Нестерова, Михаил Осоргин в 1917 году ожидал решения вопроса о свободном управлении Польши и Финляндии<sup>123</sup>.

Любое государство, в глазах писателя, было инструментом насилия над человеческой личностью. Согласно концепции автора *Времен*, и Россия, и Советский Союз рассматривались в качестве одинаково репрессивных систем. В результате, революция и гражданская война привели, по словам самого писателя, к замене одного рабства – другим<sup>124</sup>. В ходе исторических перемен гибнут

---

<sup>122</sup> Цит. по: Н. Нестерова, *Общественно-политические взгляды...*, указ. соч., с. 135.

<sup>123</sup> Н. Нестерова, *Общественно-политические взгляды...*, указ. соч., с. 135.

<sup>124</sup> М. Осоргин, *Времена...*, указ. соч., с. 690.

напрасно миллионы людей, не принося человечеству никакого прогресса.

Благополучное развитие, по словам писателя, может обеспечить России, так же, как и остальному миру, лишь гармония с природой и жизнь согласно ее законам. Люди должны сосредоточиться на осмыслении закономерностей космического времени, а не, уничтожая настоящее, тщетно пытаться построить счастье будущего. Как справедливо заметила Татьяна Марченко, для Осоргина в прошлом скрывалась мудрость, а будущее было лишь дымкой надежды<sup>125</sup>. Согласно законам круговорота времени, процессы и явления периодически повторяются и, углубляясь в историю, человек может избежать ошибок прошлого. Такую точку зрения подтверждает творчество Михаила Осоргина, неоднократно углубляющегося в давно ушедшие времена.

Со временем Осоргин все чаще осознавал маловероятность возврата человека к природе, что во многом обусловило пессимизм писателя, особенно ярко выраженный в *Письмах о незначительном*. Экспансия технической цивилизации, так же как и политическая система, все в большей степени отторгали человека от его естественной среды. И для России, и для всего мира, единственной надеждой, в такой ситуации оставалась вера, что никогда не исчезнут люди, передающие с «эстафетой поколений» вечные духовные ценности – любовь к природе и чувство родства со всем живым.

---

<sup>125</sup> Т. Марченко, *Творчество М. А. Осоргина*:..., указ. соч., с. 111.



## **Заключение**

Михаил Андреевич Осоргин – один из выдающихся писателей первой волны русской эмиграции и выразительная личность в масштабах всей русской литературы. Творчество писателя, в настоящее время все чаще являющееся предметом научных исследований, становится своеобразным и обогащающим элементом не только русской литературы, но и культуры в целом. Неповторимое мировоззрение писателя, соединяя традиционные взгляды русских мыслителей с элементами пантеизма и масонства, вносит немаловажный вклад в историю русской мысли.

Художественный мир Михаила Осоргина впечатляет своим богатством. В творчестве писателя всесторонне представлена целостная и многоуровневая концепция времени. Михаил Осоргин объективно изображает самые трагические моменты истории, но делает это с характерной для себя примесью иронии и определенной дозой лирики.

Разнообразный мир его произведений стремится охватить буквально всю панораму бытия. Человеческое в нем неразрывно связано с природным, реальное переплетается с утопическим, а индивидуальное тесно взаимодействует с общечеловеческим. Действие произведений Осоргина чаще всего происходит в родной для писателя России, но его герои попадают также в Монголию, Париж и даже в Китай. Впечатляет также разнообразие персонажей, отобра-

жающих практически все сословия и разные психологические типы: от царя Николая II и премьер-министра Столыпина – до вождя революции Ленина, от мелкого чиновника Тетехина – до героического террориста Оленя или, наконец от философствующего интеллигента Астафьева до развращенного палача Завалишина. Важную идейную роль в произведениях Михаила Осоргина играют женщины, воплощающие природное начало в человеке, так как именно они в большей степени, чем мужчины, осознают истинные законы жизни. Все герои Осоргина, вне зависимости от пола или сословия, оцениваются им исключительно с точки зрения их участия в природном течении времени. Политические убеждения для писателя были всегда мало значимы. В этом контексте Осоргин умеет объективно изобразить суть самых неоднозначных и противоречивых событий. Осуждая насилие, писатель никогда не отказывался от попыток понять противоборствующих героев. В любом персонаже он замечает, прежде всего, человека. Для Михаила Андреевича Осоргина не существует никаких барьеров – ни классовых, ни национальных, ни даже биологических. Вселенский поток времени, в убеждении писателя, един и гармоничен, а его законы неизменны и для всех одинаковы. Все составляющие космической жизни в одинаковой степени существуют, нет вещей более или менее важных.

Писатель представляет течение времени в разных его измерениях: в романе *Сивцев Вражек* показана семейная жизнь на фоне исторических потрясений, в дилогии *Свидетель истории* и *Книге о концах* показаны судьбы героев, пытающихся активно повлиять на политическую жизнь страны. *Вольный каменщик* отображает внутренний путь человека к правде, проходящий в какой-то степени параллельно событиям реальной жизни, а *Времена* – это «путешествие в прошлое», открывающее богатство человеческой памяти.

Михаил Андреевич Осоргин разнообразен также в выборе жанра. Он создает социально-психологический и публицистический романы, философскую и автобиографическую повести, а также исторические рассказы, очерки и эссе.

Неудивительно, что осмысление законов времени и истории стало одной из доминант творчества писателя, так как судьба Михаила Осоргина отразила все трагические и переломные моменты своей эпохи. В молодости писатель был вовлечен в революционное движение, побывал в царской тюрьме и страдал вместе с русской интеллигенцией после октябрьского переворота. Историческая обстановка не позволяла Михаилу Осоргину устроить спокойную жизнь – пережив две эмиграции, он вынужден был в годы Второй мировой войны покинуть Париж и скрываться от немцев на юге Франции. В результате творчество писателя стало во многом отражением драматических событий русской и европейской истории, стихии, ломающей человеческие судьбы.

Время, его природа, стали для Михаила Осоргина «ключом» для осмысления мирового порядка и законов, управляющих жизнью не только человека, но и всего природного мира. Концепцию Осоргина характеризовал своеобразный подход к пути раскрытия правды о природе всего происходящего и смысле жизни. Руководствуясь во многом философскими учениями древнего Востока, он видел цель в самом движении и отрицал характерный для европейской науки вопрос «почему?». Понятия смысла и цели временного потока в концепции Осоргина, основанной на вечном круговороте без начала и конца, теряли значение. В этом вопросе писатель выступил против научного подхода к действительности с применением математического анализа, которые, по его словам, ведут к изначально ложным выводам. Политические теории и научные анализы, по мнению Осоргина, недопустимо упрощают окружающий мир, создавая лишь его прими-

тивное подобие. Именно поэтому нет оснований говорить о какой-либо цельной философской концепции автора *Сивцева Вражка*, так как он всегда подчеркивал, что мир следует чувствовать интуитивно, а не познавать разумом.

Техническая цивилизация, по мнению Михаила Осоргина, не может переступить непреодолимый барьер, отделяющий ее от непостижимой мудрости природы. В результате она обречена на подражание вечным космическим законам, предоставляя человеку ложное убеждение о способности цивилизации подчинить себе естественный порядок вещей. В результате Осоргин всем своим творчеством стремился выразить мысль, что человечество, создав государство и социально-политический строй, изначально обрело ложный путь, который не может принести ему счастья. Любая цивилизация, по словам писателя, противоречит главному принципу существования человека – свободе личности.

Время в понимании Осоргина – это никому не подчинимая стихия, и человек, будучи ее частью, так же, как и любое другое природное существо, по своей натуре свободен. Тот, кто является частью вечного круговорота жизни, не может подчиняться условностям исторического времени. Об этом писатель утверждает на страницах своих романов, замечая также, что человечество нарушает гармонию космоса, история противоречит естественному ходу жизни, ломает судьбы людей и не может принести им счастья. Человек убивает человека, забываются духовные истины и на смену космосу приходит хаос. Осоргин стремится показать силы, способные даже в таких условиях противостоять жестокости истории. Ими оказываются вечно обновляющаяся природа и непрекращающееся течение повседневной жизни. Каждый год прилетают ласточки, приносит новую жизнь весна, на смену погибшему человеку рождается новый. Пишет книги отец Яков, бережет семейную жизнь Танюша и ищет новые законы духовной жизни Егор Тетехин. Человек, живущий в со-

гласии с природой и ее законами, обретает мудрость, гармонию и ощущение глубинного смысла круговорота жизни. Он вливается во вселенский поток времени, становясь одновременно его активным участником. Это и есть в убеждении Осоргина главное назначение всего живого.

Единство временного потока у Михаила Андреевича Осоргина заключается также в слиянии прошлого и будущего с настоящим. В этом контексте писатель не признает ни абстрактного счастья грядущих поколений, ни жертв во имя светлого будущего. Михаил Осоргин разоблачает популярные в его время универсальные рецепты и теоретические модели построения всеобщего благополучия, показывая как быстро они рушатся в столкновении с действительностью. Идея революционного преобразования мира закончилась окупленным миллионами жертв перевоплощением в рабство, а самопожертвование террористов обернулось безнравственностью и жестоким насилием. Последней верой Осоргина становится природа. Многие из его героев, пройдя через ошибки и сомнения, в конечном итоге делают правильный выбор в пользу простой мудрой жизни и обретают гармонию.

Характерным явлением произведений Михаила Осоргина является их художественная перспектива. Пытаясь охватить время в космическом масштабе, писатель обращает внимание не только на «маленьких» людей, но и на мышат и червячков. Великое формируется малым и одновременно в нем отражается. Михаил Осоргин, представляя вечные законы жизни, показывает, что мелкое и частное измеряется в тех же категориях, что и всеобщее и универсальное. Старый дом профессора на Сивцевом Вражке становится целой Вселенной, быт одной семьи отражает общечеловеческое бытие. Обычные, рядовые люди интересуют Осоргина в такой же степени, как и великие политические деятели и творители истории, хотя именно жизнь простых людей ярче всего отражает происходящие в об-

ществе изменения, они формируют исторический процесс, болезненнее всего ощущая катаклизмы истории.

В творчестве Михаила Андреевича Осоргина переплетаются традиции не только русского и европейского мировосприятия. Космизм и пантеизм писателя восходят к древним учениям Востока, к буддизму, даосизму, конфуцианству. В связи с этим в его восприятии действительности наблюдается столь ярко выраженная цикличность, противоположная характерному для христианского мировоззрения линейному представлению времени. Отношение к природе и матери-земле, как к источникам жизненной силы, роднит Михаила Осоргина с русским фольклором и древнерусской духовностью. Автор с увлечением использует также традиции христианской культуры, отразившиеся в особенности в народном мировосприятии, анализируя и рассматривая их с характерной для себя пантеистической точки зрения. С таких же позиций писатель оценивает нравственные учения масонства.

Творчество Михаила Осоргина продолжает традиции русской классики XIX века. Писатель, так же, как Александр Пушкин, создает «энциклопедию» своего времени, восхищается природой подобно Ивану Тургеневу, продолжает рассуждения Федора Достоевского на тему человеческих нравов и, наконец, продолжает толстовские традиции восприятия истории. В произведениях Михаила Осоргина прослеживаются проблемы, затронутые также в произведениях Антона Чехова, Алексея Толстого, Михаила Булгакова или Бориса Пастернака. Этика автора *Времен* находится в русле философской мысли Льва Толстого, Владимира Соловьева и Николая Бердяева.

Верность традициям, не помешавшая писателю стать смелым экспериментатором, подтверждает убеждение, что произведения Осоргина, являясь интегральной частью русской литературы, внесли в нее свой неповторимый вклад.

Творчество писателя – это без сомнения одна из самых ярких страниц литературы русского зарубежья. Личность Михаила Андреевича Осоргина, наравне с самыми выдающимися ее представителями, подтверждает теорию о богатстве и самобытности эмиграционной культуры, которую смело можно назвать преемницей традиций до-революционной России. Писатель создал свой неповторимый художественный мир, затронул общечеловеческие проблемы и показал закономерности развития мировой истории. Однако, прежде всего, Михаил Осоргин отразил трагедию исторического пути своей родины и показал духовный облик русского человека. Будучи по жизненному опыту европейцем, он в своих произведениях рассматривал мир с чисто «русских позиций». Как замечали уже его современники, Осоргин писал всегда о России и для России. Став жертвой политических и исторических обстоятельств, писатель понимал, что ему не будет дано вернуться на родину. Вместе с тем, он верил, что придут времена, когда его произведения преодолеют политические ограничения и не будут нигде запрещаться по идеологическим причинам. В настоящее время мечта Михаила Андреевича Осоргина сбылась – творчество писателя не было забыто в период идеологического раскола русской культуры и в наши дни стало неотъемлемой частью истории русской литературы XX столетия.

## Resume

Michaił Andriejewicz Osorgin (1878–1942) jest jednym z najwybitniejszych przedstawicieli rosyjskiej literatury emigracyjnej. Jego bogaty dorobek jest wciąż niedostatecznie zbadany nie tylko poza granicami Rosji, ale także w ojczyźnie pisarza. Zasłynął on powieścią *Siwcew Wrażek* (1928), która na przełomie lat 20. i 30. cieszyła się wielką popularnością nie tylko w kręgach rosyjskich emigrantów, ale także wśród ogółu europejskich czytelników. Twórczość Michaiła Osorgina kontynuuje klasyczne tradycje literatury rosyjskiej, poruszając charakterystyczne dla niej problemy. Na tematykę prac pisarza w dużej mierze wpłynęła jego biografia. Jak twierdzą badacze twórczości Osorgina, w jego utworach znalazły odbicie wszystkie tragiczne karty europejskiej i rosyjskiej historii I połowy XX wieku. Na początku stulecia Osorgin był aktywnym uczestnikiem ruchu rewolucyjnego, należał do partii eserowców i przebywał w carskim więzieniu. Jeszcze przed przewrotem październikowym musiał na 10 lat wyemigrować poza granice Rosji. Wrócił do ojczyzny zaledwie na kilka lat, by po dojściu do władzy bolszewików opuścić ją na zawsze. Aktywna działalność Michaiła Osorgina we Francji trwała 20 lat. W tym okresie pisarz stworzył nie tylko utwory literackie, ale także kontynuował aktywną działalność publicystyczną. W większości swoich artykułów Osorgin odważnie wyraża bunt przeciw przemocy i ograniczaniu wolności jednostki. W 1940 r. autor *Siwcewa Wrażka*



musiał opuścić Paryż uciekając przed zbliżającymi się hitlerowcami. Michaił Osorgin zmarł w miasteczku Chabris w nieokupowanej części Fracji, nie doczekawszy się rozstrzygnięcia wojny pomiędzy dwoma najokrutniejszymi totalitaryzmami XX wieku.

Tematem niniejszej pracy jest próba analizy koncepcji czasu w prozie emigracyjnej Michaiła Osorgina, ze szczególnym uwzględnieniem jego specyficznego podejścia do historii i procesu rozwoju cywilizacji. Bogaty materiał źródłowy daje możliwość dokładnego rozpatrzenia stosunku pisarza nie tylko do dziejów ludzkości, ale także oceny jego poglądów na zależności pomiędzy czasem historycznym i cyklicznym życiem przyrody.

Problem czasu „kosmicznego”, na tle którego płynie sprzeczny z nim czas historyczny jest jednym z głównych motywów twórczości pisarza. Konflikt pomiędzy techniczną cywilizacją i odwiecznymi prawami natury pojawia się zarówno w powieści *Siwcew Wrażek* (*Сивцев Вразжек*), jak też w utworach *Swidietiel istorii* (*Свидетель истории*) (1932) i *Kniga o koncach* (*Книга о концах*) (1935). Pod tym względem Michaił Osorgin w dużej mierze kontynuuje tradycje światopoglądowe Lwa Tolstoja. W twórczości emigracyjnego pisarza pojawiają się także motywy, charakterystyczne dla utworów Fiodora Dostojewskiego. Głównym z nich jest problem wartości moralnych w życiu społeczeństwa. W tym aspekcie Osorgin zgadza się z autorem *Zbrodni i kary*, twierdząc że demoralizacja rodzi niekontrolowaną przemoc. Literaturoznawcy dostrzegają w dorobku Michaiła Osorgina także problemy, charakterystyczne dla twórczości Iwana Turgieniewa, Antona Czechowa i Michaiła Bułhakowa. Świadczy to bez wątpienia o tym, że twórczość wybitnego przedstawiciela pierwszej fali rosyjskiej emigracji jest integralną częścią literatury rosyjskiej XX wieku. Jednocześnie Michaił Osorgin wplata do swojej wizji historii elementy panteizmu oraz starożytnych koncepcji filozoficznych, w rezultacie czego tworzy niepowtarzalny i ciekawy

obraz rzeczywistości. Według poglądu Osorgina każda cząsteczka materii jest integralną częścią cyklicznego rytmu Wszechświata. Życie człowieka z tego punktu widzenia również nieodłącznie związane jest z rytmem natury, a wszelkie próby przeciwstawienia się jej prawom skazane są na porażkę. Dzięki umiejętności wnikliwej analizy otaczającej rzeczywistości Osorgin stworzył w swoich utworach bogaty obraz współczesnej mu epoki, ukazując „oddolnie” jej specyfikę *Wriemiena* (*Времена*) – autobiografia pisarza – jest według literaturoznawców jednym z największych osiągnięć rosyjskiej literatury emigracyjnej.

Rozpatrując rzeczywistość z punktu widzenia wiecznych praw natury, Michaił Osorgin nigdy nie przestał być patriotą. Wszystkie procesy, również te w świecie przyrody, pisarz rozpatrywał z punktu widzenia Rosji i jej historii. Ojczyznę Osorgin pojmował jednak nie jako państwo, a jako przestrzeń przyrodniczą i naturalne środowisko każdego człowieka. Pisarz odrzucał wszystkie formy władzy i rozpatrywał system polityczny jako narzędzie ograniczające naturalną wolność jednostki.

Michaił Andriejewicz Osorgin jest pisarzem poruszającym kwestie ponadczasowe i odnoszące się nie tylko do środowiska rosyjskiego. Jego przemyślenia odnośnie współzależności człowieka, państwa i środowiska naturalnego są aktualne także w czasach współczesnych. Problemy, z którymi zmaga się dziś społeczeństwo, takie jak terroryzm, kryzys norm moralnych i kwestia ochrony środowiska naturalnego, są stale obecne w utworach Michaiła Osorgina. Potwierdza to słuszność poglądów pisarza na temat cykliczności dziejów i jego umiejętność wnikliwej analizy procesu historycznego.

## Summary

Mikhail Andreyevich Osorgin (1878–1942) was a Russian writer, journalist, and essayist. His works are the important part of the Russian emigrant literature.

Osorgin was born in Perm, and became a lawyer after attending university in Moscow. He participated in the revolution movement before the Russian Revolution of 1905, was arrested and imprisoned, and in 1906 eventually forced into exile in Italy. There he was continuing journalistic activity as foreign correspondent for *The Russian News*. Mikhail Osorgin returned to Russia in 1916, but after October Revolution he was again imprisoned for non-conformity deported with the group of Russian intellectualists to Western Europe in 1922. Finally, Osorgin settled in Paris, where he spent the last 20 years of his life. In Paris he contributed journalism, fiction, and book reviews to emigre papers. In France he protested urban civilization, promoting a lifestyle that was closer to nature. He stayed in France during the German occupation and died in 1942 in the village of Chabris, where he and his wife had gone as refugees.

Osorgin's best known work is the novel *Quiet Street* (*Сивцев Вражек*) (1928). The main thesis of the book is connection between humanity and nature, which is being constantly interrupted by the artificial historical process. Osorgin denied technical development. He continued to express and explain his point of view in *Svidetel istorii* (*Свидетель исто-*

*рии*) (1932) and *Kniga o koncakh* (*Книга о концах*) (1935). The novels explore Osorgin's theory of history, and in particular the insignificance of individuals such as Pyotr Stolypin, Nicholas II or Vladimir Lenin. The real "constructors" of history are average people – their lives reflect and influence development of society.

*Vremena* (*Времена*) (1955) is considered one of the best autobiographical novels in Russian émigré literature.

This work concentrates on specific perceiving of reality and the historical process in the novels of Mikhail Osorgin. Author tries to explain the meaning of socialistic movement in Russia and its consequences – the revolution and the civil war 1917–1921. According to the Osorgin's point of view, the catastrophe, which happened to his country, was a part of the natural evolution of the universe. Also for author the human life is more important than political ideas. Osorgin explains, that people should build their own happiness instead of sacrifice their lives for abstract goals, which mean nothing in the face of the universe and infinity. The writer consequently rejects violence. These ideas are connected with pantheistic ideology of Osorgin and continue traditions of Leo Tolstoy's theory of history.

Thanks to the factors listed above, Osorgin's works are undoubtedly an integral part of the history of Russian literature of 20th century.

## **Библиография**

### **Произведения художественной литературы**

- Алданов М., Ключ. Бегство. Пещера, Москва 2002.
- Булгаков М., Белая гвардия [в:] его же, Собачье сердце: Роман. Повести. Рассказы, Москва 2005.
- Булгаков М., Мастер и Маргарита [в:] его же, Собрание сочинений в восьми томах, т. 5, Санкт-Петербург 2002.
- Бунин И., Окаянные дни, Москва 2005.
- Достоевский Ф., Бесы, [в:] его же, Полное собрание сочинений, т. 7, Ленинград 1990.
- Достоевский Ф., Братья Карамазовы, [в:] его же, Полное собрание сочинений, т. 9, Ленинград 1991.
- Достоевский Ф., Дневник писателя, [в:] его же, Полное собрание сочинений, т. 13, Санкт-Петербург 1994.
- Зайцев Б., Белый свет. Проза, Москва 1990.
- Осоргин М., В тихом местечке Франции, Москва 2005.
- Осоргин М., В Юности [в:] его же, Чудо на озере, Париж 1931.
- Осоргин М., Вагон. Россия. Рассказы [в:] «Литературная газета», 31.10.1990.
- Осоргин М., Великое и малое [в:] «Восход» 1933, № 6.
- Осоргин М., Вольный каменщик: Повесть. Рассказы, Москва 1992.
- Осоргин М., Времена: Романы и автобиографическое повествование, Екатеринбург 1992.
- Осоргин М., Выбор невесты, [в:] его же, Сивцев Вражек: Роман. Повесть. Рассказы, Москва 1990.
- Осоргин М., Дожди, [в:] его же, Воспоминания. Повесть о сестре, Воронеж 1992.
- Осоргин М., Земля, [http://az.lib.ru/o/osorgin\\_m\\_a/text\\_0150.shtml](http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0150.shtml).
- Осоргин М., Чудо на озере, Париж 1931.
- Осоргин М., Каменный шаг [в:] «Последние новости» 1937, № 5980.
- Осоргин М., Книга о концах [в:] его же, Времена: Романы и автобиографическое повествование, Екатеринбург 1992.
- Осоргин М., Мемуарная проза, Пермь 2006.
- Осоргин М., На новый путь [в:] «Власть народа», 21.01.1918.
- Осоргин М., Письма и статьи [в:] Cahiers Du Monde Russe Et Soviétique, Vol. 25, 1984 № 2–3,
- Осоргин М., Письма о незначительном, Москва 2005.

- Осоргин М., Письма о незначительном, Нью-Йорк 1952.
- Осоргин М., По поводу белой коробочки, Париж 1947.
- Осоргин М., Портрет матери, [http://az.lib.ru/o/osorgin\\_m\\_a/text\\_0150.shtml](http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0150.shtml).
- Осоргин М., Про бабушку [в:] его же, Воспоминания. Повесть о сестре, Воронеж 1992.
- Осоргин М., Происшествия зеленого мира [в:] его же, Времена. Происшествия зеленого мира, Москва 2005.
- Осоргин М., Российские писатели о себе [в:] «Современные записки» 1924, кн. 21.
- Осоргин М., Свидетель истории. Книга о концах. Рассказы, Москва 2003.
- Осоргин М., Свидетель истории: романы, повести, рассказы, Москва 2010.
- Осоргин М., Сивцев Вражек: Роман. Повесть. Рассказы, Москва 1990.
- Осоргин М., Утрированный филантроп [в:] «Последние новости» 1936, № 5754.
- Пастернак Б., Доктор Живаго, Москва 2008.
- Пильняк Б., Голый год [в:] его же, Собрание сочинений в трех томах, т. 1, Москва 1994.
- Ремизов А., Взвихренная Русь, Москва 2002.
- Толстой А., Хождение по мукам, Москва 2004.
- Толстой Л., Война и мир [в:] его же, Собрание сочинений в 22 томах, т. 4, Москва 1979.
- Толстой Л., О жизни [в:] его же, Собрание сочинений в 22 томах, т. 17, Москва 1984.
- Тургенев И., «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». С. А—ва [в:] его же, Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах, т. 4, Москва 1980.
- Тургенев И., Отцы и дети [в:] его же, Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах, т. 7, Москва 1981.
- Чириков Е., Зверь из бездны, Санкт-Петербург 2000.
- Шолохов М., Тихий Дон, Москва 1959.

## **Научно-критическая литература на русском языке**

- Абашев В., Человек воды. Заметки о мистике Михаила Осоргина [в:] Михаил Осоргин: Художник и журналист, под ред. В. Абашева, Е. Власовой, Пермь 2006.
- Авдеева О., Серков А., Воспитание души [в:] М. Осоргин, Вольный каменщик: Повесть. Рассказы, Москва 1992.
- Авдеева О., Ласточки непременно прилетят... [в:] М. Осоргин, Сивцев Вражек, Москва 1990.
- Авдеева О., Лучшие на свете книги написаны большими сердцами... [в:] М. Осоргин, Собрание сочинений в 2-х томах, т. 1, Москва 1999.
- Аврелий М., Высказывания и афоризмы, Москва 2010.
- Агеносов В., Вселенная, революция и культура в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» (М. Осоргин и М. Горький) [в:] Горьковские чтения 1993 г.: Материалы конференции «А.М. Горький и литературный процесс XX века», под ред. Г. Зайцевой, Нижний Новгород, 1994.
- Адамович Г., Мих. Осоргин. Свидетель истории [в:] «Современные записки», кн. 50, 1932.
- Адамович Г., Россия, Русь, святость (о «Книге о концах» Осоргина) [в:] «Последние новости», 9.05. Париж 1935.
- Адамович Г., «Сивцев Вражек» М. А. Осоргина, [в:] «Звено», Париж 1928, №5.
- Адамович Г., Мих. Осоргин. Там, где был счастлив. Рассказы [в:] «Современные записки» Париж 1929, № 38.
- Алданов М., Предисловие [в:] М. Осоргин, Письма о незначительном, Нью-Йорк 1952.
- Алданов М., Михаил Осоргин. «Старинные рассказы» [в:] «Юность» 1990, № 5.
- Андрушко Ч., Образ времени: «Солнце мертвых» И. Шмелева и «Голый год» Б. Пильняка [в:] Художественный мир И.С. Шмелева и традиции славянских литератур. XII Крымские международные шмелевские чтения. Сборник материалов международной научной конференции, Симферополь 2004.
- Аникин А., Жизнь во времени. (Историческое время в русской классике), <http://www.portal-slovo.ru/philology/37130.php>.
- Антипина З., Горы, лес и река в произведениях М. Осоргина и В. Каменского, <http://www.psu.ru/psu/files/3728/Antipina.doc>.

- Афанасьев А., Михаил Осоргин: судьба и время, [в:] М. Осоргин, Времена: Автобиографическое повествование. Романы, Москва, 1989.
- Барковская Н., Возвращение к истокам (Осмысление исторической судьбы России в «Старинных рассказах» М.Осоргина) [в:] Михаил Осоргин: Жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, О. Ласунского, Пермь 1994.
- Барковская Н., С верой в Россию. М. Осоргин (1878–1942) [в:] Н. Барковская, Литература русского зарубежья (Первая волна), Екатеринбург 2001.
- Бахтин М., Вопросы литературы и эстетики, Москва 1975.
- Бердяев Н., О назначении человека. Опыт парадоксальной этики, Париж 1931.
- Бердяев Н., О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии, <http://www.vehi.net/berdyaev/rabstvo/023.html>.
- Бердяев Н., Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX начала XX века, Москва 2000.
- Бердяев Н., Судьба России, Москва 2007.
- Болдырева Е., Автобиографическая орнаментальность: текст как ризома (на материале автобиографического повествования М. Осоргина «Времена») [в:] Историософия в русской литературе XX и XXI веков: традиции и новый взгляд: Материалы XI Шешуковских чтений, под ред. Л. Трубиной, Москва 2007.
- Боравская И., Воплощение натурфилософской концепции в художественной прозе М. Осоргина 1920-х годов, Москва 2007.
- Боравская И., Космос и хаос в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» [в:] Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Международной научной конференции, под ред. Л. Алексеевой, В. Скрипкиной, Москва 2003.
- Боравская И., Осмысление законов жизни в свете натурфилософской концепции М. Осоргина (на материале рассказов из цикла «Чудо на озере») [в:] Вестник Волжского Университета им. В.Н. Татищева, серия «Филология», выпуск шестой, Тольятти 2006.



- Бронская Л., Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья первой пол. XX века (И.К. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин), Ставрополь 2001.
- Бронская Л., Русская идея в автобиографической прозе русского зарубежья: И. С. Шмелев, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин, Ставрополь 2000.
- Бруно Д., Пять диалогов, [http://www.gumer.info/bogoslov\\_Buks/Philos/bruno/5d.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/bruno/5d.php).
- Вишняк М., Современные записки. Воспоминания редактора, IndianaUniversity 1957.
- Гашева Н., Кинематографичность прозы М. Осоргина: аспект структурного синтеза на межвидовом уровне [в:] Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика, № 2, 2005.
- Геллер М., Писатель и власть: Михаил Осоргин [в:] Михаил Осоргин: жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, О. Ласунского, Пермь 1994.
- Горфункель А., Томаззо Кампанелла, Москва 1969.
- Горюнов Д., М. А. Осоргин как представитель русского масонства [в:] Михаил Осоргин и вечные ценности русской культуры: Материалы научно-практической конференции, под ред. В. Кайдалова, Пермь 2003.
- Данилевский Н., Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому, Санкт-Петербург 1895.
- Дергачева Э., Дом и история в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» [в:] Михаил Осоргин: Жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, О. Ласунского, Пермь 1994.
- Ефремова Е., Размышления по поводу автобиографических произведений М. А. Осоргина [в:] Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции... Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции, Пермь 2009.
- Жлюдина А., Путь Наташи Калымовой в романе М. А. Осоргина «Свидетель истории» [в:] Вестник ТГПУ, выпуск 8 (98), miejsce wydania 2010.
- Зайцев Б., М. Осоргин «Сивцев Вражек», [в:] «Современные записки» №38, 1928.

- Зверев А., Сивцев Вражек [в:] Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940), под ред. А. Николюкина, т. 3, Москва 1999.
- Златар А., Автобиография глазами исследователей средневековья [в:] Автоинтерпретация: сборник статей, под ред.: А. Муратова, Л. Иезуитовой, Санкт-Петербург 1998.
- Зноско-Боравский Е., М. Осоргин. Сивцев Вражек [в:] «Иллюстрированная Россия», 28 апреля 1928.
- Zuwert A., Романы Бориса Пильняка 20-х годов, Poznań 2001.
- Иванова С., Роль хронотопа в раскрытии идейно-художественного содержания романов М. А. Осоргина «Сивцев Вражек» и М. А. Булгакова «Белая гвардия» [в:] Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции... Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции, Пермь 2009.
- Казак В., Лексикон русской литературы XX века, Москва 1996.
- Кара-Мурза А., Интеллектуальные портреты: Очерки о русских политических мыслителях XIX–XX вв., Москва 2006.
- Ковалева О., Космос и хаос в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» [в:] Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературах: материалы Международной научной конференции, Волгоград 2006.
- Ковальчук С., Историческое время, спонтанность и порядок как гносеологические категории, Пермь 2004.
- Кодзис Б., Литературные центры русского зарубежья 1918–1939, München 2002.
- Комина Р., Чеховская Россия в произведениях Осоргина [в:] Михаил Осоргин: Жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, О. Ласунского, Пермь 1994.
- Коневских Л., Земля как этическое основание в представлении Михаила Осоргина [в:] Мир начинается в детской. Материалы VII научно-практической конференции, Пермь 2010.
- Королев А., Бесконечное бегство (попытка догнать) [в:] Михаил Осоргин: Художник и журналист, под ред. В. Абашева, Е. Власовой, Пермь 2006.
- Кузьмищева Н., Б. Зайцев и М. Осоргин: со- и противопоставление мироощущений [в:] Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века:

- Материалы Международной научной конференции, под ред. Л. Алексеевой, В. Скрипкиной, Москва 2003.
- Курбатова О., Обзор творчества М. А. Осоргина, Благовещенск 2009.
- Лапаева Н., Культура и история в художественном мире М. Осоргина [в:] Проблемы языка и литературы: методология, теория, история, Пермь 1998.
- Лапаева Н., «Письма о незначительном» М. Осоргина: антропология против идеологии[в:] Михаил Осоргин и вечные ценности русской культуры: Материалы научно-практической конференции, под ред. В. Кайдалова, Пермь 2003.
- Лапаева Н., Художественный мир М. Осоргина, Тюмень 1998.
- Ласунский О., В споре с эпохой [в:] Воспоминания. Повесть о сестре, Воронеж 1992.
- Ласунский О., Михаил Осоргин: структура, качество и эволюция таланта [в:] Михаил Осоргин: жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, О. Ласунского, Пермь 1994.
- Лейтес Н., Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе 19–20 вв., Пермь 1929.
- Литература Русского зарубежья (1920–1990), под ред. А. Смирновой, Москва 2006.
- Лобанова Г., «Маленький человек» в вихре истории: опыт анализа романов М. Осоргина 1920–1930 гг., Уфа 2008.
- Лобанова Г., Эволюция нравственного сознания «маленького человека» в романах М. Осоргина 1920–1930 годов, Москва 2002.
- Лой А., Социально-историческое содержание категории «Время» и «Пространство», Киев 1978.
- Лотман Ю., Дом в «Мастере и Маргарите» [в:] его же, О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993), Санкт-Петербург 1997.
- Лосский Н., История русской философии, Москва 1991.
- Марченко Т., Осоргин Михаил Андреевич [в:] Писатели русского зарубежья (1918–1940), под ред. А. Николюкина, часть 2, Москва 1994.
- Марченко Т., Творчество М. А. Осоргина: 1922–1942, Москва 1994.
- Mianowska J., Литература русского зарубежья в польских учебных пособиях [в:] «Acta Polono-Ruthenica» XI, Olsztyn 2006.

- Михайлов О., От Мережковского до Бродского – литература русского зарубежья, Москва 2001.
- Мужайлова Е., Ф. М. Достоевский и М. А. Осоргин: типология почвенничества, Уфа 2008.
- Нестерова Н., Общественно-политические взгляды и деятельность М. А. Осоргина, Брянск 2009.
- Нечаева М., Поэтико-философский контекст и околороманное пространство романа М. А. Осоргина «Сивцев Вражек», Тамбов 1997.
- Нечаева М., Философия стоицизма в художественной ткани романа М. А. Осоргина «Сивцев Вражек» [в:] Русская литература XX века: онтология и поэтика. Научная школа профессора Н. Поляковой: Коллективная монография, под ред. Н. Желтовой, Тамбов 2005.
- Никоненко С., О России – с любовью [в:] «Юность» № 6, Москва 1990.
- Новикова Л., Художественный мир М. А. Осоргина [в:] Михаил Осоргин и вечные ценности русской культуры: Материалы научно-практической конференции, под ред. В. Кайдалова, Пермь 2003.
- Озерная М., Категория художественного времени в литературе, <http://ozzsite.ucoz.ru/publ/15-1-0-14>.
- Погодина Е., Специфика речевого функционирования категорий «пространство» и «время» в автобиографической прозе (на материале произведений М. Осоргина и И. Бунина), Санкт-Петербург 2002.
- Поликовская Л., Осоргин Михаил Андреевич [в:] Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь, под ред. А. Николаева, т. 4, Москва 1999.
- Поликовская Л., Публицистика Михаила Осоргина (август 1916 – сентябрь 1918 гг.): темы, идеи, жанры [в:] Михаил Осоргин: жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, О. Ласунского, Пермь 1994.
- Пудовкина И., Михаил Осоргин: поиски духовного смысла в период дехристианизации русского общества [в:] Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции... Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции, Пермь 2009.

- Ранчин А., Проза Михаила Осоргина, <http://www.litra.ru/critique/get/crid/00195501286819839132/page/2/>.
- Роднянская И., Художественное время и пространство [в:] Литературный энциклопедический словарь, под ред. П. Николаева, Москва 1987.
- Розанов В., Апокалипсис нашего времени, <http://www.dgn.su/lib/ru/>.
- Россия осталась в сердце... Библиографический указатель сочинений М. А. Осоргина и литературы о нем за 1897–2008 гг., под ред. В. Борисова, Уфа 2008.
- Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь, под ред. В. Шелохаева, Москва 1997.
- Савельев С., Мих. Осоргин. «Происшествия зеленого мира» [в:] «Современные записки» 1939, № 68.
- Сазонова Ю., Михаил Осоргин. Повесть о сестре [в:] «Современные записки», том 45, 1931.
- Серков А., История русского масонства. 1845–1945, Санкт-Петербург 1997.
- Серов В., Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, <http://bibliotekar.ru/encSlov/7/9.htm>.
- Скрябина Т., Литература русского зарубежья, <http://www.krugosvet.ru/articles/102/1010235/1010235a1.htm>.
- Современный Энциклопедический словарь, <http://lib.rin.ru/doc/i/20316p526.html>.
- Соловьев В., Общий смысл искусства, [http://www.vehi.net/soloviev/smysl\\_isk.html](http://www.vehi.net/soloviev/smysl_isk.html).
- Соловьев В., Чтения о Богочеловечестве, <http://www.vehi.net/soloviev/chteniya/11-12.html>.
- Соловьев С., Владимир Соловьев: Жизнь и творческая эволюция, Москва 1997.
- Спиноза Б., Этика, <http://bdsweb.tripod.com/ru/eth/eth1.htm>.
- Степун Ф., Встречи. Достоевский – Л. Толстой. Бунин – Зайцев – В. Иванов. Белый – Леонов, Мюнхен 1962.
- Струве Г., Русская литература в изгнании, Нью-Йорк, 1956.
- Философский энциклопедический словарь, под ред. С. Аверинцева, Э. Араб-Оглы, Л. Ильичева и др., Москва 1989.
- Сухих И., Писатель с «философского парохода» [в:] «Нева» 1993, № 2.

- Сыромятников О., Михаил Осоргин – трагедия духа [в:] Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции... Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции, Пермь 2009.
- Федута А., Россия без опоры (исторические рассказы М. А. Осоргина), [www.leidykla.vu.lt/fileadmin/Literatura/52\\_2/53-62.pdf](http://www.leidykla.vu.lt/fileadmin/Literatura/52_2/53-62.pdf).
- Фоминых Т., Историко-культурный контекст образа мировой войны в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» [в:] Сборник в честь 65-летия А. М. Минаковой, Москва 1996.
- Фрадкина С., На перекрестке традиций («Сивцев Вражек» М. Осоргина в традиции русской классики) [в:] Михаил Осоргин: Жизнь и творчество: Материалы первых осоргинских чтений, под ред. В. Абашева, Р. Коминой, О. Ласунского, Пермь, 1994.
- Хатямова М., Концепция времени в автобиографическом повествовании М. А. Осоргина «Времена» («Детство»), [http://vestnik.tspu.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=2527&Itemid=276](http://vestnik.tspu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2527&Itemid=276).
- Шамбаров В., Белогвардейщина, Москва 2007.
- Хатямова М., Метатекстовая структура в романе М. А. Осоргина «Вольный каменщик» (1935), <http://www.philology.nsc.ru/docs/journal/article.php?id=59>.
- Цетлин М., Мих. Осоргин. Книга о концах [в:] «Современные записки» 1932, кн. 58.
- Чудинова Г., Художественное изображение русского национального характера в автобиографической книге М. Осоргина «Времена» [в:] Михаил Осоргин и вечные ценности русской культуры: Материалы научно-практической конференции, под ред. В. Кайдалова, Пермь 2003.
- Шпенглер О., Закат Европы. Образ и действительность, т. 1, 1993.
- Яновский В., М. Осоргин. «Свидетель истории» [в:] «Числа» 1933, № 7–8,
- Яновский В., Мих. Осоргин. «Происшествия Зеленого Мира» [в:] «Русские записки» Париж 1939, № XV.
- Яновский В., Поля Елисейские, [http://az.lib.ru/o/osorgin\\_m\\_a/text\\_0020.shtml](http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0020.shtml).

**Научно-критическая литература на польском языке**

- Bartoszyński K., Problem konstrukcji czasu w utworach epickich [в:] Problemy teorii literatury, под ред. H. Markiewicza, Wrocław 1987.
- Besaçon A., Przekleństwo wieku. O komunizmie, narodowym socjalizmie i jedyności Zagłady, przeł. J. Guze, Warszawa 2000.
- Borkowski R., Sens historii (modele czasu historycznego) [в:] Konflikty współczesnego świata, под ред. R. Borkowskiego, Kraków 2001.
- Czermińska M., Czas w powieściach Parnickiego, Wrocław 1972.
- Drawicz A., Po przewrocie bolszewickim, [в:] Historia literatury rosyjskiej XX wieku, под ред. A. Drawicza, Warszawa 2002.
- Idee w Rosji = Идеи в России = Ideas in Russia. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski, t. 1–5, pod red. A. de Lazari, Warszawa 1999–2003.
- Eliot Th., Tradycja i talent indywidualny [в:] Teoria badań literackich za granicą, под ред. H. Markiewicza, Kraków 1981.
- Kasack W., Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku. Od początku stulecia do roku 1994, przekład, opacowanie, bibliografia polska i indeks osób B. Kodzis, Wrocław 1996.
- Klimowicz T., Przewodnik po współczesnej literaturze rosyjskiej i jej okolicach (1917–1996), Wrocław 1996.
- Mianowska J., Antologia rosyjskiej prozy emigracyjnej (pierwsza i trzecia fala emigracji), Bydgoszcz 1997.
- Pipes R., Rewolucja rosyjska, przeł. T. Szafar, Warszawa 2006.
- Pipes R., Rosja bolszewików, przeł. W. Jeżewski, Warszawa 2005.
- Słownik pisarzy rosyjskich, под ред. F. Nieuważnego, Warszawa 1994.
- Suchanek L., Emigracja rosyjska XX wieku, [в:] Rosjoznawstwo, под ред. L. Suchanka, Kraków 2004.







Antoni Bortnowski – adiunkt w Zakładzie Literatury Rosyjskiej Instytutu Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej UAM (od 2012 r.). Jest absolwentem filologii rosyjskiej z ukraińską (tytuł magistra w 2008 r.) oraz stosunków międzynarodowych (tytuł magistra w 2012 r.) Uniwersytetu im. A. Mickiewicza w Poznaniu. W roku 2012 uzyskał tytuł doktora nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa rosyjskiego.

W okresie studiów doktoranckich Antoni Bortnowski zajmował się badaniem rosyjskiej literatury emigracyjnej pierwszej fali, ze szczególnym uwzględnieniem twórczości Michaiła Osorgina. Niniejsza monografia jest rezultatem pracy w tym okresie.

Michaił Osorgin to jeden z najwybitniejszych przedstawicieli rosyjskiej literatury emigracyjnej, którego twórczość pierwszych oficjalnych wydań w Rosji doczekała się dopiero w ostatnich dwóch dziesięcioleciach. (...) W Polsce Osorgin i jego działalność twórcza jest prawie nieznana, co powoduje, że przedłożona do recenzji praca doktorska jest tematycznie bardzo aktualna i, można rzec, pionierska. Analiza utworów Osorgina jest niezwykle ważna, biorąc pod uwagę, że emigracyjny pisarz wpisał się w literacką tradycję Lwa Tołstoja, Fiodora Dostojewskiego, Iwana Turgieniewa, Antona Czechowa, Michaiła Bułhakowa i wielu innych wybitnych rosyjskich pisarzy. Widoczne jest to, przede wszystkim, w takich utworach Osorgina jak: *Siwcew Wrażek* (1928), *Swidietiel istorii* (1932), *Kniga o koncach* (1935), *Wolnyj kamienszczik* (1937) i autobiografii *Wriemiena* wydanej dopiero po śmierci pisarza w Paryżu w 1955 roku, które to prace znalazły się w centrum badań Autora.

dr hab. Wawrzyniec Popiel-Machnicki, prof. UAM  
(fragment recenzji)



\*DOI: 10.14746/9788394719890 \*